

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

№ 3 (22)

научно-
теоретический
журнал

Выходит
4 раза в год

Основан
в 2006 г.

ТЕМА НОМЕРА : ПОЛИТОГЕНЕЗ В АТР

- От редактора рубрики 3
- Беляев Д.Д.** Под сенью Птичьего Божества:
формирование идеологии царской власти
на Гватемальском нагорье в I тыс. до н.э. 8
- Острирова Е.С.** Образ правителя
в культуре Тайрона (Колумбия) 23
- Пакин А.В.** Лидерство и власть у науа на южных
границах Месоамерики в период испанской конкисты
XVI в. (Гватемала, Сальвадор, Никарагуа) 33
- Латушко Ю.В.** Эволюция сложного общества
на Гавайях (в доевропейский период) 45

ИНТЕРВЬЮ

- Мультикультурализм : риторика и практика
(интервью с **А.М. Кузнецовым**) 61

ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ И ЭКОНОМИКА

- Козлова С.А.** Добыча золота в Верхнеудинском
округе Забайкальской области в XIX – начале XX вв.
и участие в ней старообрядцев 75
- Маклюков С.Б.** Становление и развитие
электроэнергетики Дальнего Востока в системе
городского хозяйства в начале XX века 83

СОЦИАЛЬНЫЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ

- Лазарева С.И., Шпилева А.Н.** Российская
эмиграция и развитие образования в Маньчжурии
20-40-х годов XX века 94

МИРОВАЯ СИСТЕМА И МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Золотухин И.Н.** Китайская бизнес-диаспора
в Юго-Восточной Азии 103
- Макеева С.Б.** Анализ международных коммуникаций
в образовательной сфере между Иркутской областью
и провинциями КНР : по результатам
социологического исследования 109

ВОЕННАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

- Колесниченко К.Ю.** Военный фактор в развитии
Дальнего Востока России
(на примере Приморского края) 116
- Старогородцева В.В.** Фактологические ошибки
и разночтения в регионоведческих исследованиях
военно-исторического характера:
необходимость и проблема их выявления 126

ФИЛОСОФСКИЙ МЕРИДИАН

От редактора рубрики	135
Конончук Д.В. Конфуцианская культурная парадигма	136
Матвеев В.А. Специфика японского понимания истины (макото) и феномен истинного сердца (магокоро)	145
ACADEMIA	
От редактора рубрики	151
Ермошин В.В., Ганзей К.С., Мишина Н.В., Егидарев Е.Г. Геоинформационное картографирование природных комплексов Дальнего Востока России	152
РЕГИОН В ДОКУМЕНТАХ И СВИДЕТЕЛЬСТВАХ	
Караман В.Н. Воспоминания З.Н. Мартынова. Сучанские красные партизаны. Перятинский бой 1919 г.	162
НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ	
Жерновой М.В., Сухаренко А.Н. Состояние и прогноз развития наркоситуации в Дальневосточном федеральном округе	171
РЕЦЕНЗИИ	
Барбенко Я.А. Хартленд на ладони: «Сибирь. Атлас Азиатской России»	178
СОКРАЩЕНИЯ	187

Редакционная коллегия:

Т.Г. Римская (главный редактор), В.А. Бурлаков, М.Г. Ганопольский, А.Н. Демьяненко, Е.В. Журбей (ответственный редактор), И.Н. Золотухин, М.А. Калугина, В.Н. Караман, А.А. Киреев, Л.И. Кирсанова, В.В. Кожевников, А.М. Кузнецов, Ю.В. Латушко, Д.А. Литошенко, А.Л. Лукин, Ю.А. Наумов, С.В. Севастьянов, Чой Нак Джун, О.И. Шестаков, С.Е. Ячин.

Учредитель: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Владивостокский государственный университет экономики и сервиса".

Адрес редакции: 692000, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.

Официальный сайт журнала: <http://www.ojkum.ru>

E-mail: oikomene@rambler.ru; ojkum@rambler.ru

Редактор электронной верстки: В.Н. Караман

Графическое оформление: Я.А. Барбенко, В.Н. Караман, В.В. Постников.

Корректор: Е.В. Абрамова

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации – серия ПИ № ФС77-30578, выданное 12.12.2007 г.

OJKUMENA

Regional researches

№ 3 (22)

*scientific-
theoretical
journal*

Issued
4 times a year

Founded
in 2006

THE THEME : POLITOGENESIS IN ASIA PACIFIC REGION

From the editor of the heading 3

Beliaev D.D. In the shadow of the Bird's Deity:
formation of ideology of royal power on Guatemalan
uplands in I thousand BC 8

Ostrirova E.S. The image of the ruler
in the Tairona culture (Colombia) 23

Pakin A.V. Leadership and power in the society of nahuas
of the southern frontiers of Mesoamerica during
the Spanish conquest XVI century (Guatemala, Salvador,
Nicaragua) 33

Latushko Yu.V. Evolution of Hawaiian Complex Society
(before the arrival of Europeans) 45

INTERVIEW

Multiculturalism : rhetoric and practice
(interview with **A. M. Kuznetsov**) 61

WILDLIFE MANAGEMENT AND ECONOMY

Kozlova S.A. Gold mining in Verhneudinsky district
of Transbaikalian area in XIX – the beginning XX centuries
and participation in it of Old Believers 75

Maklyukov A.V. Formation and development
of electric power industry of municipal services
in the Far East in the early XX century 83

SOCIAL AND DEMOGRAPHIC STRUCTURES

Lazareva S.I., Shpileva A.N. Russian emigration and
education in Manchuria in 20-40s of XX century 94

WORLD SYSTEM AND INTER-REGIONAL RELATIONS

Zolotukhin I.N. Chinese Business-Diaspora
in the Southeast Asia 103

Makeeva S.B. The analysis of the international
communications in educational sphere between Irkutsk
area and provinces of the Peoples Republic of China:
by results of sociological research 109

MILITARY AND POLITICAL GEOGRAPHY OF EAST ASIA

Kolesnichenko K.Yu. The military factor
in development of the Russian Far East
(on an example of Primorski Territory) 116

Starogorodtseva V.V. Factual errors and
inconsistencies in regional military-historical studies:
the need and the problem of detecting them 126

Vladivostok
2012

PHILOSOPHICAL MERIDIAN

From the editor of the heading	135
Kononchuk D.V. The Confucian cultural paradigm	136
Matveenko V.A. The specificity of Japanese understanding of truth (makoto) and the concept of True Heart (magokoro)	145
ACADEMIA	
From the editor of the heading	151
Ermoshin V.V., Ganzej K.S., Mishina N.V., Egidarev E.G. Geoinformation mapping of natural complexes of the Far East Russia	152
THE REGION IN THE TESTIMONIES AND DOCUMENTS	
Karaman V.N. Z.N. Martynov's memoirs. Red guerrillas of Suchan. The battle of Perjatino in 1919	162
SCIENTIFIC MESSAGES	
Zhernovoy M.V., Sukharenko A.N. Status and prognosis of the drug situation in the DFO	171
REVIEWS	
Barbenko J.A. Heartland at a glance: «Siberia. Atlas of Asian Russia»	178
REDUCTIONS	187

Editorial board:

T.G. Rimskaya (Editor-in-chief), V.A. Burlakov, M.G. Ganopolskij, A.N. Demyanenko, E.V. Zhurbey (Editor), I.N. Zolotukhin, M.A. Kalugina, V.N. Karaman, A.A. Kireev, L.I. Kirsanova, V.V. Kozhevnikov, A.M. Kuznetsov, Yu.V. Latushko, D.A. Litoshenko, A.L. Lukin, Yu.A. Naumov, S.V. Sevastyanov, Choj Nak Dzhun, O.I. Shestak, S.E. Yachin.

Founder: State educational institution of the higher professional education "Vladivostok state university of Economics and Service".

Address: 2 Ozernaja St., Nakhodka 692000, Primorskyi krai, Russia.

Official site of journal: <http://www.ojkum.ru>

E-mail: oikomene@rambler.ru; ojkum@rambler.ru

Electronic computer is made up by V.N. Karaman

Graphic registration: J.A. Barbenko, V. N. Karaman, V.V. Postnikov.

Corrector E.V. Abramova

Authors' points of view on the problems under investigation do not necessarily coincide with those of the Editorial Board.

Journal is registered by Federal service on supervision in sphere of mass communications, connection and cultural heritage protection.

Certificate on registration of the journal ser. PI № FS77-30578, given by 12.12.2007.

От редактора рубрики

В настоящем выпуске нам бы хотелось познакомить читателя с несколькими сюжетами по месоамериканской истории и политической антропологии. Данные исследования даже большинству образованных людей кажутся чем-то страшно далёким, экзотическим и вместе с тем интересным, захватывающим. Стандартная программа укладывается в шапочное знакомство с классическими цивилизациями Нового Света – майя, ацтеками, инками. Намного меньше людей знают (если считать знанием то, что человек помнит после того, как всё основательно забыл, выйдя из стен школы или вуза) детали генезиса этих цивилизаций, а ещё меньше задумывается на тему – какие проблемы, актуальные для современной политической антропологии и истории в целом, можно решать на их примере.

Процесс возникновения сложных обществ и последующий генезис государства давно интересует исследователей. Не случайно, что преодоление общинного уровня социальной интеграции и возникновение организационной иерархии в виде вождеств (двух и более уровневых систем) в среде эволюционистов принято называть «управленческой революцией» (по аналогии с чайлдовской неолитической или уайтовскими энергетическими революциями). Данный процесс шёл во многом схожими путями во всех частях ойкумены, имея, наряду с этим, и свои специфические источники и формы воплощения. Потребность в такой революции проистекала из необходимости организовывать редистрибуцию ресурсов (материальных и символических) в условиях их ограниченности (естественной или даже искусственной), несмотря на то, что производящее хозяйство этой фазы уже поддерживало значительное по прежним меркам население. Причём возникновение политэкономии было и следствием, и, одновременно, причиной новых потребностей, стимулировало престижное потребление элиты и вело к её последующей внутренней дифференциации и конкуренции, а сами политики – к экспансии. Источники же власти могли быть самыми разными – контроль над торговыми сетями и редкими ресурсами, военным делом, сакральным знанием и т.п. Нерасчленённость властных компетенций, тождественность политических иерархий семейно-клановым структурам и особая роль идеологии (которая рождается параллельно) на данном уровне социальной эволюции всегда стимулируют спекуляции о соотношении светской (в основном военной) и жреческой власти. Кажется, что политическая власть в Месоамерике рождалась как теократическая и развивалась до военных форм (в логике – от майя до ацтеков), однако это не совсем верно. Древние майя не были такими уж миролюбивыми фанатиками и богобоязненными астрономами, какими их рисовали Сильванус Морли или Джон Томпсон. Уровень агрессии и воинственности в их обществе не может напрямую увязываться с фактом отсутствия у них единой империи. В целом, перераспределение функций между отдельными жреческими и военными кланами на разных этапах не дробило системы власти, а перераспределяло нагрузку в зависимости от задач общественного развития. В период кризиса и упадка роль военной элиты всегда возрастает, что одновременно ускоряет социальный коллапс, потому что «справить на коне» невозможно.

Идеология, которая возникает в сложном обществе, намного лучше цементирует его ядро, чем прямое принуждение. С нашей точки зрения, концепты власти и лидерства – весьма интересная часть политической культуры доколумбовой Месоамерики. Открывает рубрику работа Д.Д. Беляева «Под сенью Птичьего Божества», в которой автор

анализирует формирование царской власти на Гватемальском нагорье в I тыс. до н.э. Центральное Гватемальское нагорье – одно из важнейших мест Месоамерики, связанное с судьбами многих её народов, включая, прежде всего, упомянутых майя. В статье рассматриваются истоки формирования канонических представлений о власти и образе правителя, выраженных как в имперсонации птичьего бога¹, так и в возвеличивании военных триумфов правителя. Рост и усложнение политий Гватемальского нагорья отчётливо маркирован ростом монументальной архитектуры и скульптуры, рождением иконографического канона и т.п. Для подтверждения своих мыслей автор опирается на археологические, лингвистические и исторические данные, которые также позволяют делать выводы о периодизации вышеназванного процесса. Не остаётся без внимания и ряд дискуссионных вопросов, которые стоят перед современной месоамериканистикой.

Скользя по временной глади из доклассического периода истории Месоамерики, минуя период классики, о которой немало сказано и написано, мы перенесёмся в постклассику и познакомимся с образом правителя в культуре Тайрона (Карибское побережье Колумбии) XI–XV веков². Об этом пойдёт речь в работе Е.С. Острировой. В доколумбовой Америке данный регион был зоной частых межкультурных контактов, а потому обладал гетерогенным населением. Позднее, в XVI веке, конгломерат индейских народов Сьерра-Невады почти восемь десятилетий давал военный отпор испанским конкистадорам. Здесь мы застаём власть уже чётко дифференцированной на военную и жреческую, что находило своё выражение в соответствующей титулатуре элиты (делении на светских правителей – «касики», и духовных лидеров (жрецов) – «наома»³). Впрочем, некоторые касики включали в свои имена термин «наома»³. По мнению автора, сакрализация власти в культуре Тайрона была наименьшей по сравнению с другими доколумбовыми обществами Месоамерики.

Лидерство и власть у индейцев науа в период испанской конкисты – предмет статьи А.В. Пакина. Автор рассматривает вариативность моделей лидерства у науаязычных народов тихоокеанского побережья Гватемалы, Сальвадора и Никарагуа. Лидерство здесь было сопряжено, прежде всего, с исполнением военных функций. При этом те или иные общины, входившие в состав более крупной политики, могли формировать власть разными путями – как наследственным, так и выборным. На высшем же уровне системы, власть, как и прежде, была наследственной, причём сам механизм наследования часто переходил от канона передачи власти (в рамках поколения) и она могла передаваться напрямую – детям, рождённым от «рекомендованных» знатью женщин. С другой стороны, в обществе науа можно встретить и всё три «обычные категории месоамериканских лидеров» – воина, жреца и общинного «старца».

Завершает рубрику работа Ю.В. Латушко, посвящённая возникновению сложного общества на Гавайях – в регионе, который с точки зрения европейца в каком-то смысле также можно назвать «Новым Светом».

¹ Культ, распространённый не только в Месоамерике, сравните, например, культ «человека-птицы» на о. Пасхи, впрочем, пример Рапа-Нуи уникален для Полинезии.

² Период, непосредственно предшествовавший образованию одной из самых известных империй Месоамерики, – империи ацтеков.

³ Явление отнюдь нередкое, например, в Полинезии, на Гавайях, вождь (алии) имел, в зависимости от своей генеалогии, особый ранг, который позволял отправлять тот или иной ритуал, иногда «государственного» уровня. Например, объединитель Гавайского архипелага, Камеамеа I, по рождению получил не самый высокий ранг «вохи», однако этого было достаточно для того, чтобы стать «хранителем бога Ку» (Ку-каи-ли-моку), что явилось неплохим трамплином для последующего захвата «светской» власти.

Географически отдалённых друг от друга Полинезию и Америку, тем не менее, очень многое объединяет (не только Тихий океан). Так, теория вождества, возникшая в 1950-е гг., изначально строилась на эмпирическом материале Полинезии и Америки. Известный в американской археологии исследователь Венделл Беннетт, начинал свою карьеру ни где-нибудь, а на гавайском острове Кауаи (именно ему принадлежит первая археологическая классификация местной монументальной архитектуры). Я уже не говорю о, порой не бесспорных, теориях, доказывающих доисторические контакты между полинезийцами и американскими индейцами. Уровень культурной сложности, который был достигнут полинезийцами в доисторический период, разумеется, уступал классическим цивилизациям доколумбовой Америки¹, однако, по мнению известного археолога Тимоти Эрла, гавайские сложные вождества кануна европейского открытия можно считать эталоном вождеской организации. А потому сравнения здесь не только уместны, но и эвристически полезны.

В заключении мне бы хотелось поблагодарить всех авторов рубрики и выразить надежду на дальнейшее сотрудничество. Тем более что, приписываемая Платону, мысль о несоответствии бытия «эйдосов» бытию вещей как нельзя полно отразилась в нашем выпуске. Изначально задумывалась более обширная серия примеров и тем, но на стадии «явления абстрактного» мы поняли, что выпуск станет не больше, но и не меньше, чем интродукцией. В дополнение к сказанному, мне бы хотелось, чтобы читатель, ранее не знакомый с затрагиваемой в рубрике проблематикой, проникся тем неподдельным интересом, который испытывают авторы настоящих статей к предмету своего исследования.

Ю.В. Латушко

¹ Эти общества имеют не только разный исторический и экологический бэкграунд, но попросту разномасштабны. Например, в одном из крупнейших майяских городов – Тикале в классическую эпоху в V – IX вв. могло проживать по разным оценкам от 100 до 200 тысяч и даже более человек. Цифра примерно сопоставимая с населением всего Гавайского архипелага накануне его открытия Джеймсом Куком.

УДК 94(7):902.2(7)

Беляев Д.Д.
Beliaev D.D.

**Под сенью Птичьего Божества:
формирование идеологии царской власти
на Гватемальском нагорье в I тыс. до н.э.**

**In the shadow of the Bird's Deity:
formation of ideology of royal power on Guatemalan uplands in I thousand BC**

В работе на основе археологических и, в особенности, эпиграфических, источников рассматривается процесс становления сложной социально-политической организации, составляющий основное содержание истории Юго-Восточной Мезоамерики в формативный период.

Ключевые слова: *Мезоамерика, Гватемала, доколумбовые культуры, вождество, раннее государство, идеология царской власти*

On the basis of archaeological and, in particular, epigraphic, sources the author considers the process of the formation of the complex socio-political organization, the main content of the history of South-East Mesoamerica in the formative period.

Key words: *Mesoamerica, Guatemala, pre-Columbian cultures, chiefdom, early state, the ideology of royal power*

Быстрое становление сложной социально-политической организации составляет основное содержание истории Юго-Восточной Мезоамерики в формативный период¹. Если в начале I тыс. до н.э. лишь в некоторых регионах существовали сложные вождества с крупными поселениями, а их окружали мелкие простые вождества или автономные деревенские общины, то уже через 700 лет вся эта обширная область была покрыта сетью динамично развивающихся могущественных политий и густонаселённых протогородских центров.

БЕЛЯЕВ Дмитрий Дмитриевич, к.и.н., доцент Мезоамериканского центра им. Ю.В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва). **E-mail:** lakamha@mail.ru

Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки РФ, ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы (госконтракт № 14.740.12.1356 «Эпиграфическое наследие доколумбовых культур Америки: новые подходы в изучении древних цивилизаций»)

¹ Формативный или доклассический период в истории Мезоамерики охватывает конец III тыс. до н.э. – начало I тыс. н.э. и традиционно подразделяется на раннеформативную (до X в. до н.э.), среднеформативную (X–IV вв. до н.э.) и позднеформативную (IV в. до н.э. – II в. н.э.) фазы. Иногда в его конце выделяют протоклассическую фазу (I в. до н.э. – II в.н.э.).

Традиционно этот ареал, включающий в себя Центральный Чьяпас, Гватемальское нагорье и тихоокеанское побережье, рассматривался либо как периферия культуры ольмеков, в которой развитые сложные вождества возникли ещё во второй половине II тыс. до н.э. [1], либо как часть обширной области майя (так называемая «Южная область»). К настоящему времени стало ясно, что это особый регион, отличавшийся полиэтничностью и культурным многообразием, который играл самостоятельную роль в древней истории Мезоамерики [42].

Центральное Гватемальское нагорье – один из важнейших центров Юго-Восточной Мезоамерики вплоть до испанского завоевания. Культурная история этого района хорошо известна благодаря археологическим исследованиям в 1940 – 1970-х гг. Наиболее важный памятник в долине Гватемалы – Каминальхуйю (название, данное местными жителями, означает «Холм Мёртвых»). Первые упоминания о его руинах датируются концом XVII в., когда монументальностью его руин был впечатлён хронист Франсиско Антонио де Фуэнтес-и-Гусман. Первый план городища был составлен в 1899 г. Альфредом Маудсли. До середины 1930-х гг. здесь работали Антонио Батрес, Мануэль Гамио, Сэмюэл Лотроп и братья Хосе и Карлос Вильякорта, которые и дали городищу его имя. В 1935 – 1950 гг. в Каминальхуйю были проведены масштабные раскопки экспедицией Института Карнеги под руководством А. Киддера и Э. Шука. В 1968 – 1970 гг. новый масштабный проект Университета штата Пенсильвания под руководством У. Сандерса совместил раскопки и региональное обследование, которое позволило наметить основную траекторию демографической и социально-политической эволюции [23; 40; 11; 10; 13; 36; 19; 26; 28; 29].

Эволюция социально-политической структуры на Гватемальском нагорье в доклассический период

На этапе Аревалло (1200 – 1000 гг. до н. э.) в долине обитало около 1400 человек, которые жили в небольших деревушках. Резкий рост населения (до 7875 человек) произошёл в фазу Лас-Чаркас (1000 – 750 гг. до н. э.). Появляются деревни большего размера (Каминальхуйю на берегу озера Мирафлорес и две на южном берегу озера Аматитлан), но отчётливой группировки остальных поселений вокруг них не наблюдается [28, с. 84–86]. Культовая и домашняя архитектура практически не отличается. В то же время элементы материальной культуры, прежде всего элитная керамика и украшения из жада, по мнению

Э. Шука и М. Попенос де Хатч свидетельствуют о наличии социальной стратификации [39, с. 296]. Другая важная черта общества этого времени – высокий уровень развития каменной индустрии. Большое количество технологических отходов (отщепы, обломки), образовавшихся при изготовлении призматических ножевидных пластин из обсидиана, было найдено в 4 мусорных ямах на периферии Каминальхуйю. Это указывает на развитое ремесленное производство, которое осуществлялось квалифицированными ремесленниками. Основным месторождением вулканического стекла был Эль-Чайяль [39, р. 293 – 294].

Недавние охранные раскопки Б. Арройо в Наранхо всего в 3 км к северу от Каминальхуйю, показали, что картина политического развития долины в первой половине I тыс. до н.э. была гораздо сложнее. Несмотря на то, что точные размеры памятника определить уже невозможно, его эпицентр включал несколько земляных насыпей-маундов и 34 каменных монумента, а вокруг него располагались жилые постройки. В X в. до н.э. на Южной платформе был сооружён Маунд 1, перед которым были воздвигнуты несколько рядов монументов. В основном, это гладкие стелы, алтари и базальтовые колонны, и лишь на монументе 27

сохранились следы изображения [7]. Судя по масштабам строительства, Наранхо уже в начале I тыс. до н.э. представлял собой крупный политический центр, который затмевал близлежащий Каминальхуйю.

Короткая фаза Махадас (750 – 700 до н.э.), носящая характер скорее интрузивного комплекса, ограниченного центральной частью Каминальхуйю, представлена церемониальным тайником, заложенным в маунде С-III-6. Он состоял из каменной плиты, которая лежала на дне открытой ямы. Вокруг плиты располагались три гладких колонны из базальта, похожие на обнаруженные в Наранхо, базальтовая стела (стела 9) и основания двух пьедестальных скульптур [27, р. 248]. На плите лежал череп птицы или животного, внутри которого находились 290 бусин и подвесок из зелёного жада, изначально составлявшие большое ожерелье. Рядом с черепом стояла антропоморфная статуэтка из матового серо-зелёного жада. Статуэтка и череп были накрыты шкурой животного или куском ткани, покрытым тонким слоем извести и раскрашенной в розовый цвет. Этот первый уровень тайника был сверху засыпан посудой, которую бросали вниз с края ямы [38, р. 465-466; 22, р. 567; 39, р. 297].

Сооружение этого масштабного тайника, безусловно сопровождавшееся массовым ритуалом, ознаменовало важные изменения в обществе Каминальхуйю. Судя по майским аналогиям классического периода, его можно рассматривать как закладную жертву, которая маркировала начало церемониального строительства на площади, образованной маундами С-III-6, С-III-6, С-IV-8 и С-IV-7.

Начало фазы Провиденсия (700 – 400 гг. до н. э.) знаменуется быстрым сложением надобщинной социально-политической организации в долине Гватемалы. Общее население увеличивается до 27 600 человек, впервые выделяются «церемониальные центры» – поселения с монументальной архитектурой, представленной 10-15 маундами, расположенными вокруг площадей, ориентированных на северо-восток [28, с. 86]. Судя по двухуровневой поселенческой иерархии, в Гватемале складываются первые вождества. По материалам обследования Университета штата Пенсильвания, их было определено восемь (Пьедра-Парада, Канчон, Санта-Исабель, Куйа и Вирхиния на плато Канчон, Барсенас и Сан-Хосе в южной части долины и Каминальхуйю – в северной).

Лучше всего было исследовано вождество Каминальхуйю, объединявшее около 10 000 человек (около 2680 – в столице). Ядро центрального поселения состояло из двух похожих архитектурных групп [26]. В Каминальхуйю известны церемониальные тайники с изделиями из жада и изящной керамикой, а также массовое захоронение, включавшее 33 черепа (видимо, черепа пленников), скелет женщины низкого ранга (рабыни или пленницы), изящную керамику, обсидиан и слюду [43]. По мнению археологов Пенсильванского проекта, в это время город был разделён на 5 основных архитектурных комплексов, вытянутых вдоль центральной оси и состоящих из большого конического маунда до 9 м в высоту без видимых следов построек сверху, внутри которого располагались захоронения, и нескольких невысоких платформ, на которых располагались жилища элиты [36, р. 98; 26].

Вопрос о взаимоотношениях между Каминальхуйю и Наранхо остаётся неясным. Хотя в последнем продолжается строительство (Северная платформа и маунды 2 и 3), на их сооружение было затрачено меньше усилий. Продолжается расширение жилой зоны, однако к концу V в. до н.э. Наранхо забрасывается [6, р. 189-190]. Отсутствие следов военной активности позволяет предположить, что мы имеем дело с перемещением политического центра из Наранхо в Каминальхуйю. В таком случае перестаёт казаться необъяснимым внезапный всплеск церемониальной

и монументальной активности в последнем со второй половины VIII в. до н.э. Примечательно, что такой специфический вид монументов, как базальтовые колонны, впервые отмечается именно в Наранхо, где, скорее всего, и зародилась традиция их изготовления.

С началом среднеформативной фазы в горных долинах Гватемалы и Чиапаса радикально меняется схема распространения обсидиана. Материал месторождения Эль-Чайяль перестаёт поступать в районы Центральночапасской впадины, та же картина наблюдается в крупнейшем ольмекском центре того времени Ла-Венте. В то же время значительное количество вулканического стекла из Эль-Чайяля продолжало поступать на тихоокеанское побережье и в ольмекский Сан-Лоренсо. Путь на побережье Мексиканского залива через северные долины и Усумасинту из Эль-Чайяля тоже был закрыт, поскольку и низменные районы майя получали обсидиан из Сан-Мартин-Хилотепек [30].

По-видимому, это свидетельствует о формировании двух систем политических и торговых союзов: Ла-Вента – Сан-Исидро – Чиапа-де-Корсо – Акапулько – Санта-Роса – Ла-Либертад и Сан-Лоренсо – Лагуна-Сопа (восток Оахаки) – Цуцукули – Масатан – Ла-Бланка – Эскуинтла – Каминальхуйю. Контакты Каминальхуйю с долинами южного побережья Гватемалы отражаются и в керамике [33, p. 147].

В фазу Вербена (400 – 200 гг. до н. э.) в долине Гватемалы происходит демографический сдвиг: плато Канчон теряет 45% населения, районы у озера Амаститлан – около 40%, южная долина – около 20%. Меняется и поселенческая система: на плато Канчон исчезают все пять прежних церемониальных центров, в упадок приходят крупные деревни в южной долине. В противовес в северной долине отмечается 15-процентный рост, а Каминальхуйю превращается в крупный центр с населением в 3140 человек [28, p. 86, 89]. Очевидно, соседние вожества были завоёваны, а их обитатели были насильственно переселены в метрополию нового сложного вожества со столицей в Каминальхуйю.

Население гватемальской долины в целом несколько уменьшилось приблизительно с 27 600 человек до 25 000 человек [28, p. 86]. Такое уменьшение могло быть вызвано экспансией в другие районы Горной Гватемалы. В фазу Ареналь (200 до н.э. – 100 н.э.) рост населения долины возобновляется, достигая 30 тыс. человек, население Каминальхуйю К. Мёрди оценивает в 4670 человек [28, p. 86, 94].

Фазы Вербена (400 – 200 до н.э.) и Ареналь (200 до н.э. – 100 н.э.), на которые приходится расцвет Каминальхуйю, часто объединяют под неточным ярлыком «Мирафлорес», однако гватемальские археологи настаивают на том, что этот термин следует применять к такому явлению как «сфера Мирафлорес» – культурной общности, которая отражает новую систему межрегиональных альянсов, складывающейся в Юго-Восточной Мезоамерике в начале позднеформативного времени и охватывающей центральное гватемальское нагорье, южное и юго-восточное побережье, Сальвадор и запад Гондураса [17]. На севере эта система смыкается с конгломератом сложных вожеств низменных майя. Центральный Чиапаса, где доминирует Чиапа-де-Корсо, и эпиольмекские политии побережья Мексиканского залива продолжают составлять соперничающую систему. Как важный узел в неё входят горные вожества северо-западных долин Гватемалы (Эль-Киче, Чимальтенанго, Сакатепекес). Ранее эти районы объединялись с Каминальхуйю в одну культурную традицию, но в IV – III вв. до н. э. эта традиция распадается [33, p. 147].

Традиционные оценки площади Каминальхуйю в эпоху позднеформативного расцвета составляют 5 кв. км, однако по мнению Дж. Каплана площадь поселения могла быть минимум в два раза больше [21, p. 245-248]. Ядро города (группы С, В и D) охватывало озеро Ми-

рафлорес с севера и востока и было образовано открытыми площадями или группами платформ, расположенных параллельно. Количество архитектурных комплексов выросло до 14, теперь они представляют собой квадратные в плане площади, окружённые многоуровневыми маундами и платформами. Самые высокие маунды, один из которых достигал 18 м, теперь служили основаниями для храмов, к которым вели лестницы. Более низкие подпрямоугольные платформы служили основаниями для жилищ элиты. На фоне всех этих комплексов существенно выделяется своими размерами группа Е-III-3, включающая по меньшей мере из 7 маундов. Объём строительства храмовой пирамиды Е-III-3 составил около 75000 куб. м, в то время как, например, в группе В-III-1 храмовый маунд имеет объём всего 5000 куб. м. [36, р. 100]. Важность группы Е-III-3 подчёркивается тем, что в ней Э. Шукком и А. Киддером в 1952 г. были раскопаны богатейшие позднеформативные погребения, датирующиеся фазой Ареналь.

Быстро растущее население требовало большого количества пищевых ресурсов, и для их производства в начале IV в. до н.э. началось сооружение гигантского оросительного канала Сан-Хорхе длиной почти 2 км и шириной до 18 м, который вёл от озера Мирафлорес на юг, в сельскохозяйственную зону. От него отходили ответвления, которые разводили воду по полям. Масштабы сооружения, а также сложная гидравлическая система, обеспечивающая постоянный ток воды и её очищение от песка, свидетельствуют о развитой инженерии и привлечении большого количества людей к строительству. Возможно, именно для работников, занятых на строительстве и очистке канала, функционировала обширная кухня, раскопанная в 1984 г. На площади в 165 кв. м располагалась большая печь, и очаги, и зона приготовления пищи [34].

Вопрос о размерах и структуре политического объединения с центром в Каминальхуйю остаётся предметом дискуссий. В то время как Ф. Боув придерживается минималистского взгляда [13, р. 111-113], Дж. Каплан осторожно полагает, что его можно считать ядром сферы Мирафлорес [21]., а М. Лав придерживается средней позиции [25]. Хотя на западе контроль Каминальхуйю не доходил до месторождения Сан-Мартин-Хилотепек, ещё до середины III в. до н. э. Каминальхуйю подчинило месторождения обсидиана в Эль-Чайяле (в 35 км к северо-востоку). Монополизировав торговлю этим стратегическим ресурсом, правители Каминальхуйю наладили связи с вождествами Баха-Верапаса и, таким образом, получили доступ к путям далее на север. В связи с этим, с началом позднеформативного периода в низменностях майя быстро распространяется обсидиан из Эль-Чайяля, вытесняя материал из Сан-Мартин-Хилотепек. Следует отметить, что эти события совпадают с экспансией майя на запад, в верхнее течение Грихальвы и в бассейн Усумасинты – области, ранее заселённые михе-соке. С появлением в этом районе майя состав обсидиана резко меняется: теперь он на 90% происходит из Эль-Чайяля [14]. Археологические данные свидетельствуют, что к концу I в. до н.э. Каминальхуйю подчинило долину Салама [37, р. 434], по-видимому, установив контроль над торговым путём, ведущим в низменности майя.

Таким образом, если в долине Гватемалы Каминальхуйю располагалось на вершине трёхуровневой иерархии, состоявшей из собственно центра, поселений второго уровня с одной или несколькими площадями, иногда с гладкими стенами и мелких поселений деревенского типа [28], то на региональном уровне он контролировал ещё ряд горных долин, ранее независимых. Такая четырёхуровневая структура характерна как для ранних государств, так и для суперсложных вожеств [3; 4].

От вождей к царям: верховная власть в Каминальхуйю

Первые иероглифические надписи в Каминальхуйю также датируются периодом Вербена-Ареналь. Однако, несмотря на определённое сходство знаков с позднейшими иероглифами майя, эти тексты ещё не читаются. В этой связи свидетельства оформления верховной власти в Каминальхуйю ограничиваются материалами погребений и иконографией, представленной на монументах.

Погребения Каминальхуйю среднеформативной эпохи (VIII – IV вв. до н.э.) не отличаются богатством инвентаря. Резкие изменения происходят уже в поднеформативное время, в период Вербена/Ареналь; погребения этой эпохи сосредоточены в восточном секторе города, в группах E-III-3 и D-IV-2.

После четырёх строительных этапов храмовая пирамида E-III-3, выстроенная из адобов (кирпича-сырца) достигала в объёме 9 тыс. куб. м. Следующая фаза увеличила его более чем вдвое, на 13 тыс. куб. м. В центральной её части было заложено погребение I. Вытянутое тело располагалось на спине головой на юг на деревянном помосте или носилках, руки были вытянуты по бокам. Пол погребальной камеры был вложен циновками, на которых был помещён погребальный инвентарь. Несмотря на то, что погребение было частично разграблено ещё в древности, археологи задокументировали 345 артефактов, включая 298 сосудов, изделия из жада, раковин и гематита, обсидиановые инструменты, кость ягуара или пумы и др. Особенно важным представляется «фигурный кремь» в виде топора.

Следующий этап предусматривал надстройку ещё одной пирамиды объёмом около 14 тыс. куб. м. Она перекрывала ещё одно богатое захоронение (погребение II). Его общее расположение свидетельствует, что его строители знали о месте погребения I и сознательно ориентировались на него. Количество сохранившихся артефактов в погребении II меньше (около 200). Они включают керамику, изделия из жада, раковин и слюды, обсидиан, пиритовые зеркала и др. Покойник также лежал на деревянном помосте, его голову украшала маска, составленная из 31 куса альбита, которые крепились на деревянной основе [20, p. 441-446].

Последняя перестройка увеличила пирамиду ещё на 37 тыс. куб. м., однако уже не была связана с захоронениями. Хотя относительная хронология построек сомнений не вызывает, абсолютная хронология неясна. Либо пятый и шестой этапы открывают фазу Ареналь [36] и в соответствии с хронологией

Э. Шука и М. Попеноэ де Хатч приходятся на II в. до н.э., либо они завершают эту фазу и приходятся на III в. до н.э. [38].

Менее богатое захоронение было раскопано в 1950-е гг. С. Борхедь в маунде D-IV-2. Инвентарь включал 71 сосуд, обсидиановые призматические ножевидные пластины, 9 резных каменных сосудов и украшения из жада и слюды [36, p. 102]. Его точная привязка к одной из фаз неизвестна, но размещение между III в. до н.э. и I в. н.э. сомнений не вызывает.

Характерной чертой погребального обряда в Каминальхуйю является присутствие сопроводительных жертв. В погребении I и D-IV-2 вместе с правителем был похоронен по одному взрослому мужчине. В погребении II спутников трое – юноша 18-20 лет и два ребёнка.

Захоронения в других группах значительно менее богаты. Ни одно из погребений, раскопанных археологами Университета штата Пенсильвания в группе B-III-1, не имело более 4 сосудов, некерамические артефакты включали обсидиан и каменные зернотёрки. В таких погребениях отсутствуют и сопроводительные жертвы.

Мнение К. Мёрди, что наличие богатых погребений как в группе Е-III-3, так и в D-IV-2, свидетельствует об отсутствии централизации власти в Каминальхуйю [28, p. 103] следует признать несостоятельным. Во-первых, группа Е-III-3 составляла единый ансамбль с примыкающими группами сектора «D». Во-вторых, три описанных выше захоронения не являются синхронными. Погребение I и II представляют собой захоронения двух последовательно сменявших друг друга правителей, правивших во второй половине III в. до н.э. или в первой половине II в. до н.э.

Обширный корпус скульптур Каминальхуйю в настоящее время включает более 150 монументов и их фрагментов, которые разбросаны в рамках полуторатысячелетнего периода. Однако, несмотря на такое большое количество, перед исследователями встаёт сразу несколько проблем. Во-первых, этот корпус отличается большим разнообразием типов, мотивов и сюжетов. Среди памятников встречаются гигантские головы, «пузатые скульптуры», стелы, алтари, силуэтные монументы, «грибные камни», скульптуры с пьедесталами, а также ряд скульптур, не попадающих ни в одну из этих групп. Во-вторых, для значительного числа памятников отсутствуют данные об их археологическом контексте, в связи с чем разделение его на хронологическо-тематические группы очень сложно¹. В третьих, большая часть доклассических и протоклассических монументов в первой половине III в. н.э. были намеренно повреждены или практически уничтожены [31, p. 97].

Стела 9 представляет собой один из первых опытов монументальной скульптуры в Каминальхуйю. Изображение нанесено на 3 грани базальтового столба. Бородатый человек что-то произносит (это маркировано мезоамериканским знаком завитка речи), обращаясь вверх. Под его ногами располагается крокодилоподобное существо, голова и хвост которого высечены на боковых гранях. Головной убор с украшением, напоминающим трилистник, большие серьги и ожерелье свидетельствуют о высоком социальном статусе, хотя обнажённый фаллос показывает, что он не носит полного костюма. Трилистник на головном уборе, по-видимому, первый пример изображения в иконографии горной Гватемалы основного элемента короны правителя в Мезоамерике, который ведёт своё происхождение от початкообразной головы бога кукурузы. Исходя из всех этих черт, протагонист стелы 9 – это вождь, который, стоя на крокодиле, представляет земной мир и обращается ввысь. Изображение его с бородой подчёркивает его связь со старостью и предками.

Так называемые «пузатые скульптуры» (англ. potbelly sculptures, исп. barrigones) – одна из характерных черт монументального искусства Гватемальского нагорья и тихоокеанского побережья [35; 27, p. 244-246; 32; 9, p. 231-233]. Они представляют собой выполненные из каменных глыб грубые изображения сидящих толстых людей со сложенными на животе руками и с закрытыми глазами. В настоящее время известно около 100 таких памятников. В целом они относятся к концу среднеформативного и позднеформативному периодам (вторая половина I тыс. до н.э. – начало н.э.), хотя лишь немногие из них были найдены в археологическом контексте. Эпицентром этого стиля являлось гватемальское побережье, где сосредоточено более половины всех монументов, в Каминальхуйю их известно 15, включая несколько обезглавленных.

Раскопки А. Демареста в Санта-Летисии на сальвадорском побережье – единственное несомненное доказательство того, что в древности пузатые скульптуры входили в состав иконографических программ. Три пузатых скульптуры были установлены в ряд по линии север – юг на обширной террасе у подножия холма Серо-де-Апанека, сооружённой в I в. до н.э. – I в. н.э. [16].

¹ См. различные подходы С. Майлс [27] и Л. Парсонса [31].

Семантика пузатых скульптур остаётся предметом дискуссии. Л. Парсонс связывал их и схожие с ними каменные головы из Монте-Альто с изображением умерших правителей или пленников [41, p. 45], Дж. Каплан считает, что они изображают правителей в их связи со сверхъестественным [20, p. 285-286]. Особняком стоит мнение П. Амароли, который на основании единственной скульптуры из Сальвадора, на которой отчётливо видны груди, выдвинул гипотезу, что они изображали женщин и связаны с культом богини земли и плодородия [5]. Однако присутствие в Монте-Альто монументов в виде каменных голов с закрытыми глазами, практически полностью идентичных головам пузатых скульптур, заставляет отнестись к этой гипотезе скептически, поскольку в Мезоамерике отрубленные головы связаны с военной иконографией и культом человеческих жертвоприношений. По-видимому, версия, что пузатые скульптуры изображают умерших предков (отсюда и закрытые глаза) остаётся наиболее правдоподобной. В её пользу говорят и материалы из Санта-Летисии, так как выставление скульптур в ряды или линии – характерная черта монументальных программ, связанных с культом правителя или почитанием предков.

Синхронно пузатым скульптурам Парсонс располагает ряд стел или панелей (5, 16, 19 и 4), которые, по его мнению, характеризуются специфической иконографией, включающей так называемые «маски драконов». Некоторые из них действительно изображают головы крокодилов, однако в ряде случаев в эту категорию были отнесены доклассические изображения бога дождя. Так стелы 19 и 4 несомненно изображали танцующее божество дождя, который держит двумя руками над головой гигантского змея, олицетворяющего небесный свод. Сюжетно они больше похожи на стелы «мифологической группы» из Исапы, поэтому отнесение их к V – III вв. до н.э. вызывает определённые сомнения.

Однако постепенно самым важным типом монументальной скульптуры Каминальхуйю становятся массивные стелы и алтари, тесно связанные с культом власти. Традиция сооружения этих памятников практически идеально совпадает с фазами Вербена/Ареналь. К сожалению, отсутствие на стелах Каминальхуйю фиксированных календарных дат не даёт возможности для их датировки, а указанные выше особенности монументального корпуса не позволяют пока провести убедительную сериацию по иконографическим признакам.

В отличие от не менее известного корпуса стел Исапы, тематически стелы Каминальхуйю не настолько разнообразны. На них практически отсутствуют столь популярные в Исапе мифологические мотивы и многофигурные сцены. Основной мотив является для Мезоамерики классическим – изображение правителя.

Судя по стратиграфии, а также исходя из стилистического анализа, одним из наиболее ранних монументов Каминальхуйю является стела 10, обнаруженная Э. Шуком в 1957 г. в яме между Маундами D-III-10 и D-IV-2 на глубине 146 см. В отличие от других монументов, она изготовлена не из вулканических пород, а из гранита, что обусловило прекрасную сохранность. Она изображает стоящего в профиль и смотрящего влево мужскую фигуру в маске-короне в виде головы «Верховного Птичьего Божества». Маска увенчана ещё одним изображением «Верховного Птичьего Божества», у которого вместо глаза вписана раковина, заканчивающаяся тремя листовыми побегами. В позднейшей мезоамериканской традиции в головные уборы правителей и знати часто вписываются их именные иероглифы. Этот приём известен и в Каминальхуйю (монумент 65). Однако в случае стелы 10 такой вариант маловероятен, поскольку верхний элемент маски-короны практически идентичен верхнему элементу на короне правителя, изображённого на позднеформа-

тивной жадовой подвеске, хранящейся в коллекции Дамбартон-Оакс (США). Там это, однако, не имя, поскольку именной иероглиф дважды встречается в тексте и изображён рядом с правителем.

За спиной мужчины накидка в виде крыльев, он одет в юбку и подпоясан богато украшенным поясом, обуви на ногах нет. В левой руке он держит топор с фигурным лезвием, изготовленным из кремня, что передано тщательным вырезанными сколами и ретушью, в правой – жезл или какое-то оружие, за правой рукой изображены свисающая вниз сложенная вдвое полоса ткани. Фигура стоит на стилизованном изображении земли, заимствованном из искусства Исапы, у ног – две курильницы, украшенные шипами, а над головой парит распростёртое крылья «Верхнее Птичье Божество». Судя по всему, на стеле 11 представлено наиболее раннее изображение ритуала, в котором правитель выступает имперсонатором «Верхнего Птичьего Божества».

Имперсонация божеств – одна из характерных черт общемезоамериканского идеологического комплекса [18], особенно важную роль игравшая у майя, но берущая начало ещё в среднеформативное время. Она качественно отличалась от простой ассоциации правителей с богами: в случае имперсонации проводящий её непосредственно приобретал сущность божества. В классических текстах майя это описывается формулой 'u-baahil 'a'n («его самость есть сущность [имя божества]»). Судя по источникам классического и постклассического периода, проведение ритуала имперсонации считалось одной из важнейших обязанностей верховного правителя. Правители Каминальхуйю имперсонировали разных божеств – «Верхнее Птичье Божество» (стела 11) и старого бога с глазом-трилистником (стела 10).

Появление в иконографии Каминальхуйю «Верхнего Птичьего Божества» – главная новация IV – III вв. до н.э. Впервые это орнитоморфное сверхъестественное существо было выделено Л. Бардавилем в 1970-е гг. на материале майя [8]. Последующие исследования, прежде всего К. Таубе [41], показали, что эта гигантская птица играла важную роль в религиозно-мифологических представлениях не только майя, но и других культур Южной Мезоамерики, начиная с позднеформативного времени. В классической мифологии майя оно объединяется со «старым богом» Ицамом в единое существо, которое принято называть Ицамной (по имени одного из верховных постклассических богов майя), хотя в действительности его имя читается по-другому.

Прообразом гигантской хищной птицы с выдающимся клювом, гребнем из перьев на голове и мощными когтистыми лапами могла быть гарпия (*Harpia harpyja*) – крупнейший птичий хищник американских неотропических лесов. Примечательно, что О. Чинчилья показал, что на стеле 25 из Исапы «Верхнее Птичье Божество» изображено с зубастой вагиной и, таким образом, является самкой [15]. Такая интерпретация находится в разительном контрасте с отождествлением этого существа с майяским Ицамной. Однако одной из характерных особенностей гарпий является то, что самки почти в два раза крупнее самцов (9 кг против 4,8 кг). Вероятно, изначальная версия «Верхнего Птичьего Божества» было гарпией-самкой, а позднее его женская природа была забыта.

С начала позднеформативного времени «Верхнее Птичье Божество» считается покровителем власти во всей низменной части Мезоамерики, включая эпиольмекские полинии побережья Мексиканского залива и область майя. Судя по настенным росписям в Сан-Бартоло, у майя во II – I вв. до н.э. с ним был связан миф о происхождении царской власти, в котором первым царём становился бог кукурузы Ишим, отбравший царские регалии у «Верхнего Птичьего Божества». В Каминальхуйю культ этого божества также носил более широкий характер:

его изображают на росписях и в виде архитектурных штукатурных масок [21, p. 263].

Следующая по хронологии стела 10 знаменует оформление специфического стиля Каминальхуйю, в котором элементы стиля Исапы ассимилируются. Этот монумент был найден в 1955 г. Г. Эспиносой в той же яме, что и стела 11, но полуметром выше. Памятник уже в древности был расколот на три части и повреждён, однако сохранилась значительная часть рельефа и процарапанная иероглифическая надпись. По мнению Парсонса, в действительности это не стела, а алтарь [41, p. 69], в то время как Каплан полагает, что монумент служил тронем [20, p. 315].

Вся сцена обрамлена по периметру изображением циновки (этот мотив встречается также на стелах 8 и 67) – одного из универсальных символов власти в Мезоамерике. В центре на постаменте изображён правитель в профиль, смотрящий влево. У него глаз в виде смотрящего вниз трилистника, а во рту выдающийся Т-образный зуб, в ухе сложная ушная вставка. За спиной крылья, а перед лицом высечено календарное имя «7 Орёл». В левой руке он держит топор, идентичный топору на стеле 11, с которого свисает свёрнутая верёвка. За его спиной изображена коленопреклонённая женщина со свисающими грудями; на поясе за её спиной прикреплена голова-маска предка за спиной. Её именной иероглиф «8 Ягуар» сохранился очень хорошо. Над женщиной изображена голова или маска божества словно бы парящая в воздухе. Это довольно странное существо с вытянутым носом и зубами. Каплан полагает, что это умерший предок [20, p. 320-322].

Стела 8 сохранилась крайне плохо, но по прорисовке Дж. Портера сцена на ней практически идентична стеле 11, за исключением того, что правитель смотрит вправо.

Судя по иконографическим элементам, правитель «7 Орёл» также выступает как имперсонатор, но не «Верховного Птичьего Божества», а одного из старых богов, знак в виде головы которого в иероглифике майя используется для записи силлабограммы уе.

Стела 67 в паре с алтарём 68 была обнаружена в конце 1990-х гг. при раскопках маунда D-IV-2. Хотя на обоих монументах сохранилась только нижняя часть сцены, они представляют собой яркий пример искусства и идеологии Каминальхуйю. Стела 67 обрамлена снизу полосой в виде циновки, протагонист смотрит влево, перед ним стоит коленопреклонённый человек со связанными руками. На алтаре 68 протагонист смотрит вправо, а по обеим сторонам от него изображены два коленопреклонённых мужчины, опознающиеся по обнажённым пенисам.

Стела 67 и алтарь 68 отличаются от стел 11 и 10 и представляют собой наиболее ранний пример триумфальных монументов, которые отражают начало активных завоеваний Каминальхуйю за пределами долины Гватемалы в III – I вв. до н.э. Тем не менее, военная функция верховной власти очевидна и на других памятниках. Топор, служащий символом власти правителя стелы 11 и «7 Орла», это не кельт – символ бога дождя, связанный с молнией и плодородием, а фигурный кремьень. Как отметил Л. Парсонс, он идентичен фигурному кремню, найденному в погребении I [41, p. 66]. По-видимому, этот артефакт был важным символом власти в Каминальхуйю во III – II вв. до н.э.

Обнаруженный случайно в 1983 г. монумент 65 представляет собой редкий пример двусторонней стелы. На стороне А изображены три идентичные сцены: правитель на троне, окружённый с двух сторон пленниками. Сторона В сохранилась хуже, но можно различить фигуру стоящего правителя и коленопреклонённого пленника, а также небесные символы. Парсонс [41, p. 58], а также Каплан [20, p. 357] относят этот памятник с II – I вв. до н.э., однако характер резьбы резко отличает

его от выполненных в технике высокого рельефа стел эпохи Вербена/Ареналь. В пользу более поздней датировки говорят и чётко прописанные в головных уборах правителей и пленников именные иероглифы, нехарактерные для стел 11 и 10. По предположению

А.И. Давлетшина, монумент 65 должен датироваться первыми веками нашей эры, незадолго до начала фазы Аврора (200 – 400 н.э.).

К более позднему периоду относятся ещё два важных монумента – алтари 1 и 2. Правая часть алтаря 1 отколота, однако его композиция аналогична алтарю 2. В сцене представлены две богато одетые фигуры, смотрящие друг на друга, разделённые колонкой иероглифических блоков из двух столбцов. К сожалению, контуры и детали иероглифов не сохранились. Сходство композиции двухфигурной сцены с монументами Абах-Такалика (алтарь 13, стела 2 и 5), которые датируются II в. н.э., позволяет предположительно отнести алтари из Каминальхуйю к концу фазы Ареналь (I в. н.э.) или к следующей фазе Санта-Клара (100 – 200 н.э.), которая завершает позднформативный расцвет города.

Остальные стелы и алтари Каминальхуйю, которые можно отнести к позднеформативному времени, сохранились лишь фрагментарно (Стела 1, 6, 12, 15, 18, 20, 21, 22, 25, 26, 28, алтари 8 и 14).

Анализ монументальной программы, созданной в Каминальхуйю в IV – I вв. до н.э. показывает, что параллельно с его превращением в региональный центр и объединением долины Гватемалы в единое политическое целое, формируется новый комплекс представлений о власти. Старые представления о связи с предками хотя и не исчезают полностью, но отходят на второй план. В центре новой идеологии стоят две темы: имперсонация божеств и военный триумф правителя.

Литература

1. Беляев Д.Д. Ещё раз к вопросу о социально-политической организации ольмекской культуры // Политическая антропология традиционных и современных обществ: материалы международной конференции. Владивосток: Издательский дом Дальневост. федерал. ун-та, 2012. С. 3-29.

2. Давлетшин А.И. Символы власти в ранней юго-восточной Мезоамерике: текст и иконография на стеле 5 из Абах-Такалика, Гватемала // Власть в аборигенной Америке. Проблемы индеанистики. М., 2006. С. 142-158.

3. Карнейро Р. Процесс или стадии: ложная дихотомия в исследовании истории возникновения государства // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 84-94.

4. Крадин Н.Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 314-336.

5. Amaroli, P. A newly discovered potbelly sculpture from El Salvador and a reinterpretation of the genre // *Mexicon*. 1997. Vol. 19, No. 3. P. 51-53.

6. Arroyo B. Cronología // *Entre cerros, cafetales y urbanismo en el valle de Guatemala: Proyecto de Rescate Naranja* / Ed. por B. Arroyo. Guatemala, 2010. P. 185-194.

7. Arroyo B. Monumentos // *Entre cerros, cafetales y urbanismo en el valle de Guatemala: Proyecto de Rescate Naranja* / Ed. por B. Arroyo. Guatemala, 2010. P. 57-103.

8. Bardawil L.W. The Principal Bird Deity in Maya Art: An Iconographic Study of Form and Meaning // *The Art, Iconography, and Dynastic History of Palenque, Part III. Proceedings of the Segunda Mesa Redonda de Palenque, 1974* / Ed. By M.G. Robertson. Pebble Beach, 1976. P. 195-209.

9. Bernal I. *El mundo olmeca*. México, 1968.

10. Borhegyi S. de. Archaeological Synthesis of the Guatemala Highlands // *Handbook of Middle American Indidans. Part 1: Archaeology of Southern Mesoamerica*. Austin, 1965. P. 3-58.

11. Borhegyi S. de. The Development of Folk and Complex Cultures in the Southern Maya Area // *American Antiquity*. 1956. Vol. 21. P. 343-356.

12. Borhegyi S. de. Settlement Patterns in the Guatemala Highlands // *Handbook of Middle American Indidans. Part 1: Archaeology of Southern Mesoamerica*. Austin, 1965. P. 59-75.

13. Bove F. The People with No Name: Some Observations about the Plain Stelae of Pacific Guatemala, El Salvador, and Chiapas with Respect to Issues of Ethnicity and Rulership // *The southern Maya in the Late Preclassic: the rise and fall of early Mesoamerican civilization* / Ed. By M. Love and J. Kaplan. Boulder. 2011. P. 77-114.

14. Bryant D., Clark J. Los primeros mayas precolombinos de la cuenca superior del Río Grijalva // *Antropología e historia de los mixe-zoques y mayas: (Homenaje a Frans Blom)*. México, 1983.

15. Chinchilla O. La Vagina Dentada: Una Interpretación de la Estela 25 de Izapa y las Guacamayas del Juego de Pelota de Copán // *Estudios de Cultura Maya*. 2010. Vol. 36. P. 117-144.

16. Demarest A., Switsur R., Berger R. The Dating and Cultural Associations of the "Potbellied" Sculptural Style: New Evidence from Western El Salvador // *American Antiquity*. 1982. Vol. 47, No. 3. P. 557-571.

17. Demarest A., Sharer R. Late Preclassic Ceramic Spheres, Culture Areas, and Cultural Evolution in the South-eastern Highlands of Mesoamerica // *The Southeast Maya Periphery* / P.A. Urban and E. Schortman, eds. Austin, 1986. P. 195-223.

18. Houston S.D., Stuart D. The Ancient Maya Self: Personhood and Portraiture in the Classic period // *RES: Anthropology and Aesthetics*. 1998. Vol. 33. P. 73-102.

19. Kaminaljuyu and Teotihuacan: A Study in Prehistoric Culture Contact. University Park, 1977.

20. Kaplan J. Rulership and Ideology at Late Preclassic Kaminaljuyu: A Comparative study. Unpublished PhD. dissertation. Yale University, 1999.

21. Kaplan J. Miraflores Kaminaljuyu: Corpse and Corpus Delicti // *The southern Maya in the Late Preclassic: the rise and fall of early Mesoamerican civilization* / Ed. By M. Love and J. Kaplan. Boulder. 2011. P. 237-286.

22. Kidder A.J. Archaeological Investigations at Kaminaljuyu, Guatemala // *Proceedings of the American Philosophical Society*. Philadelphia, 1961. Vol. 105. P. 559-570.

23. Kidder A.J., Jennings J., Shook E. Excavations at Kaminaljuyu, Guatemala. Washington, 1946.

24. Lathrap S. Stone Sculptures from the Finca Arevalo, Guatemala // *Indian Notes*. New York, 1926. Vol. 3, № 3. P. 147-171.

25. Love M. Cities, States and City-State Culture in the Late Preclassic Southern Maya Region // *The southern Maya in the Late Preclassic: the rise and fall of early Mesoamerican civilization* / Ed. By M. Love and J. Kaplan. Boulder. 2011. P. 47-76.

26. Michels J.W. *The Kaminaljuyu Chiefdom*. University Park, 1979.

27. Miles S. Sculpture of the Guatemala-Chiapas Highlands and Pacific Slopes, and Associated Hieroglyphs // *Handbook of Middle American Indidans. Part 1: Archaeology of Southern Mesoamerica*. Austin, 1965. P. 237-275.

28. Murdy C.N. Prehispanic Settlement and Society in the Valley of Guatemala, 1500 B.C. – A.D. 1524 // *Arqueología Mesoamericana*. Homenaje a William T. Sanders. México, 1996. Vol. 2. P. 79-107.
29. Murdy C.N. Prehistoric Man-Land Relationships through Time in the Valley of Guatemala (Paleodemography, Soils, Sociopolitical Evolution). Unpublished PhD. dissertation. The Pennsylvania State University, 1984.
30. Nelson F.W., Clark J.E. Obsidian production and exchange in Eastern Mesoamerica // *Rutas de intercambio en Mesoamérica*. III Coloquio Pedro Bosch Gimpera. México, 1998. P. 277-333.
31. Parsons L.A. The Origins of Maya Art: Monumental Stone Sculpture of Kaminaljuyu, Guatemala and the Southern Pacific Coast. Washington, 1986.
32. Parsons L.A., Jenson P.S. Boulder Sculpture on the Pacific Coast of Guatemala // *Archaeology*. 1965. Vol. 18, № 2.
33. Popenoe de Hatch M. Cambios culturales en la cerámica de Kaminaljuyú durante los periodos Preclásico y Clásico Temprano // Segundo y Tercer Foro de Arqueología de Chiapas. Tuxtla Gutierrez, 1993.
34. Popenoe de Hatch M., Ponciano E., Barrientos N., Brenner M., Ortloff C. Climate and Technological Innovation at Kaminaljuyu, Guatemala // *Ancient Mesoamerica*. 2002. Vol. 13. P. 103-114.
35. Richardson F.B. Non Maya Monumental Sculpture of Central America // *The Maya and Their Neighbours*. Washington, 1940. P. 395-416.
36. Sanders W. Chiefdom to State: Political Evolution at Kaminaljuyu, Guatemala // *Reconstructing Complex Societies: An Archaeological Colloquium* / Ed. By C. Moore. Cambridge, 1974. P. 97-113. (Bulletin of the American Schools of Oriental Research. Supplementary Studies, No. 20).
37. Sharer R.J., Sedat D.W. Archaeological Investigations in the Northern Maya Highlands, Guatemala: Interaction and the Development of Maya Civilization. Philadelphia, 1987.
38. Shook E. Guatemala, 1951 // *The Carnegie Maya: the Carnegie Institution of Washington Maya research program, 1913-1957* / John M. Weeks and Jane Hill, compilers. Boulder, 2006. P. 465-466.
39. Shook E., Popenoe de Hatch M. Las Tierras Altas Centrales: Períodos Preclásico y Clásico // *Historia General de Guatemala*. Vol. 1. Epoca precolombina / M. Popenoe de Hatch, ed. Guatemala, 1999. P. 289-318.
40. Shook E., Kidder A. Mound E-III-3, Kaminaljuyu, Guatemala // *Contributions to American Anthropology and History* / Carnegie Institute of Washington. Vol. 12 (53). P. 33-127.
41. Taube K. A Representation of the Principal Bird Deity in the Paris Codex // *Research Reports on Ancient Maya Writing*. Washington, 1987. № 6.
42. The southern Maya in the Late Preclassic: the rise and fall of early Mesoamerican civilization / Ed. By M. Love and J. Kaplan. Boulder. 2011.
43. Velásquez J.L. Un entierro múltiple dedicatorio, a finales del Preclásico Medio en Kaminaljuyú, Guatemala // *Memorias del Primer Congreso Internacional de Mayistas: Mesas redondas*. Arqueología. Epigrafía. México, 1992. P. 39-48.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Belyaev D.D. Eshhyo raz k voprosu o sotsial'no-politicheskoy organizatsii ol'mekskoj kul'tury // *Politicheskaya antropologiya traditsionnykh i sovremennykh obshchestv: materialy mezhdunarodnoj konferentsii*. Vladivostok: Izdatel'skij dom Dal'nevost. federal. un-ta, 2012. S. 3-29.
2. Davletshin A.I. Simvoly vlasti v rannej yugo-vostochnoj Mezoamerike: tekst i ikonografiya na stele 5 iz Abakh-Takalika, Gvatemala // *Vlast' v aborigennoj Amerike. Problemy indeanistiki*. M., 2006. C.142-158.

3. Karnejro R. Protsess ili stadii: lozhnaya dikhotomiya v issledovanii istorii vozniknoveniya gosudarstva // *Al'ternativnye puti k tsivilizatsii*. M., 2000. S. 84-94.
4. Kradin N.N. Kochevniki, mir-imperii i sotsial'naya ehvolyutsiya // *Al'ternativnye puti k tsivilizatsii*. M., 2000. S.314-336.
5. Amaroli, P. A newly discovered potbelly sculpture from El Salvador and a reinterpretation of the genre // *Mexicon*. 1997. Vol. 19, No. 3. P. 51-53.
6. Arroyo B. Cronología // *Entre cerros, cafetales y urbanismo en el valle de Guatemala: Proyecto de Rescate Naranja* / Ed. por B. Arroyo. Guatemala, 2010. P. 185-194.
7. Arroyo B. Monumentos // *Entre cerros, cafetales y urbanismo en el valle de Guatemala: Proyecto de Rescate Naranja* / Ed. por B. Arroyo. Guatemala, 2010. P. 57-103.
8. Bardawil L.W. The Principal Bird Deity in Maya Art: An Iconographic Study of Form and Meaning // *The Art, Iconography, and Dynastic History of Palenque, Part III. Proceedings of the Segunda Mesa Redonda de Palenque, 1974* / Ed. By M.G. Robertson. Pebble Beach, 1976. P. 195-209.
9. Bernal I. *El mundo olmeca*. México, 1968.
10. Borhegyi S. de. Archaeological Synthesis of the Guatemala Highlands // *Handbook of Middle American Indidans. Part 1: Archaeology of Southern Mesoamerica*. Austin, 1965. P. 3-58.
11. Borhegyi S. de. The Development of Folk and Complex Cultures in the Southern Maya Area // *American Antiquity*. 1956. Vol. 21. P. 343-356.
12. Borhegyi S. de. Settlement Patterns in the Guatemala Highlands // *Handbook of Middle American Indidans. Part 1: Archaeology of Southern Mesoamerica*. Austin, 1965. P. 59-75.
13. Bove F. The People with No Name: Some Observations about the Plain Stelae of Pacific Guatemala, El Salvador, and Chiapas with Respect to Issues of Ethnicity and Rulership // *The southern Maya in the Late Preclassic: the rise and fall of early Mesoamerican civilization* / Ed. By M. Love and J. Kaplan. Boulder. 2011. P. 77-114.
14. Bryant D., Clark J. Los primeros mayas precolombinos de la cuenca superior del Río Grijalva // *Antropología e historia de los mixe-zoques y mayas: (Homenaje a Frans Blom)*. México, 1983.
15. Chinchilla O. La Vagina Dentada: Una Interpretación de la Estela 25 de Izapa y las Guacamayas del Juego de Pelota de Copán // *Estudios de Cultura Maya*. 2010. Vol. 36. P. 117-144.
16. Demarest A., Switsur R., Berger R. The Dating and Cultural Associations of the "Potbellied" Sculptural Style: New Evidence from Western El Salvador // *American Antiquity*. 1982. Vol. 47, No. 3. P. 557-571.
17. Demarest A., Sharer R. Late Preclassic Ceramic Spheres, Culture Areas, and Cultural Evolution in the South-eastern Highlands of Mesoamerica // *The Southeast Maya Periphery* / P.A. Urban and E. Schortman, eds. Austin, 1986. P. 195-223.
18. Houston S.D., Stuart D. The Ancient Maya Self: Personhood and Portraiture in the Classic period // *RES: Anthropology and Aesthetics*. 1998. Vol. 33. P. 73-102.
19. Kaminaljuyu and Teotihuacan: A Study in Prehistoric Culture Contact. University Park, 1977.
20. Kaplan J. Rulership and Ideology at Late Preclassic Kaminaljuyu: A Comparative study. Unpublished PhD. dissertation. Yale University, 1999.
21. Kaplan J. Miraflores Kaminaljuyu: Corpse and Corpus Delicti // *The southern Maya in the Late Preclassic: the rise and fall of early Mesoamerican civilization* / Ed. By M. Love and J. Kaplan. Boulder. 2011. P. 237-286.
22. Kidder A.J. Archaeological Investigations at Kaminaljuyu, Guatemala // *Proceedings of the American Philosophical Society*. Philadelphia, 1961. Vol. 105. P. 559-570.

23. Kidder A.J., Jennings J., Shook E. Excavations at Kaminaljuyu, Guatemala. Washington, 1946.
24. Lathrap S. Stone Sculptures from the Finca Arevalo, Guatemala // *Indian Notes*. New York, 1926. Vol. 3, № 3. P. 147-171.
25. Love M. Cities, States and City-State Culture in the Late Preclassic Southern Maya Region // *The southern Maya in the Late Preclassic: the rise and fall of early Mesoamerican civilization* / Ed. By M. Love and J. Kaplan. Boulder. 2011. P. 47-76.
26. Michels J.W. *The Kaminaljuyu Chiefdom*. University Park, 1979.
27. Miles S. Sculpture of the Guatemala-Chiapas Highlands and Pacific Slopes, and Associated Hieroglyphs // *Handbook of Middle American Indians*. Part 1: *Archaeology of Southern Mesoamerica*. Austin, 1965. P. 237-275.
28. Murdy C.N. Prehispanic Settlement and Society in the Valley of Guatemala, 1500 B.C. – A.D. 1524 // *Arqueología Mesoamericana. Homenaje a William T. Sanders*. México, 1996. Vol. 2. P. 79-107.
29. Murdy C.N. *Prehistoric Man-Land Relationships through Time in the Valley of Guatemala (Paleodemography, Soils, Sociopolitical Evolution)*. Unpublished PhD. dissertation. The Pennsylvania State University, 1984.
30. Nelson F.W., Clark J.E. Obsidian production and exchange in Eastern Mesoamerica // *Rutas de intercambio en Mesoamérica. III Coloquio Pedro Bosch Gimpera*. México, 1998. P. 277-333.
31. Parsons L.A. *The Origins of Maya Art: Monumental Stone Sculpture of Kaminaljuyu, Guatemala and the Southern Pacific Coast*. Washington, 1986.
32. Parsons L.A., Jenson P.S. *Boulder Sculpture on the Pacific Coast of Guatemala* // *Archaeology*. 1965. Vol. 18, № 2.
33. Popenoe de Hatch M. Cambios culturales en la cerámica de Kaminaljuyú durante los periodos Preclásico y Clásico Temprano // *Segundo y Tercer Foro de Arqueología de Chiapas*. Tuxtla Gutierrez, 1993.
34. Popenoe de Hatch M., Ponciano E., Barrientos N., Brenner M., Ortloff C. Climate and Technological Innovation at Kaminaljuyu, Guatemala // *Ancient Mesoamerica*. 2002. Vol. 13. P. 103-114.
35. Richardson F.B. *Non Maya Monumental Sculpture of Central America // The Maya and Their Neighbours*. Washington, 1940. P. 395-416.
36. Sanders W. Chiefdom to State: Political Evolution at Kaminaljuyu, Guatemala // *Reconstructing Complex Societies: An Archaeological Colloquium* / Ed. By C. Moore. Cambridge, 1974. P. 97-113. (*Bulletin of the American Schools of Oriental Research. Supplementary Studies*, No. 20).
37. Sharer R.J., Sedat D.W. *Archaeological Investigations in the Northern Maya Highlands, Guatemala: Interaction and the Development of Maya Civilization*. Philadelphia, 1987.
38. Shook E. Guatemala, 1951 // *The Carnegie Maya: the Carnegie Institution of Washington Maya research program, 1913-1957* / John M. Weeks and Jane Hill, compilers. Boulder, 2006. P. 465-466.
39. Shook E., Popenoe de Hatch M. Las Tierras Altas Centrales: Períodos Preclásico y Clásico // *Historia General de Guatemala*. Vol. 1. *Epoca precolombina* / M. Popenoe de Hatch, ed. Guatemala, 1999. P. 289-318.
40. Shook E., Kidder A. Mound E-III-3, Kaminaljuyu, Guatemala // *Contributions to American Anthropology and History/ Carnegie Institute of Washington*. Vol. 12 (53). P. 33-127.
41. Taube K. *A Representation of the Principal Bird Deity in the Paris Codex // Research Reports on Ancient Maya Writing*. Washington, 1987. № 6.
42. *The southern Maya in the Late Preclassic: the rise and fall of early Mesoamerican civilization* / Ed. By M. Love and J. Kaplan. Boulder. 2011.
43. Velásquez J.L. Un entierro múltiple dedicatorio, a finales del Preclásico Medio en Kaminaljuyú, Guatemala // *Memorias del Primer Congreso Internacional de Mayistas: Mesas redondas*. Arqueología. Epigrafía. México, 1992. P. 39-48.

УДК 94(861):902.2(8)

*Острирова Е.С.
Ostrirova E.S.*

Образ правителя в культуре Тайрона (Колумбия)

The image of the ruler in the Tairona culture (Colombia)

Изучение способов репрезентации власти в культуре Тайрона (Северная Колумбия, XI – XV вв.) основывается на иконографическом анализе, анализе археологических материалов (погребального инвентаря, данных поселенческой иерархии), а также на интерпретации испанских письменных источников. Их анализ показывает, что из-за разделения властных функций между различными социальными группами, единого образа носителя власти не сформировалось.

Ключевые слова: *Тайрона, археология, иконография, вожества, образ правителя*

The study of the forms of the representation of power in the Tairona culture (Northern Colombia, AD 1000 – 1500) is based on iconographic research, analysis of the archaeological data (burials, settlement patterns), and on the interpretation of the Spanish written sources. Altogether these materials show that among the Tairona there was no any monolithic image of the power because of the separation of the power functions between different social groups.

Key words: *Tairona, archaeology, iconography, chiefdoms, image of ruler*

Культура Тайрона – культура конгломерата индейских народов, живших в доиспанское время на территории Сьерра-Невады-де-Санта-Марты (карибское побережье Колумбии).

Сам термин «Тайрона» довольно долго вызывал споры среди археологов и антропологов. Он впервые появился в работе испанского хрониста Антонио де Эррера. Сам он не бывал в Сьерра Невада, и видимо термин происходит из некоего анонимного источника, которым, среди прочих, пользовался автор. Это название относится к долине реки Дон Диего и её западных и восточных притоков, в которой на момент испанского завоевания жило племя тайро, а главный и самый крупный город долины носил имя Тайронака, поэтому и долина часто называлась в испанских документах долина Тайрона (Valle de Tairona). Теперь же под этим названием объединяют индейские культуры западных и северных склонов Сьерра-Невады, а также прилегающей к ним прибрежной полосы [19, p. 18].

ОСТРИРОВА Елена Сергеевна, преподаватель Мезоамериканского центра им. Ю.В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва). E-mail: maraveriza@gmail.com

Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки РФ, ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы (госконтракт № 14.740.12.1356 «Эпиграфическое наследие доколумбовых культур Америки: новые подходы в изучении древних цивилизаций»)

Так как исследуемый регион и до прихода завоевателей был зоной постоянных межкультурных контактов, то чёткое выделение характеристик и территориальных границ культуры Тайрона представляется проблематичным. Археологические памятники, датируемые фазой Тайрона и объединённые в единый культурный горизонт, относятся к IX/X – XV вв. Более ранние памятники фаз Неуанхе и Буритака (I тыс н.э.), скорее всего, не были на прямую связаны с фазой Тайрона: в X в. в данном регионе появляется новое население с отличными культурными практиками, ассимилировавшее либо вытеснившее более древних обитателей [11, p. 39-40; 9, p. 60].

Испанские источники XVI в. описывают основные политические центры, которые с большей или меньшей долей вероятности можно отнести к этой культуре – Бонда, Пуэблито, Сьюдад-Пердида (Буритака 200), Сьюдад-Антигуа, Посигейка и др. Особое место в работах испанских конкистадоров и хронистов занимали описания социально-политических структур и военного дела индейцев Тайрона. Это обусловлено тем, что аборигенное население Сьерра-Невада-де-Санта-Марта 75 лет (с 1525 по 1600 гг.) сопротивлялось завоеванию, сумев объединиться против испанцев. Подчинение обернулось уничтожением большинства племён, некогда живших на карибском побережье Колумбии в районе Санта-Марты и склонах Сьерра Невада. В 1600 г. губернатор Санта-Марты дон Хуан Гираль Верон начал истреблять мятежные племена и повесил практически всех вождей. Часть племён (предки современных коги и ика) спаслись от испанцев бегством в глубь горного массива [9].

1. Современные индейские племена коги и ика, унаследовавшие некоторые традиции культуры Тайрона и по сей день живущие в Сьерра Невада, говорят на языках арауаканской подгруппы языковой макросемьи чибча, и по лингвистическим данным к этой же семье относилось и доиспанское население Сьерра Невада де Санта-Марта.

Хотя первые раскопки в Сьерра-Невада-де-Санта-Марта были проведены Дж. Альденом Мэсоном ещё в 1920-е гг. [12], систематическое археологическое изучение региона началось лишь во второй половине XX в. и во многом скорректировало представления учёных о данной культуре, основанные лишь на этнографических материалах.

Одной из наиболее дискутируемых проблем североколумбийской археологии является вопрос о форме социально-политической организации изучаемого региона к моменту прихода испанцев. Такие крупные центры, известные нам только по заметкам испанцев, как, например, Бонда или Посигейка, по сообщениям XVI в., были центрами сложных социально-политических образований и управлялись «касиками». Колумбийский археолог и антрополог Х. Райхель-Долматов на основе анализа этноисторических источников пришёл к выводу, что в начале XVI в. на севере и западе Сьерра Невады существовали ранние государства, характеризующиеся сложной структурой общества, наличием аппарата управления (пока ещё не специализированного внутри) и прямой связью между распределением должностей и родственными отношениями. Он полагал, что к XVI в. на этих территориях сформировалось не просто раннее государство, а конфедерация ранних государств со столицами в Бонда, Посигейка и Сьюдад-Пердида [18, p. XVI-XVIII; 8]. Немецкий археолог

Х. Бишоф, наоборот, доказывал, что политики в Северной Колумбии были недолговечными образованиями (никак не государственного типа), и что их нельзя назвать конфедерацией в силу того, что их связывали только торговые отношения [3].

На современном этапе развития колумбийской археологии, прежде всего благодаря проведённым за последние 30-40 лет раскопкам,

политии индейцев Тайрона в IX/X–XV вв. оцениваются как сложные вождества с трёхуровневой иерархией поселений [14, р. 32-43; 15, р. 213-228; 16, р. 113-133; 10, р. 7-12; 20, р. 87-96]. В XV в. территория региона была поделена между несколькими такими вождествами. Власть вождя при этом являлась наследуемой. Также исследователи выделяют следующие факторы вождеской организации Тайрона: имущественное и социальное расслоение, эксплуатация вождём стоящих ниже него по статусу, распределение центром продуктов и товаров входе обмена (этот фактор встречается отнюдь не везде), необходимость объединения в силу военной угрозы и пр.

Для поселенческой иерархии региона Сьерра-Невада-де-Санта-Марта характерна развитая инфраструктура, что свидетельствует о тесных связях между поселениями. Социально-политическая иерархия отражалась в иконографии украшений из золото, камне, кости, в одежде, а также в иерархии погребений [17].

Исследование репрезентации и иконографии власти в культуре Тайрона напрямую связано с вопросами социально-политического развития общества. Основными источниками для изучения проблемы служат сведения испанских хронистов и сообщения конкистадоров [см. 1; 2; 6; 21 и др.], данные археологии (анализ погребений, жилищ знати и ритуальных построек), иконография (изображения на керамике, золотых и костяных украшениях).

Социально-политическая организация индейского общества XVI в. достаточно подробно описана в испанских раннеколониальных источниках, согласно которым у индейцев Сьерра Невады существовала иерархия представителей власти. В хрониках и сообщениях перечисляются следующие должности (или титулы), хотя отсутствуют сведения относительно их отношений и точных функций:

1. *Caciques* (вожди).
2. *Capitanes, principales* (знатные люди), *mandadores* (управляющие), *pregoneros* (ораторы или глашатаи).
3. *Capitanes de guerra* (военные командиры).
4. *Naomas, mohanes* (жрецы или шаманы).

Касики, как и «капитаны» исполняли прежде всего административные и судебные функции. Касики были в каждом крупном вождеском центре, население которого превышало 1000 человек (Посигейка, Бонда, Сьюдад-Пердида, Сьюдад-Антигуа). В больших городах касики могли возглавлять отдельные районы города [18, р. 88]. У тайрона касики также отвечали за отношения с соседними племенами и поселениями, проводили переговоры (в том числе с испанцами на стадии мирных и торговых взаимоотношений), руководили ополчением, хотя существовала и отдельная военная страта. Упоминания о женщинах-касиках практически не встречаются. Ж. Райхель-Долматофф упоминает об одной женщине-касике, имя которой встречалось ему в документах раннеколониального периода, но не совсем ясно, исполняла ли она функции касика или просто была женой выдающегося правителя [18, р. 10]. Правители некоторых городов (прежде всего Бонда и Посигейка, которые чаще всего упоминаются в испанских источниках из-за того, что они возглавляли борьбу с завоевателями на побережье), по мнению конкистадоров, занимали более высокое положение среди других касиков. Особенно отмечается роль касиков Бонда: Райхель-Долматофф цитирует конкистадора Г. Овьедо-и-Вальдеса, который отмечал, что касик Бонды «это Господь всех касиков этой провинции» [цит. по 19: р. 88]. Фрай Педро де Симон, описывая завоевание долины Кальдера, сообщает, что «селений было около 250 и большинство подчинялось касику, звавшему»

ся Гуаканаома, хотя не было ни одного [селения], не имевшего касика или мохана» [21, p. 192].

Наибольшее количество вопросов вызывает соотнесение терминов *naomas* и *mohanes*, так как в испанских источниках они часто употребляются вместе, но различия между ними чётко не определены. И те, и другие исполняли жреческие функции, их могло быть несколько в одном городе. Исходя из сообщений конкистадора Хуана де Кастельяноса, *mohanes* – это жрецы, причём высшие духовные лица [6, p. 549].

Фрай Педро де Симон особо описывает *mohanes*: «Пытаясь понять, что за Дьявол, которому они поклоняются, он говорил много раз только с *Mohanes* и они были самыми важными людьми.

Они, ещё до того, как начать исполнять свои обязанности и входить в транс, должны были как бы держать пост, 16 или 20 лет они каждый день почти ничего не ели кроме какой-нибудь булки и уединялись в лесных чащах или в пещерах, и они не должны были видеть людей, только тех, кто приносил им еду, и если вдруг они видели какую-то женщину, весь их пост нужно было начинать заново...

Пока они так истязали себя, с ними говорил Дьявол, набалтывая им всякую ложь, и если он говорил с ними, народ прославлял их и начинал почитать как наставников.

Когда Дьявол говорил с ними в их хижинах, нужно было потушить огонь, который горел всю ночь, по его приказу, для чего они имели в дверях храма проросшие снопы ветвей пахучих и диковинных деревьев, которые никто не мог срезать, кроме как для этого дела.

И когда Дьявол входил туда, чтобы говорить с *Mohanes*, это была с такой метелью и ураганом, что казалось, что он хотел опрокинуть хижину» [21, p. 217].

Педро де Симон также сообщает о вере в сверхъестественные способности *mohanes*. Один из них приблизился к испанцам и «вещал о победах, говоря, что будучи моханом, он пришёл к испанцам и вернулся от них, так что никто его не задержал и не попытался нанести ему вред» [21, p. 198].

Другой *mohan* пытался использовать свои сверхъестественные способности против испанцев: «Вот что случилось с другим ... : убеждённый Демоном в том, что он придёт к нашему лагерю, и этого будет достаточно, чтобы выгнать нас из этих земель; и он решил сделать это ночью, и вместе с живым Демоном (чтобы тот дал ему сил сделать это) он пришёл к палаткам солдат, и когда подошёл к часовому, тот схватил индейца и привёл его к начальнику караула, где его допрашивали, пока не выяснилась правда, что он связан с Демоном» [21, p. 198].

Ситуация с *naomas* более запутанная. Кастельянос пишет, что они обладали и политической властью, по иерархии стояли выше «касиков» и даже могли им приказывать:

И конечно понятно, что Бетома,
Жестокий человек, седовласый старик,
Которого считали Наома,
Который имел власть над другими касиками.
Собрал он на склоне холма
Тех, кто был из его области,
И в присутствии великого войска
Говорят, сказал следующее... [6, p. 327].

Традиция власти у тайрона не предполагала сакрализацию власти правителя, что не так часто встречается в доиспанской Америке. По сообщению фрая Педро де Симона, наома выступал главным советником Коэндо, вождя Бонды: «Коэндо, касик Бонды (который не смог вы-

терпеть жестокость, когда его схватил Франсиско де Кастро и заковал в кандалы, как мы рассказывали), коего подговаривал Наома, которого звали Макарона, планировал, как не упустить возможность отомстить нам» [21, p. 198].

По этноисторическим данным политическая власть наомас несомненна, но открытым остаётся вопрос об их функциях в религиозной жизни общества. Кроме того, иногда в именах правителей (касиков) поселений встречался термин наома (см., например, вышеупомянутого Гуаканаома в долине Кальдера), что может означать установление родственных связей между представителями административной и духовной власти в обществе тайрона. У современных индейцев коги жреческие функции исполняют *matmas*, а вот термином *naomas* называют всех взрослых мужчин высокого социального статуса [4, p. 308].

В этноисторических источниках особое внимание уделено одежде и знакам отличия у индейцев Сьерры Невады де Санта-Марта как способу визуальной иерархизации общества (по социальному положению, уровню доходов, чину). В нарядах индейцев, живших в то время на побережье, было относительно немного украшений: иногда пояса или набедренные повязки украшались золотом. Одежда и символика украшений индейцев Тайрона горных районов (долина р. Буритака) была тщательнее разработана. По сообщениям испанцев, а также на примере современного быта индейцев коги, можно выделить следующие элементы костюма индейцев Санта-Марты XVI века: 1) юбки и накидки из хлопка со всевозможными рисунками; 2) разноцветные головные уборы из перьев; 3) золотые украшения; 4) множество бус из разноцветных камней [4, p. 308].

Этнографические источники содержат множество описаний индейской одежды. К примеру, в 1581 году Педро де Агуадо записал следующее: «Они очень украшают себя разными предметами и драгоценностями из золота; мужчины носят серьги из золота в ушах, каждая из которых весит 15-20 песо, и носовые вставки, которые вставляются в середину хрящика, который прокалывают для этого дела, и подвешивают туда большие медальоны в форме дисков или полумесяца; на грудь и на тело они одевают разные типы ожерельев из бусин, сделанных из кости, раковин и зелёного камня, который у них высоко ценится, и золотых бусин. Женщины носят почти те же самые украшения, что и мужчины, а кроме того огромные браслеты и браслеты из золота, а на ногах, выше лодыжки или щиколотки, также носят браслеты из костяных и золотых бусин, столько, сколько могут позволить себе их мужья. И то же самое они одевают на предплечья... и хотя у этих индейцев есть какая-то одежда из хлопка, немногие одевают её, потому что в этих землях жарко и им боставляет большее удовольствие ходить нагими, чем одетыми. Все эти украшения и богатства, которые эти индейцы носили, они делали ещё во времена своей свободы, пока не пришли испанцы, а теперь после их прихода, они одевают и носят их, но после стольких лет лишений, они уже не используют их так много» [2, p. 71-72].

Фрай Педро де Симон описывает как обычные костюмы, так и ритуальные костюмы, связанные с праздниками: «Не было ни одного индейца, ни одной женщины, у которых не было бы костюма с украшениями, ушными вставками, ожерельями, коронами, губными серьгами, подвесками из чистого золота и с драгоценными камнями, прекрасно обработанными, нитками бусин. Все девушки носили на теле 4 или 6 золотых обручей, весом в 12 или 15 кастельяно. Их обычное платье было из двух кусков раскрашенной хлопковой ткани; когда они ходили куда-то, они брали с собой веера из перьев или листьев пальмы. В оврагах они своими руками делали помещения для купания. Было у них столько таких

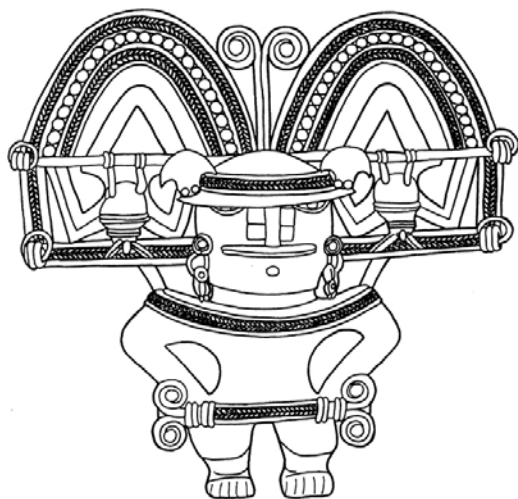

Рис. 1. Золотая антропоморфная подвеска в виде фигурки шамана или танцора (Музей золота, Бота, Колумбия; рис. М. Лупера)

птиц и золотыми диадемами, которые одевались на лоб; на груди они носили специальные нагрудные пластины (в форме солнца), использовали ушные и носовые украшения и расписывали своё тело специальной красной краской – annatto:

С огромными перьями на головах
С диадемами из золота,
И медальонами на груди,
Которые блестят в солнечных лучах,
И с другими золотыми украшениями
В серьгах в ушах и в носу
Самых разных форм и цветов,
И с луками и стрелами в руках [6, с. 325].

Фрай Педро де Симон сообщает: «некоторые самые смелые и те, кто много раз подвергался опасности, носят хвосты и волосы у них спускаются до талии, и это символ их смелости, и между другими их называют отважными» [21, р. 198].

Костюмы правителей (касиков) и «капитанов», а также воинов и шаманов отличались лишь количеством и качеством украшений. Табу на ношение украшений, на использование тех или иных материалов простыми людьми у индейцев тайрона, по-видимому, не существовало. В источниках нет упоминаний запретов на ношение золотых украшений кем-либо, кроме элиты. Это может быть связано, как с образом власти в индейском обществе, который не был сакрализован, так и с тем, что данный регион крайне богат драгоценными металлами.

Таким образом, ювелирное искусство и изделия из золота и тумбаги (сплав золота и меди) были широко представлены в индейском обществе: изделия из драгоценных металлов находят в погребениях, их использовали и используют в своих ритуалах шаманы, ими украшают себя даже простые люди. Блеск в понимании индейцев был и остаётся символом достоинства. При анализе символики одежды и предметов куль-

любопытных вещей из перьев, что невозможно и перечислить: плащи как мошкетеры, розы, цветы, гвоздики, веера, опахала, одеяния, нагрудники, покрытые перьями, и большие mohanes, покрытые ими же и драгоценными камнями, шапочки, ушитые светлячками и одеяния из шкур ягуаров» [21, р. 191].

Ритуальные костюмы индейцев Сьерра Невады также отражены, например на миниатюрных доиспанских статуэтках из кости, которые индейцы коги используют в ритуальных действиях, связанных с летним солнцестоянием и равноденствием.

Отдельно хронистами описывались одежда и церемониальные костюмы воинов. Хуан де Кастельянос, рассказывая о войнах горных районов Сьерра Невада, писал, что они украшали свои волосы длинными перьями

та, как считает антрополог Хосе Оливер, необходимо учитывать, что сочетание предметов с различной символикой для индейцев данного региона - это сложный семиотический комплекс, это система различных символов, подчас имеющих сакральное значение [13]. Украшения (ожерелья, пекторали, медальоны, нагрудные пластины и пр.), используемые в погребальном обряде, могли быть и символами власти, а могли использоваться и как магические амулеты. Большая часть украшений, которые хранятся в музеях мира (прежде всего, в Музее золота в Колумбии и в музейных коллекциях США), были найдены вне контекста либо обнаружены в погребениях и в тайниках.

Погребения – один из важнейших археологических источников. Их анализ также подтверждает социальное расслоение в индейском обществе на пороге завоевания и ранее.

Испанские хронисты уже в XVI веке описывали несколько способов захоронения в Сьерра-Невада-де-Санта-Марта, включая вторичные захоронения в урнах, сжигание, а также захоронение в склепах, где связанные трупы «усаживались на скамейки» со стрелами и луками в руках; их тела одевались и украшались золотом, бусами из камней, кости, раковин и т.д.; вокруг них расставлялись сосуды с питьём и едой (маисовые лепёшки и пр.). По словам Фрая Симона, «когда человек умирал, тело его скручивали до того как оно остынет, и так они его хоронили... в склепе с его украшениями, женщинами и рабами...» [21, p. 218].

Кастельянос описывает погребальный ритуал схожим образом, хотя не упоминает человеческих жертвоприношений:

И после смерти – долгий плач
И рассказывают они о его деяниях и приключениях;
И хоронили его со многими золотыми украшениями,
Как мы это видим во многих погребениях,
В которых они хранят свои сокровища
Согласно ритуалам и их безрассудству.
И многие выдающиеся люди
Между ними потом почитаются [6, p. 258].

В испанских источниках содержится сообщение о том, что, ища строительные материалы вокруг будущего порта Санта-Марта, конкистадоры в 1529 г. наткнулись на индейское кладбище. Об этом, например, писал конкистадор Гаспар де Эспиноса: «Они нашли около сотни погребений (склепов)...и только в трёх из них обнаружилось 6500 песо золота высокой пробы, после этого они обыскали все могилы, но больше золота не нашли, потому ясно, что золото находилась лишь в погребениях главных правителей (верховных касиков)» [цит. по: 7, p. 301]. Археологические находки XX в. подтверждают мнение Эспиносы. На побережье, в поселении Гаирака, археолог Дж. Альден Мэсон в 1920-е гг. раскопал

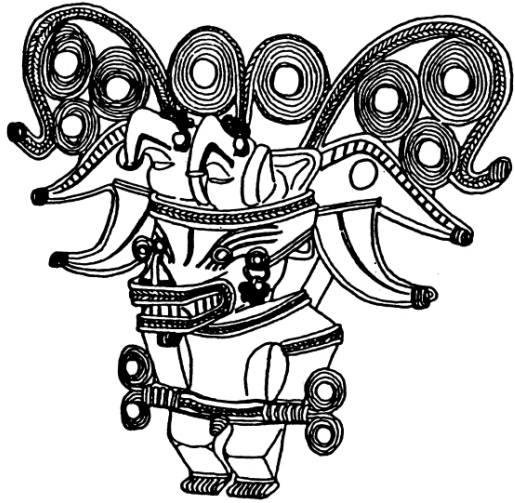

Рис. 1. Золотая подвеска в виде фигурки человека в зооморфном костюме (по [4, p. 319, Fig. 9.2])

Рис. 1. Золотая чеканная нагрудная пластина тайрона с изображением солярного божества или жреца-имперсонатора (по [4, p. 371, Fig. 7.5])

памятники на этой территории были разграблены. Изделия из золота встречаются в могилах и тайниках (под платформами домов, к примеру), они были найдены в Гайраке, в Лос-Наранхос, в Пуэблито, Буритака. В погребальной практике социальное и имущественное неравенство могло маркироваться количеством и качеством украшений и votивных предметов из драгоценных материалов.

На основе материалов раскопок погребений можно отметить следующую особенность культуры региона Сьерра-Невада-де-Санта-Марта: местный характер производства украшений и погребального инвентаря. В отличие от предшествующих тайрона культурных практик, иконография на изделиях из золота или керамике основывалась на местной традиции, элита предпочитала не «перенимать» чужие мотивы. Одной из отличительных черт иконографии тайрона можно назвать фигурки полулюдей-полуживотных в огромных головных уборах (рис. 1, 2). Скорее всего, они изображают шаманов в костюмах для проведения ритуалов (в звериных масках, головных уборах с орлиными крыльями, частью кайманов или огромными спиральными узорами). Военной атрибутики данные персонажи не имеют, не представляется возможным связать этих персонажей с представителями власти, скорее с потусторонним миром, солярными символами и атрибутикой шаманов и жрецов (рис. 3). При этом, по мнению исследователей мифологии современных коги и ика, иконографические элементы могут перемежаться, трансформироваться, менять свои значения и не имеют точной привязки к социальному положению и функциям [4, p. 315-316]. В изображениях людей со звериными чертами исследователи видят тех самых *mohanes* и *naomas* – жрецов и шаманов, которые отвечали за мировой порядок, общение с силами природы и предками, а главное, поклонялись Солнцу. Солнечный культ, а значит и золото, как и культ Земли, был осью мифологии индейцев Тайрона, как и современных индейцев коги и ика. Видимо поэтому, золотые украшения – подвески в виде звероподобных людей – скорее всего изображали не касиков и не воинов, а шаманов, которые были напрямую связаны с культом Солнца.

На современном этапе изучения этнографических источников, иконографии и данных археологии, образ правителей в культуре Тайрона на позднем её этапе развития (перед Конкистой) не представляется целостным. Причиной этого является то, что в обществе Тайрона существовала сложная иерархизированная система распределения властных полномочий, политическая власть была отделена от сакральной, при-

47 погребальных урн, в которых было очень мало металлических предметов [12, p. 25-31], а в погребальных урнах, раскопанных Р. Л. Пересом и вовсе не было золота. Однако современный колумбийский археолог К. Лангебайк считает, что нельзя говорить о принадлежности золотых украшений к символам только лишь высокого социального статуса [9]. Золото встречается отнюдь не во всех погребениях культуры тайрона, датированных X-XV вв., но всё же чаще, чем в предыдущие фазы развития дотайронского периода. К тому же многие археологические

чём, по сообщениям хронистов, шаманы и жрецы пользовались огромным уважением и могли влиять на принятие решений правителями. В иконографии возможный образ носителей религиозной власти – паomas или mohanes – скорее всего встречается на небольших подвесках из золота, которые могли быть как амулетами, так и votivным инвентарём. Материалы погребений, а также описания традиционных костюмов и праздников у тайрона не дают основания для выделения особых традиций репрезентации власти, так как распределение драгоценных металлов, камней, перьев и прочих престижных ресурсов не было прерогативой исключительно элиты и не было монополизировано носителями власти.

Литература

2. Aguado P. de. *Historia de la Provincia de Santa Marta y Nuevo Reino de Granada*. Madrid, 1931.
3. Aguado P. de. *Recopilación Historial*. Bogotá, 1906.
4. Bischof H. *Indígenas y Españoles en la Sierra Nevada de Santa Marta* // *Revista Colombiana De Antropología*. Bogotá, 1982. Vol. XXIV. P. 76-123.
5. Bray W. *Gold, stone and ideology: symbols of power in the Tairona tradition of Northern Colombia* // *Gold and Power in Ancient Costa Rica, Panama and Colombia*. Washington, 2003. P. 301-344.
6. Carneiro R.L. *The chiefdom: Precursor of the state* // *The Transition to Statehood in the New World*. Cambridge etc., 1981.
7. Castellanos J. de. *Elegías de varones ilustres de Indias*. Madrid, 1852.
8. Duque Gómez L. *Notas históricas sobre la orfebrería indígena de Colombia* // *Homenaje al Profesor Paul Rivet*. Bogotá, 1958.
9. Langebaek C. H. *Indios y españoles en la antigua Provincia de Santa Marta, Colombia: Documentos de los siglos XVI y XVII*. Bogotá, 2007.
10. Langebaek C.H. *The political economy of pre-Colombian goldwork: four examples from Northern South America* // *Gold and Power in Ancient Costa Rica, Panama and Colombia*. Washington, 2003. P. 246-278.
11. Langebaek C. H. *The Pre-Hispanic Population of the Santa Marta Bays: A Contribution to the Study of the Development of the Northern Colombian Tairona Chiefdoms*. Pittsburgh; Bogotá, 2005. (*Latin American Archaeology Reports*, No. 4).
12. Mantilla P.C. *Nuevos aportes para el conocimiento cronológico del área Tairona* // *Boletín de Arqueología*. Fundación de Investigaciones Arqueológicas Nacionales. Bogotá, Colombia. 1986. № 1.
13. Mason J.A. *Archaeology of Santa Marta, Colombia: The Tairona Culture*. Vol. 1-3. Chicago. 1931-1939. (*Field Museum of Natural History, Anthropological series*, 20, 1-3).
14. Oliver J.R. *Gold Symbolism among Caribbean Chiefdoms: Of Feathers, Cibas, and Guanín Power among Taíno Elites* // *Pre Columbian Gold: Technology, Style and Iconography*. British Museum, London, 2000. P.196-219.
15. Oyuela Caycedo A. *De los taironas a los kogi: Una interpretación del cambio cultural* // *Boletín del Museo del Oro*. 1986. № 17. P. 32-43
16. Oyuela Caycedo A. *Implicaciones de las secuencias locales y regionales en los aspectos culturales de los Tairona* // *Chiefdoms in the Americas* / Robert A. Drennan and Carlos A. Uribe, eds. Lanham, 1987. P. 213-228.

17. Oyuela Caycedo A. Centralizacion e integracion en la Sierra Nevada de Santa Marta // Boletín Museo del Oro. 1995. № 38-39. P. 113–133.

18. Oyuela-Caycedo A. Late Pre-Hispanic Chiefdoms of Northern Colombia and the Formation of Anthropogenic Landscapes // Handbook of South American Archaeology / Ed. by Helen Silverman and Bill Isbell. New York, 2008. P. 405–428.

19. Reichel-Dolmatoff G. Datos historicos-culturales sobre las tribus de la antigua gobernacion de Santa Marta. Bogota, 1951.

20. Reichel-Dolmatoff G., Reichel-Dolmatoff Al. Contactos y cambios culturales en la Sierra Nevada de Santa Marta // Estudios antropologicos. Bogota, 1977. P. 15-122.

21. Serje M. Arquitectura y Urbanismo en la Cultura Tairona // Boletín del Museo del Oro. 1987. № 19. P. 87-96.

22. Simón P. Noticias historiales de las conquistas de Tierra Firme en las Indias Occidentales. Bogotá, 1892. T. 5.

УДК 94(728)

*Пакин А.В.
Pakin A.V.*

Лидерство и власть у науа на южных границах Месоамерики в период испанской конкисты XVI в. (Гватемала, Сальвадор, Никарагуа)

**Leadership and power in the society of nahuas of the southern frontiers
of Mesoamerica during the Spanish conquest XVI century
(Guatemala, Salvador, Nicaragua)**

Статья посвящена вопросам организации власти и лидерства среди науаязычных народов, населявших южные окраины Месоамерики в период испанского завоевания. В статье кратко рассматриваются вопросы организации власти и управления среди трёх основных групп науаязычного населения, обитавших вдоль тихоокеанского побережья Гватемалы, Сальвадора и Никарагуа – йаки, пипилей, никарао. Затрагиваются вопросы вариативности местной модели лидерства и взаимоотношениям религиозного и военного лидерства в сравнении с другими народами науа и Месоамерики.

Ключевые слова: *власть, лидерство, Месоамерика, Гватемала, Сальвадор, Никарагуа, испанское завоевание*

The article main topic is the models of power and leadership in the society of nahuas of the southern frontiers of Mesoamerica on the eve and during the Spanish conquest. The present study deals with the questions of organization of power among the three main groups of local nahuas of the pacific Coast of Guatemala, Salvador, and Honduras – “yaqui”, pipil, nicarao, as diversity of local models of leadership and relationship of its military and religious components in comparison with other nauhas and other peoples of Mesoamerica.

Key words: *the power, leadership, Mesoamerica, Guatemala, Salvador, Nicaragua, the Spanish conquest*

История и этнография тихоокеанского побережья Месоамерики известна хуже, чем других её областей. Некоторым исключением являются науаязычные народы, обитавшие в прибрежных областях Гватемалы, Сальвадора и Никарагуа, и некоторых внутренних областях на момент испанского завоевания, известные под названиями пипиль и никарао. Как родственники ацтеков и других науа они обладали схожей религией и культурой, в том числе политической.

Науа на южной границе Месоамерики и сопредельная область к XVI в.

Области тихоокеанского побережья Гватемалы и Центральной Америки – Гондураса, Сальвадора, Никарагуа и Коста-Рики в период

испанского завоевания отличались исключительной этнической пестротой. Ещё королевский ойдор Гарсия Паласио, один из наиболее авторитетных источников, в 1576 г. писал: «Разделена [Аудиенсия Гватемала] на тринадцать главных провинций, без других, более мелких ... и в каждой из них есть и говорят местные на разных языках, что как кажется было наиболее искусным делом дьявола, которое осуществилось в этих королевствах, чтобы насадить разногласие столькими и настолько разными языками...» [8, p. 70]. Территория, которую мы рассматриваем, от рек Мотагуа и тихоокеанского побережья Гватемалы до Никарагуа и северо-западных районов Коста-Рики, была населена носителями совершенно различных языковых групп – майя, чибча, ото-манге, юто-ацтекской. Наиболее подробная информация имеется по местным науаязычным группам – (пипиль, никарао и др.), но и их количество подсчитать затруднительно. Этнографические описания не всегда проясняют дело – эта область издревле была зоной влияния со стороны культур Месоамерики – майя, а позже – науа, и мы вполне можем ожидать, что в поздние периоды, в связи с миграцией в регион науаязычных групп, могла иметь место науализация культуры элиты, как это случилось, например, с майя киче и какчикелями в Горной Гватемале. Кроме того, у некоторых из местных насельников язык науа («*lengua mexicana*») был в свободном хождении, хотя их языком он и не являлся (например, среди пополука) [8, p. 70]. Разные авторы, называющие разное количество групп, говоривших на науа, отмечают, что некоторые из них говорили на «испорченном пипиль» и «испорченном мексиканском», рассуждая о различных степенях его «испорченности». Некоторые из таких групп, например, никойя, заселявшие одноимённый полуостров в Коста-Рике, относятся традицией к родственникам науаязычных никарао, с чем соглашались не все современные специалисты [8, p. 24]. Пипиль находились в соприкосновении с носителями чибчанских языков шинка и ленка, и в некоторых местах (например, в Никарагуа) население науаязычных разных групп располагалось островками. Тем не менее, наличие на этих землях науа – носителей выделенного в 1948 г. П. Кирхгофом месоамериканского культурного комплекса – позволяет включить их на состояние XVI в. в состав границ Месоамерики. На момент конкисты науаязычные пипиль населяли побережье Гватемалы, где они известны в кичеанских документах под названием йаки, и некоторые из них входили в политику майя киче с центром в Утатлане [3, с. 86-87, 96-98, 129]. Центром расселения науа здесь был Искинтепек (совр. Эскинтла). Далее их территория пролегла по центральному и восточному Сальвадору, где они основали политики с центрами в Искуинтлане, Миктлане, в окрестностях вулкана Исалько [8, p. 25]. Восточная граница расселения науа в Сальвадоре, видимо, проходила по местностям, которые они сами называли «ноновалько», т.е. «испорченного языка», т.н. «поля Хибога», располагавшихся в 14 лигах от реки Лемпа [8, p. 81]. Далее на юг ближайшей областью расселения науа был участок тихоокеанского побережья между озером Никарагуа и океаном, где обитали науа-никарао. Сообщается также об отдельных общинах науа на карибском побережье и в глубинных районах, происхождение которых неясно.

Проблема происхождения науа в регионе

Традиционно миграция пипиль в занимаемые ими области представлялась на основе их этноисторических преданий, фиксированных испанскими хронистами. Это весьма неоднозначный материал, так как они по сути являются псевдогенеалогическими мифами о происхождении, записанными после конкисты. Причём первая часть применённой нами характеристики этих мифов наличествует очень явно. Так, испан-

цам, в частности Моголинии и Торкемаде был известен официальный ацтекский миф, производивший от одного корня не только ацтеков, но и заведомо неродственных им отоми, миштеков, тарасков и других их соседей. О самих же науа, заселивших пространство от побережья Гватемалы до Никарагуа и Коста-Рики, там нет ни слова [11, р. 9-10]. Мифы самих насельников этих частей известны по материалам никарао и никойя. Монах Торрибио де Моголиния, собиравший свой материал в Мексике, бегло упоминает о некоей засухе, когда многие покинули долину Мехико, и считает, что это были никарао, отправившиеся на юг по морю, с помощью большого количества каное [11, р. 9-10]. Хуан де Торкемада, знакомый с некоторыми другими источниками преданий самих никарао, приводит легендарную версию, очень схожую с мифом о миграции самих ацтеков. Сперва он приписывает им различное происхождение. Согласно ему, никойя (которые по нашим данным, на самом деле – не науа) произошли от обитателей Чолулы, т.е. непосредственно с центрально-мексиканского нагорья. А никарао некогда обитали в Безлюдье («*Despoblado*») Шоконочко (Соконуско) и на перешейке Теуантепек, где их завоевали злобные соседи-ольмеки (т.н. «исторические», с побережья Мексиканского залива). Ольмеки налагали на них непосильную ежедневную дань «курами» (индюками), женщинами и рабами (для жертвоприношений). Здесь появляется мотив миграции в обещанную богами землю, известный в частности и в этногенетическом мифе ацтеков (которых вела воля бога солнца Уицилопочтли). Собравшись на совет, мудрецы («*alfaqui*» у Торкемады, т.е. «факирь», жрецы, видимо) решили уйти в далёкую землю. По дороге эти жрецы умирали, и когда народы проходили Никарагуа, никто уже не был уверен, та ли это земля, которую предсказали, или нет. Здесь Торкемада приводит ещё один фольклорный момент, объясняющий разделение никарао и никойя, который гораздо более неоднозначен. Те, кто решил остаться в Никарагуа, пошли на предательство. Выпросив носильщиков, они выждали, пока часть народа ушла вперёд, и, перебив их, напала на местных, оставшихся в результате на месте. Ушедшие вперёд заселили полуостров Никойя [15, т. I, р. 331-333]. Но этот же самый эпизод Торкемада приводит и совсем по другому поводу – в рассказе, о якобы имевшем месте завоевании этих мест последним ацтекским тлатоани Монтесумой II Шокойоцином [15, т. I, р. 218].¹ И, наконец, предание носит свидетельство влияния испанской конкисты – «факирь» предсказывают появление в будущем «бородатых людей». Общей чертой с официальным мифом ацтеков является наличие некоего приказа божества следовать к указанному месту и запрет занимать другую территорию, которая покажется им подходящей. Причина разделения народов та же, что и в мифах ацтеков – желание остаться в плодородных землях, встретившихся по дороге к указанному божеством месту (в случае с ацтеками – болотистому острову на озере Тёскоко, проигрывавшему в привлекательности многим встречавшимся по пути местностям) [1, с. 12-26].

Как любой псевдогенеалогический миф, он довольно путанный в определении родства народов друг другу. По топонимам видно, что никойя – не науа, но, тем не менее, согласно преданию, их относят к родственникам никарао. Впрочем, топонимика не обязательно показательна, так как многие места с этой области имели своё название у народов

¹ Некоторые историки принимают это заявление на веру без должной критики, например В. Баглай [1, с. 128]. Между тем, источники Торкемады и Васкеса де Эспиносы, говорящие об этом событии, неизвестны, и невозможно судить об их достоверности. Сходство с известным мифом может указывать на неверную интерпретацию, либо (а может и «также») желание как-то объяснить присутствие науа так далеко от Мексики. Этот факт, надо отметить, действительно вызвал удивление у испанцев [11, р. 9-10].

разных языковых семей. Вдобавок, хронисты выводят происхождение этнонимов путём «народной», ложной, этимологии, по созвучию. Например, производя «чоротегга» (народ языковой семьи ото-манге) от науатльского «чолультека» (т.е. выходцы или жители Чолулы, города на Центральном нагорье, принадлежащие к юто-ацтекской языковой семье) [15, t. I, p. 331-333]. Непосредственные участники конкисты, расспрашивавшие местную знать, также приводили версию о бегстве от «плохих хозяев», обитавших на прародине. Другие источники, например, официальный хронист А. Эррера, также приводят версию о миграции по морю, схожую с Мотолинией (не исключено, что именно его) [10, p. 261]. Науа Искинтепека в Гватемале, по словам хрониста Фуэнтеса-и-Гусмана, и все происходили от воинов ацтекского тлатоани Ауисотля (1485 – 1502), уславшего их завоевывать далёкие области. Здесь они сами, оставшись наедине с киче и какчикелями, подвергались с их стороны военному давлению [7, t. II, p. 90].

Научные представления о миграции науа строились в основном на попытках совместить данные Торкемады о хронологии миграции никарао («семь или восемь поколений» по 104-107 лет) [15, t. I, p. 331], с тем, что было известно о науа по материалам индейских хронистов с Центрального нагорья, и представлениями о роли науа с исторических судьбах региона (в частности, юкатанских майя). Представлялось, что сначала в рассматриваемый регион проникали майя-чорти, которых считали наиболее вероятными строителями майяского городища Копан. Первоначально, как представлялось, территорию занимали представители языковой семьи шинка-ленка. Затем, около 700 г. туда начинается миграция науа, прошедших на побережье вниз по течению Усумасинты и далее вдоль берега до их мест обитания на момент конкисты [14, p. 446-47]. Отождествляемых с носителями «тонкой оранжевой» и «Тохиль свинцовой» керамики, появившихся в конце классического периода в окраинах области расселения майя, именно этим науа приписывали активную роль в падении классических городов. Также им приписывается и активная роль в науализации искусства, религии и идеологии (на примере майя-киче и городов юкатанских майя – Чичен-Ицы, Майяпана) майяской знати. Также науа-мигрантам приписывали создание культуры поздней Коцумальуапы, с уникальным стилем которой связывают многие находки в разных частях региона [5, p. 161-164]. Во всяком случае, именно Куцамальуапе приписываются все науатльские черты, проникшие в позднюю и терминальную классику в регион [4, p. 11].

Последние данные показывают более сложную модель взаимодействия с местным населением. Во-первых, «тонкая оранжевая» керамика появляется несколько позже падения классических городов майя. Во-вторых, и взаимодействие самих майя с местным населением выглядят несколько иначе. Предполагалось, что носители керамики фазы «пайу» являются майя-чорти из Копана, которые после запустения Сальвадора в III в. н. э., после перерыва фазы «илопанго», заселили опустевшие территории. В настоящее время по поводу этнической принадлежности носителей керамики пайу к майя высказываются различные возражения, сводящиеся к модели имитации местной элитой чёрт майяского культурного комплекса. Также не связано с их появлением и падение классических городов, которые оставляются до того, как приходят носители «тонкой оранжевой» керамики. Недоказуема и этническая принадлежность обитателей культуры Коцумальуапа, обитатели которой издревле испытывали сильное влияние со стороны других народов Месоамерики, к самим науа. Её поздние фазы (600–900 гг.), рассматривались как свидетельство миграции науа в регион. Несмотря на наличие в искусстве поздней Коцумальуапы божеств, существовавших и в пантеоне

науа, и «мексиканского» календаря, проникновение стиля и элементов иконографии ещё не является в Месоамерике весомым аргументом для определения этничности. Элементы культуры (календарь, иконография божеств), связываемые обычно с науа, проникали в регион как минимум с V в. н. э., и связаны ещё с распространением теотиуаканских стилей. В то время как сама этническая принадлежность обитателей Теотиуакана, определившего последующее культурное развитие региона, в том числе науа, окончательно не установлена. Явные следы ранних пипилей в Сальвадоре, в поселениях Тасумаль и Лома Чина, по мнению археолога П. Амаролли, уводят не далее 900–1000 г. н.э., что противоречит наивным хронологическим выкладкам исторической традиции и этноисториков. Элементы иконографии могут проникать разными путями, вне связи с этнической принадлежностью. В то же время факт науализации культуры соседних с науа побережья майя киче и какчикель определяется более чётко по данным этнологии, таким как наличие этногенетических преданий (заимствованных от науа) как способа легитимации власти и т.п. В настоящее время авторитет популярных очень долгое время моделей массовых миграций, как универсальное объяснение изменений в культуре месоамериканских народов, подорван. Между тем, науа пришли именно в результате массовой миграции, и этот процесс, что случается довольно редко, хорошо прослежен на археологическом материале. В Лома-Чина и Тасумаль в X в. прослеживается резкая смена нескольких местных культурных комплексов одним пришлым. Настолько резкая, по словам П. Амаролли, что ни одна модель проникновения культурных черт не может быть предложена [4, р. 33]. Однако теория о единой миграции науа через Усумасинту и вдоль всего побережья, до Никарагуа, подмывается не только наличием различных традиций о происхождении. Но в первую очередь тем, что распространение керамики «Тохиль свинцовая» и «тонкая оранжевая», главных свидетельств, как считалось, процесса миграции, имеет более главную модель происхождения и распространения, которая не вполне вяжется с этой простой схемой.

Власть и лидерство у науа южной Месоамерики

Для «исторического периода», т.е. на момент конкисты, мы располагаем рядом свидетельств относительно социального устройства пипилей и их культуры, оставленных конкистадорами, хронистами (Овьедо, Фуэнтес-и-Гусман, Торкемада) и колониальными чиновниками (Гарсиа Паласио), а также несколькими документами, записанными латиницей на науа [6; 10]. О местных иероглифических рукописях пипилей сообщают многие авторы, и некоторые из них даже находились в собственности хрониста Фуэнтеса-и-Гусмана в конце XVII – нач. XVIII в., но оригиналы до нас не дошли. Выполнены они были, надо полагать, в традициях т.н. центральномексиканской «пиктографии», представлявшей на самом деле специфическую разновидность слогового письма [6, р. 36; 12, Т. IV, р. 36].

В Сальвадоре, по-видимому, не сложилась ни одна полития, объединившая несколько поселений. По словам Гарсии Паласио, «...в большинстве мест они признавали «местных сеньоров», они были маломощными, ценился и управлял среди них тот, кто больше мог и имел больше вооружённых людей» [8, р. 72]. В то же никарао Овьедо описывает как политию с подчинёнными селениями и «провинциями» с жёсткой иерархией управлявшихся посредством выходцев из прослойки воинов, подчинённой «касику» [12, Т. IV, р. 37-39].

У пипиль Сальвадора лидерство было жёстко разделено в военной и религиозной сфере между верховным жрецом и жреческой иерархией,

с одной стороны, и правителем с «военной знатью», с другой. Для сравнения, у более успешных ацтекских родственников, это лидерство могло совмещаться. Мотекусома Шокойоцин был, к примеру, не только тлатоани, но и жрецом, хотя и не верховным.

«Касик» или местный сеньор» в испанской терминологии, именовался *tlatoque*. Как и обозначение ацтекского верховного правителя, *tlatoani*, это слово происходит от корня, означающего «говорить».

Его положение было наследственным. Причём правила этого наследования выглядят необычно для науа. Гарсиа Паласио говорит, что в провинциях, посещённых им за время инспекции, принято было наследовать имущество (и положение) покойного его братьями, принадлежащим к тому же поколению и бывших как бы его продолжением [8, p. 127]. Этот порядок явственно виден у ацтеков в наследовании власти тлатоани Теночтитлана [1, с. 40]. Но и Овьедо, описывая никарао, и Фунтес и Гусман также говорят о наследовании по прямой линии. Однако Паласио заявляет и о весьма необычном наследовании власти и обычае выбирать себе жён. Во-первых, говоря о смерти касика, он говорит, что после четырёхдневного траура ему наследовали его сын или дочь (!), что не очень вяжется с военным лидерством, от которого зависело в условиях враждебного иноэтничного окружения само выживание общества [8, p. 87]. Жениться же правители пипилей были обязаны на тех девушках, которых им предложит знать, *indios principales*, и именно их дети наследовали власть [8, p. 132]. Речь идёт именно о прямом наследовании, а не в рамках поколения, как следовало бы ожидать от науа. Все прочие «жёны», которых у пипильских вождей, по традиции месоамериканской знати, было более чем одна, имели, вероятно, статус рабынь или наложниц. Так объясняли «многожёнство» своей знати, по крайней мере, науа-никарао [10, p. 265]. Вероятно, что и пипили здесь не отставали от сородичей. Во всяком случае, Паласио говорит, что с этими жёнами пипили легко расходились. Простые люди выбирали себе в жёны тех, кого укажет тлатоке, и от обычая брать жён по указке отцов и более статусных представителей общества их долгое время пыталась впоследствии отвадить испанская администрация [8, p. 132]. Ситуация с неравным положением общинников, которые редко имели больше одной жены, по той причине, что не могли прокормить больше, и знати, практиковавшей многожёнство и резко выделявшейся на фоне остальных, вполне обычна для Месоамерики. те же данные приводит и Овьедо, говоря в о Никарагуа в целом [12, Т. IV, p. 37].

Сведения Паласио, скорее всего относятся, к пипиль зоны Исалько. Для Никарагуа Овьедо сообщает совсем другие данные, описывающие два типа управления – «многими людьми» там правили «избранные старцы», выбиравшие «генерал-капитана», т.е. военачальника для ведения войн. «Сеньора» же они не имели и не признавали таковых [12, Т. IV, p. 36-39]. Насколько «многими» были эти общины и относились ли они именно к науаязычному населению Никарагуа, понять из описания невозможно. Но разнообразие в организации управления общинами встречалось и в Новой Испании и среди майя, поэтому и такой вариант не удивителен. Для сравнения можно привести такой известный «этнографический полигон» изучения современных майя, как Синакantan в горном Чиапасе, где не только после, но и до конкисты власть находилась в руках выборных представителей, и, по сведениям монахов-доминиканцев, «управляли жрецы» [9]. В то время как в соседнем, тоже горном регионе, Гватемале, лидерство у майя киче и какчикель было жёстко наследственным и освящалось преданиями об общих предках народа [3]. И даже на равнинном Юкатане, где нет такого языкового, этнического разнообразия организация управления могла варьироваться

от жёсткой наследственности одним линиджем положения правителя в нескольких общинах, входящих одну политию-кучкабаль (напр., общины в кучкабале Мани), до регулярной смены выборных представителей разных групп или ротации власти между несколькими из них (Тицаль, Кикиль-Йашкаба) [13, Т. II, р. 267]. И очень часто попытки испанцев навязать в обязательном порядке наследственную или выборную власть касиков проваливались и вызывали, как в Синакнатане, сопротивление со стороны индейцев [9]. Здесь важен один существенный момент, объединяющий эти случаи. Как правило, известные прецеденты с лидерством «отклоняющегося» типа относятся к независимым общинам (Синакантан), или подчинённым центру крупной политики (Йашкаба-Кикиль). Так на Юкатане, в подчинённой общине мог править член линиджа, контролировавшего верховную власть в политике – батаб. А мог и выборный хольпоп, присылаемый общиной к правителю, халач-винику, на утверждение. И мы видим тому подтверждение из рассматриваемого в работе региона. После слов об управлении «выборными старцами», Овьедо заявляет, что были и те, где признавали «сеньоров», и у никарао, одних из наиболее опасных противников испанцев, правил именно «сеньор». И этот «сеньор» полагался на прослойку воинов, составлявших его гвардию, из числа которых он назначал правителей поселений и провинций. Как отмечал Овьедо, непосредственный участник завоевания, это были очень грубые, жестокие и безжалостные воины [12, Т. IV, р. 36-37]. Их Овьедо обозначает сильно устаревшим словом «galpónes», означающим нечто вроде навеса от дождя (также применявшимся к бараку для рабов), видимо намекая на распространённую в Месоамерике архитектуру публичного здания – навес на столбах, иногда имеющий от одной до трёх стен. Так выглядели помещения для приёма путников, времяпрепровождения, собраний. В такого же типа помещениях проводили своё время также подростки и молодёжь, такими же должны были быть помещения для воинов. С одной стороны, это связывает «надежду и оплот» никарао и их правителя со специфическим налогом «мужского дома», который в Месоамерике не имел большинства функций и значения, свойственных такому заведению в Океании. Лидеры подчинённых общинах никарао, таким образом, были жёстко подконтрольны касику, и не происходили из них.

Гватемальские науа имели схожую модель, где лидерство было узурпировано, по словам Фуэнтеса и Гусмана, военными, «капитанами», с момента их обоснования в данной местности. Причём, по его словам, управлялись они так, как приказал Ауисотль всем своим солдатам, осевшим в чужой стране, с военной аристократией во главе общества. Изначально ими правил некий Гуакчимичин, приказывавший приносить в жертвы не только врагов, но простых жителей Искинтепека, и даже представителей знати. Такую «непорядочную» власть терпели недолго, и, свергнув, поставили во главе Хутекоцимита, постановив, что он заведёт совет из восьми знатных, которых будет отличать особая длинная одежда. Наследником и одновременно (что необычно) военачальником должен был стать его старший сын, которому полагалось четыре советника (возможно, из тех же восьми бывших в наличии) [7, Т. II, р. 90-91]. Институализация наследника в какой-либо должности относительно редка в Месоамерике (конкретное лицо было не всегда было определено заранее), но всё же имеется – у тех же соседних с пипилями майя-киче, где высшими должностями были правитель (ах поп) и его наследник (ах поп камха) [3]. Причём браки вне политики у йаки были исключены для правителя, а детей от наложниц-рабынь сажали на землю [7, Т. II, р. 92].

Сам правитель был, прежде всего, именно военным лидером. Тлатоке с «капитанами» у пипилей Сальвадора лично возглавлял военные экспедиции. Это была его главная функция. Его роль в обрядах, не посвящённых войне и победам, заканчивалась у дверей храма, где он и знать снаружи ждали, пока жрецы совершат жертвоприношение [8, p. 84-85].

Война была одним из основных занятий мужского населения. Однако пригодными для неё считались не все. Те, кто не был признан таковым, платили воинам и обрабатывали поля жрецов и касика помимо своих собственных. Однако по некоторым описаниям праздника в честь победы, можно заключить, что и те, кто участвовал в войне, имели мильпы, т.е. занимались полевыми работами: «И те, кто был солдатом (*soldados de guerra*) не спали в домах со своими жёнами, но в определённых кальпуль [общинах – А. Пакин], предназначенных для этого. И то же молодёжь, которая показывала искусство в ополчении. И днём шли к своим жёнам и на свои мильпы. Но всегда оставалась рота (*compañía*) охранять селение» [8, p. 84, 88]. Отличие от массы общинников было видимо в том, что им не приходилось работать на кого-то из знати. Более того, для удачливого воина открывалась дорога в ряды этой самой знати, поэтому вся молодёжь горела желанием испытать свои воинские способности. Испытанные воины получали доступ к привилегиям, полагавшимся только знати. Среди них, например, право пить какао, не дозволенное до прихода испанцев простым людям. Пипили были одним из главных производителей какао, произраставшего в регионе Исалько. Местные жители считали, что отсюда происходит лучшее какао во всей Новой Испании. И у ацтеков, и у других народов оно было священным напитком, используемым знатью и в религиозных церемониях. Кроме того, оно было универсальной валютой во всём регионе, заменяя деньги. «...В старину было так уважаемо, что ни один человек не пил какао если не был касиком, великим сеньором, или храбрым солдатом» [8, p. 74].

Власть правителя, который помимо военных функций исполнял и некоторые гражданские – женить людей (указывая кому на ком) и отдавать распоряжение о начале полевых работ, была довольно жёсткой, что видно из того, что в навязанный испанцами вариант самоуправления, *кабильдо*, она вписывалась со скрипом [8, p. 87]. Не удавалось отучить касиков, на которых не только перенесли представления о власти *тлатоке*, но которые в ряде случаев от прежних *тлатоке* либо происходили, либо ими же и были, от ряда «авторитарных» привычек. Например, приговаривать к штрафу за прелюбодеяния жён без просьбы и поручения супруга, занимать все имеющиеся выборные должности *кабильдо* родственниками, принимать обязательные в «языческом прошлом» подношения и т.д. Также не удавалось приучить местных к привычке заключать браки по собственному желанию, а не касика или родственников, наследовать по прямой линии, а не внутри нисходящего поколения сиблингов и т.д. [8].

Религиозное лидерство было представлено наследственной иерархией жрецов. Главным из них был верховный жрец, *текутли*, носивший голубые одежды и убор из зелёных перьев кецаля. Он отвечал за всю религиозную деятельность в целом, а также вступал в прямой контакт с божеством, посредством его статуи. Общение со статуей было закрытой процедурой от посторонних, её результат сообщался знати другими жрецами. Эти, стоявшие ниже по статусу четыре жреца-*тепишки*, тем не менее, играли важную роль в празднествах. А в случае, если у главного жреца не оставалось наследников, ему наследовал сын одного из *тепишки*. Ниже по рангу находился ритуальный специалист, роль которого сводилась к вскрытию груди человеческих жертв и хранению священной

утвари. Все жреческие должности были наследственными. Сама статуя божества считалась наделённой его силой, которая могла причинить непосвящённым вред, точнее смерть от паралича. Иногда они располагались на почитаемых озёрах, вроде статуи женского божества на оз. Коатан, осмотренной по приказу Паласио. Очевидно, жрецы наследственно считались обладающими некими свойствами природы, позволявшей им избежать такого риска. Не менее важным был «мудрец» – теуаматлини, хранитель священных рукописей, который участвовал во всех случаях, требовавших определения даты по священному календарю [8, p. 82].

Всего же пантеон сальвадорских пипилей в сравнении с теми же ацтеками (унаследовавших несколько важных культов, существовавших в долине Мехико до их прихода), был чрезвычайно прост. Они почитали Кецалькоатля, покровителя знаний, планеты Венера и создателя человечества, и женское божество, которое известно было по имени Ицкейе. Весь их священный календарь (безусловно, месоамериканский) был организован так, что дни были поделены на те, что находились под влиянием Кецалькоатля, и те, в которые господствовала Ицкейе. Причём, праздники, начинавшиеся в дни календаря под её покровительством длились всего пять дней, в том числе, если на такой день приходилась победа. В честь Кецалькоатля – пятнадцать. У никарао, отметим, был несколько иной пантеон.

Основа представлений об особой природе наследственных лидеров, видимо строилась, как и во всей Месоамерике, на представлениях о свойствах их крови, и свойствах крови человека, заключавший в себе «жар» вообще. В особенности, той, которую добывали из мужского члена. В частности для успешного разговора со статуей, главный жрец мазал кровью из своего члена лицо руки и ноги статуи божества. Совершать приношение крови из собственного *membrum virile* считалось мужественным поступком, а для жрецов и касиков – ритуальной обязанностью. И после испанского завоевания у власти оставались многие касики, у которых ещё в языческие времена был «открыт член», они подзревались в идолопоклонстве и могли подвергнуться преследованию. Причём в одном из дел, в которых принимал участие Паласио, речь идёт о районе, где изначально науа не обитали, что видно по топонимике [8, p. 87]. А практика тем, не менее, явно месоамериканская. Уточнить, не был ли это результат редукции, т.е. насильственного переселения, в результате которого многие общины науа оказались вдали от побережья, нам не удалось. Но вряд ли речь идёт о «влиянии» со стороны науа. Как раз к влиянию такого рода местные народы накануне конкисты были на удивление устойчивы. Овьедо особенно отмечает разнообразие обычаев и отсутствие взаимопонимания между местными народами разных языков, живших на этом «перекрёстке культур» [12, p. VI, p. 37]. Этот «жар» с возрастом у человека, как считалось, возрастал. Старики, которые прожили слишком долго (два 52 летних цикла), могли соединиться с солнцем, как следует из пересказа Торкемадой преданий никарао о жизни на прежней родине [15, Т. I, 331]. Это имело значение для их особо высокого социального статуса. Отметим, что все имевшие отношения к выборному управлению, как в упоминаемых Овьедо «самоуправляющихся» общинах, и прочие «важные» индейцы у никарао носят титул “guegeu”, на языке науа, «старый» [12, p. VI, p. 37-40].

Особа лидера была неприкосновенна, но и требовали от него очень многого. Интересен один анекдотичный случай из 1570-х гг. В одном из районов (видимо, населённом не пипилями и даже не науа), один из касиков, из числа доиспанских лидеров, заболел. К нему пришли жители и заявили, что он не годен исполнять свои обязанности, поэтому...будет разумно, если, не дожидаясь, пока он умрёт, они его похоронят так, жи-

вого. Подумав, касик заявил что они, пожалуй, правы. И завернув его в саван они понесли его в церковь, где одна из находившихся там женщин, прикоснувшись к нему, и поняв, что он тёплый (ещё живой), распеленала его и прогнала «инициативную группу». Касик прожил ещё четыре месяца, и его всё это время просили поскорей помереть. Но что интересно, так и не решились умертвить его [8, p. 89]. Отметим, что и свергнутого в Искинтепеке Гуакчимичина науа забили палками, т.е. бескровно, видимо из страха перед пролитием крови касика [7, Т. II, p. 90-91]. Возможно, это как-то объясняет стремление взять таких людей живыми, хотя и их физическое уничтожение в бою, как выяснили на собственном примере испанцы, было весьма желательным результатом. У майя, например, гибель военного лидера приводила к бегству всей армии и большим потерям [13, Т. II, 85, 324].

Однако, отношения военного и религиозного лидерства не были однозначными. Г. Паласио излагает любопытный пример видения их роли, видимо, относящиеся к тому образу власти, который был предназначен для управляемых, нежели носителей власти: «Собирались «папа», мудрец и колдун, и их четыре жреца, и узнавали по их гаданию и колдовству, не будет ли войны, и не пошёл ли кто-нибудь против них. И если их гадание говорило, что «да», звали касика и военных капитанов, и говорили, как пришли враги и куда им следует идти затевать войну. Касик предупреждал всех своих воинских людей и выходил в поисках врагов, и если одерживал победу в битве, то потом отряжал гонца к папе и уведомлял его о дне, в который это произошло, и мудрец смотрел, кому следует устроить жертвоприношение ...» [8, p. 84]. Наивность описания указывает, скорее, на информаторов из широких слоёв общества, а не элиты. Вряд ли жрец имел возможность настолько контролировать власть, и здесь мы имеем дело с её образом, который ею поддерживался.

Но есть и другой аспект их взаимоотношений – жреческая власть, похоже, в месоамериканских обществах имела некоторое преимущество, если власть в общине не была наследственной. Поскольку всегда наследственным было положение самого жреца. Для сравнения, полномочия отправлять людей на войну принадлежали жрецу в общине Йашкаба (Кикиль) на Юкатане, хотя там были свои выборные лидеры общины, ах куч кабы, и выборный военачальник [13, Т. II, p. 267]. Тем не менее, полития, возглавлявшаяся жрецами, как и поселение, встречается на Юкатане и у майя куда реже, чем возглавляемая наследственным правителем без специфически жреческого статуса. У науа такое явление известно реже. Помимо жреческого статуса, который имел Монтесума Шокойоцин (1502 – 1520), можно указать ещё на один пример необычной функции религиозного лидера из прошлого ацтеков. У ацтеков существовала должность сиауакоатля – «женщины-змеи», возглавлявшего всё ацтекское жречество, совет тлатоани и бывшего второй фигурой в государстве к моменту прихода испанцев. А до укрепления власти тлатоани в XV в., возможно и первой. Название для мужской обязанности вроде бы странное, учитывая гендерные аспекты власти в Месоамерике, где женщины отстранялись от управления. Но всё объясняется просто – сиауакоатль –хтоническое женское божество бывших хозяев ацтеков, кулуаканцев, которых он впоследствии предал. Их подданными они стали, придя в XIII в. в долину Мехико. Ацтеки разодрались со своими хозяевами, нашли новых, разошлись и с ними, основали Тройственный Союз и стали в XV в. ведущей силой в регионе. Но должность сиауакоатля осталась, и значение её было очень высоким. На этот момент исследователи, как правило, не обращают должного внимания. Между тем, речь идёт о специфической форме контроля над подчинёнными общинами, когда устоявшиеся в ней традиции не дают навязать традиционного ли-

дера из своей династии, либо по соображениям низкого статуса невозможно заключить династический брак. Ацтекам такой брак был позже предложен кулуаканцами, но они предали хозяев, по легенде принесли невесту в жертву и, разбитые, бежали на болотистый остров, где основали Теночтитлана [1, с. 28, 284, 333]. Навязывание культа своего бога-жреца – наиболее простой и эффективный способ контроля, минуя имеющуюся местную власть и все её «неудобные» особенности. Например, упомянутая Иашкаба, где по словам её энкомендеро-испанца, тиранствовали выборные главы, была подчинённым селением Хухбильчена, где правил могущественный линиджа Куцуль [13, Т. II, р. 267]. Тот же смысл, теоретически, могло иметь и навязывание майя культа Кецалькоатля юкатанскими государствами, Чичен-Ицой и Майяпаном.

Заключение

Науа на южных границах Месоамерики, как видим, демонстрировали традиционную для этого региона модель лидерства, основанного на специфическом религиозном мировоззрении в тех вариантах, которые были известны и в других частях региона. Лидерство в вождествах и полициях было наследственным, связанным с исполнением военных функций. Конкретные детали организации могли отличаться. Варианты, где лидерство было построено иначе, на основе выборности или ротации, как правило, относятся к отдельным, либо подчинённым в составе полиции, общинам. Ни принадлежность к одной языковой семье, ни местные природные условия региона (равнины, нагорья), ни политические (здесь воевали все, всегда, везде, и со всеми) не являлись существенными для наличия этих вариаций. Скорее здесь главным здесь является уровень сложности политического образования. На уровне полиции такая ситуация не встречается – власть там всегда наследственная, покровительствуемая наследственной иерархией жрецов. Более того, наследуемая, в обход традиционных норм, по прямой линии. Так же мы видим три обычных категории месоамериканских лидеров – наследственного военного лидера, наследственных жрецов и представителей общин, «старцев». Их положение обосновывалось обычными для Месоамерики религиозными представлениями о свойствах человеческой природы, в частности крови человека. Причём наличие наследственного военного лидера, или жреца, как таковую иерархию «старцев» не отменяло, и не сильно умаляло её полномочия. Именно с этими людьми, а не с равными себе правителями других общин и полиций вынуждены были заключать законные браки «касики».

Литература

1. Баглай В.Е. Ацтеки: история, экономика, социально-политический строй. М.: «Восточная литература» РАН, 1998. 432 с.
2. Гуляев В.И. Археология Центральной Америки. М.: Наука, 1995. 165 с.
3. Пополь-Вух. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959.
4. Amarolli P., The Earliest Pipil: New Perspectives on Toltec Presence in Southern Mesoamerica. 1989.
5. Coe M., The Maya. London, 2005.

6. Fowler, W. Ethnohistoric Sources on the Pipil-Nicarao of Central America: A Critical Analysis // Ethnohistory. Vol. 32. № 1. (Winter, 1985). pp. 37-62.
7. Fuentes-y-Guzman, F. A. Recordacion Florida. Discurso historial y demostracion natural material militar y politica del Reyno de Guatemala. tt. I-III. Guatemala, 1932.
8. Garcia y Palacio, D. Carta-relacion. Relacion y forma. Mexico, 1983.
9. Lenkersdorf G. // Revista Chaipas. Vol. 11. Meico, 2001. URL: <http://www.revistachiapas.org/No11/ch11lenkersdorf.html>. [Дата обращения: 02. 06. 2012].
10. Mejía de Gutiérrez G.A. Los pueblos pipil en los fuentes históricos dl timepo temprano de colonia // IV Congreso Linguístico, primer simposio "Pueblos indígenas de el Salvador y sus fronteras". Memorias. San Salvador, 1998. pp. 255-273.
11. Motolinia T.B., Historia de los indios de Nueva España // Coleccion de documntos para la historia de Mexico. 1971 (1855). T. I. pp. 1-251.
12. Oviedo y Valdez, G.F. de, Historia General y Natural de las Indias, las Islas y Tierra Firme del mar Océano. tt. I-IV. Madrid, 1851-55.
13. Relaciones historico-geograficos de la gobernacion de Yucatan. TT. I-II. Mexico, 1985.
14. Spinden, H.J. Notes on the Archaeology of Salvador // American Anthropologist. № 17(3). 1915. pp. 431-487.
15. Torquemada J. de. Veinte un libro y monarquia indiana. t. I-III. Mexico, 1969.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Baglaj V.E. Atsteki: istoriya, ehkonomika, sotsial'no-politicheskij stroj. M.: «Vostochnaya literatura» RAN, 1998. 432 s.
2. Gulyaev V.I. Arkheologiya TSentral'noj Ameriki. M.: Nauka, 1995. 165 s.
3. Popol'-Vukh. M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1959.
4. Amarolli P., The Earliest Pipil: New Perspectives on Toltec Presence in Southern Mesoamerica. 1989.
5. Coe M., The Maya. London, 2005.
6. Fowler, W. Ethnohistoric Sources on the Pipil-Nicarao of Central America: A Critical Analysis // Ethnohistory. Vol. 32. № 1. (Winter, 1985). pp. 37-62.
7. Fuentes-y-Guzman, F. A. Recordacion Florida. Discurso historial y demostracion natural material militar y politica del Reyno de Guatemala. tt. I-III. Guatemala, 1932.
8. Garcia y Palacio, D. Carta-relacion. Relacion y forma. Mexico, 1983.
9. Lenkersdorf G. // Revista Chaipas. Vol. 11. Meico, 2001. URL: <http://www.revistachiapas.org/No11/ch11lenkersdorf.html>. [Data obrashheniya: 02. 06. 2012].
10. Mejía de Gutiérrez G.A. Los pueblos pipil en los fuentes históricos dl timepo temprano de colonia // IV Congreso Linguístico, primer simposio "Pueblos indígenas de el Salvador y sus fronteras". Memorias. San Salvador, 1998. pp. 255-273.
11. Motolinia T.B., Historia de los indios de Nueva España // Soleccion de documntos para la historia de Mexico. 1971 (1855). T. I. pp. 1-251.
12. Oviedo y Valdez, G.F. de, Historia General y Natural de las Indias, las Islas y Tierra Firme del mar Océano. tt. I-IV. Madrid, 1851-55.
13. Relaciones historico-geograficos de la gobernacion de Yucatan. TT. I-II. Mexico, 1985.
14. Spinden, H.J. Notes on the Archaeology of Salvador // American Anthropologist. № 17(3). 1915. pp. 431-487.
15. Torquemada J. de. Veinte un libro y monarquia indiana. t. I-III. Mexico, 1969.

УДК 94(74/79)

*Латушко Ю.В.
Latushko Yu.V.*

Эволюция сложного общества на Гавайях (в доевропейский период)

Evolution of Hawaiian Complex Society (before the arrival of Europeans)

В статье рассматривается развитие сложной социальной организации гавайского общества в доисторический период. Анализируется среда обитания, специфика заселения архипелага, социальная структура и положение вождей в ней, а также хронология гавайских вожеств.

Ключевые слова: *политическая антропология, Гавайи, сложное общество, социальная структура*

The article deals with the development of a complex social organization of Hawaiian society in the prehistoric period. Natural and social environment, early settlement specific, the social structure and the position of leaders are analyzed. As well as the chronology of Hawaiian chiefdoms.

Key words: *political anthropology, Hawaii, complex society, social structure*

Среда обитания

Группа Гавайских островов расположена на севере центральной Пасифики. Обитаемая часть островов лежит чуть южнее тропика Рака. Это острова Ниихау, Кауаи, Оаху, Молокаи, Ланаи, Мауи, Кахулаве и Гавайи (19°с.ш., 155°з.д.) [40].

Гавайских островов около семнадцати тысяч квадратных километров. Самым крупным островом является о. Гавайи (свыше десяти тысяч кв. км). Все крупные острова имеют вулканическое происхождение и являются вершинами вулканического хребта. Высшая точка архипелага – потухший вулкан Мауна-Кеа на о. Гавайи (4205 м), там же находится и самый крупный действующий вулкан Мауна-Лоа (4170 м), активность сохраняют также вулканы Килауэа, Хуалалаи и Халеакала. Сейсмическая активность была и остаётся причиной частых цунами, которые, наряду с извержениями вулканов, представляют один из серьёзнейших природных катаклизмов на Гавайях.

Климат островов мягкий. Разница между зимними и летними температурами не превышает 4-8° по шкале Цельсия. Так, среднегодовая температура на побережье о. Оаху +23 °, однако в горах температуры низкие – на высоте более 1800 м нередко идёт снег. Количество атмосферных осадков на островах неодинаково и зависит от рельефа местности и господствующих ветров. Наибольшее их количество выпадает на

Латушко Юрий Викторович, к.и.н., старший научный сотрудник центра политической антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток). E-mail: latushko@mail.ru

обращённых к этим ветрам северных и северо-восточных склонах гор. Прибрежная линия в этих районах получает ежегодно 3000 – 6000 мм осадков, причём данное значение увеличивается в зависимости от вертикальной поясности. Вместе с тем, южные и западные подветренные склоны являются аридными зонами, где в год выпадает менее 300 миллиметров осадков. Такие контрасты накладывали отпечаток на хозяйственную деятельность человека. Стремительные горные реки прорезают наветренные склоны гор, образуя естественные плодородные долины. Именно в этих районах в период доистории сосредотачивалась основная масса населения архипелага, и именно они, являлись предметом ожесточённых конфликтов. Почвы крупных островов архипелага сформировались на вулканических породах [4, с. 443]. Хорошо развитый почвенный покров имеется только на одной десятой территории архипелага. Здесь широко распространены латериты, которые, несмотря на малое содержание гумуса в них (4-6%), всё-таки пригодны для возделывания батата и ямса. Более плодородны красные и особенно аллювиальные почвы, но таких на Гавайях меньшинство.

Удалённость архипелага как от Азии, так и от Америки обусловила сравнительно однообразную в видовом отношении флору и фауну. Единственное сухопутное млекопитающее (не считая завезённых человеком) – летучая мышь. Вместе с первыми поселенцами на Гавайи прибыли собаки, свиньи и крысы. Орнитофауна архипелага значительно богаче, но некоторые местные виды были рано истреблены человеком из-за своих перьев, шедших на изготовление перьевых накидок (*ахуула*) и головных уборов (*махиоле*) вождей.

В прибрежных водах обитают разные виды рыб, черепах, моллюсков и других морских животных. Однако Гавайи не имеют коралловых рифов, которые в остальных районах Полинезии выступали в качестве главных мест рыболовства. Отсутствие рифов значительно снижало продуктивность рыболовства, но первые поселенцы рано нашли выход из данной ситуации путём создания искусственных запруд на отмелях или в прибрежных зонах. По этноисторическим данным площадь таких заводей могла достигать 200 га [38]. Недалеко от берега огораживались также специальные участки для выпаривания соли. Со временем всё большую роль в жизни островитян стало играть земледелие мотыжного типа. Постепенно люди освоили не только прибрежные наветренные долины, но и горные районы, и засушливые подветренные зоны. На западных островах архипелага интенсивно развивалось ирригационное хозяйство.

Проиллюстрировать вышесказанное можно примером хозяйственного освоения разных экологических зон о. Молокаи. Площадь этого острова составляет 676 км², он состоит из трёх экологических районов: 1) северо-восточной зоны глубоких, расположенных амфитеатром, наветренных долин; 2) юго-восточной зоны подветренных горных отрогов с небольшими долинами и широкими рифовыми низменностями; 3) западной аридной зона [29, р. 215]. Раньше всего человек освоил прибрежные районы – долины Халава, Ваилау, Пелекуну и Ваиколу (зоны 1 и 2). В зоне 1 активно развивалось ирригационное хозяйство, главной сельскохозяйственной культурой здесь было таро (*Colocasia esculenta*). Зона 2 с её сравнительно небольшими долинами была менее пригодна для данного вида земледелия, но зато здесь располагались 73 искусственные рыбные запруды. Позднее всего была освоена зона 3. Основная часть населения сосредотачивалась в зонах 1 и 2. Зона 3 была безлюдным районом, так как почти не пригодна для ведения сельского хозяйства, но там сосредотачивались большие запасы скальной породы. В каменоломнях этой зоны добывалось сырьё, необходимое для изготовления каменных

тёсел и других орудий труда. Кроме того, эксплуатировались рыбные ресурсы её прибрежных районов.

Поиски прародины гавайцев стоят в тесной связи с проблемой колонизации всей восточной Полинезии. Ещё в 1823 г. преподобный Уильям Эллис в беседах с местными жителями пытался выяснить вопрос их происхождения: «Относительно происхождения своего народа среди местных жителей распространённым мнением является то, что первые жители были созданы на островах и являлись потомками богов, которые некогда здесь обитали; или же, что они пришли из страны, называемой ими Таити (по-гавайски *Kahiki* – Ю.Л.). Среди народа более распространённым и популярным является мнение, что их предки прибыли на каноз с Таити» [17, р. 323-324].

Сходное сообщение находим и у Дэвида Мало, который помимо прочего указывал на название одного из округов о. Мауи – *Кауки-нуи* [32, с. 6].

Последовательными сторонниками концепции колонизации Гавайев с Таити или других островов группы Общества были П. Бак [1], Э. Барроуз [10], К. Эмори [18] и др. В доказательство приводились данные лингвистики, фольклористики и физической антропологии [37]. В ходе лингвистических реконструкций использовался метод глоттохронологии. Выяснилось, что базовый гавайский словарь имеет 76% общих слов с таитянским (или на 24% различен), 71% – с новозеландским, 70% – со словарём Маркизских островов, 64% – с о. Пасхи. С более отдалёнными языками западной Полинезии, а именно Самоа и Тонга, гавайский язык имеет соответственно 59% и 49% общих базовых слов [16]. Дивергенцию словарей рассчитывали с опорой на археологические данные. В середине 1950-х гг. одним из самых древних датированных (по изотопу углерода) памятников на Гавайских островах считался дюнный памятник в Сауф Пойнт (Н 1, о. Гавайи) – 950 г. ± 200 лет [27].

Генеалогии гавайских вождей также указывали на Таити, как на возможную прародину гавайцев. Согласно им вождь по имени Моихеке был отвергнут женой, и переселился с Таити на Гавайи примерно в конце I – начале II тысячелетия нашей эры [5, с. 320]. В генеалогических преданиях гавайских вождей сохранилось имя жреца с Таити – *Паао*. Около 1275 г. он предпринял вояж на Гавайи, где застал картину «падения нравов» – местные вожди не чурались вступать в браки с женщинами из низших слоёв общества, что, по мнению Паао, сильно подрывало их репутацию. Традиция приписывает Паао введение таких краеугольных составляющих гавайской идеологической системы как: 1) человеческие жертвоприношения, 2) коронация вождей поясом из красных птичьих перьев (такой же обычай бытовал и на о. Раиатеа) и 3) новый тип святыщ *хеиау*.

В 1960-х гг. теория колонизации Гавайев с островов Общества подверглась критике. Её пересмотр был связан с утверждением новой концепции заселения Полинезии, предложенной Кеннетом Эмори и Йошико Синото [19], основанной на новых данных полинезийской археологии. На долгие годы этот сценарий стал господствующим, так что П. Кёрч назвал его «ортодоксальным» [28]. В его рамках утверждалось, что Гавайские острова заселялись в ходе не одной, а двух больших миграционных волн, причём таитянской волне (около 1200 г.) предшествовала волна маркизская (около 750 г.). В 1966 г. данные археологии были подкреплены лингвистической моделью Р. Грина [22]. Данный исследователь объяснял большой процент совпадений гавайского и таитянского языков поздними влияниями последнего. Теория Р. Грина стала естественным продолжением археологических находок, датировки которых на тот момент оказались самыми древними именно для Маркизских островов.

Первым острою критику подобного суждения высказал Биггс (1972) [цит. по 28, р. 19]. Он призвал не искать простых решений для сложной проблемы колонизации Полинезии. Любой упрощённый взгляд на заселение региона с последовательностью от А к В, от В к С, при которой движение осуществляется только в одном направлении, будет неверным. Вскоре появились и археологические доказательства. Ими стали материалы памятника Беллоуз (018), расположенного на о. Оаху и датированного примерно IV веком н.э. [27] Таким образом, лингвистические данные, взятые сами по себе, не могут с абсолютной точностью локализовать ранние языковые общности во времени и пространстве.

Кроме того в восточной Полинезии многие территории остаются археологической *terra incognita*. Сегодня лучшие в экологическом плане зоны Гавайских островов представляют собой полностью антропогенные ландшафты, занятые современным строительством. Археологи работают в маргинальных зонах, которые, скорее всего, не очень подходили и древнему населению. В других случаях, например, с островами Общества или южными Маркизами, многие территории обитания человека древности мало изучены, часть из них находится под водой и т.п. Существуют и технические проблемы, связанные с датировкой дюнных гавайских памятников по изотопам углерода (плохая сохранность и небольшое количество датируемого материала, диффузия слоёв, связанная с дюнной природой памятников, разброс и неточность датировок, порождённые несовершенством самого метода радиоуглеродного анализа и т.п.). По мнению П. Кёрча, выходом из подобной ситуации могло бы стать более широкое применение гидратационного метода датирования базальта, разработанного М. Моргенштайн (Гавайский институт геофизики) [27, р. 111-112].

Мы можем предполагать, что гавайские первопоселенцы обладали уже сравнительно развитой техникой мореплавания, что называется по факту прибытия. По мнению К. Эмори, организация строительства большого океанского каноэ и перехода за сотни морских миль были под силу лишь вождям. Только вожди могли распоряжаться ресурсами, необходимыми для строительства, снаряжения и навигации океанских судов, вмещавших на борт большое количество людей с их одомашненными растениями и животными, и доставить их на удалённые в географическом отношении Гавайи [18, с. 30].

Формированию стратифицированного общества на Гавайях могла способствовать специфика их освоения, которая во многом определялась местными экологическими условиями. Ещё М. Салинз отмечал, что так называемые «высокие» (вулканические) острова Полинезии отличались от «низких» (атоллов) более сложной социальной организацией. Установление двухуровневой иерархии на Гавайях произошло сравнительно рано.

Социальная структура

На низовом уровне социальной организации базовой единицей была община – *охана* (семья, родня, родственная группа) [33, р. 254]. Исторически гавайская «семья» была группой совместно живущих родственников, которые осознают своё родство по крови, браку или усыновлению и привязаны происхождением, рождением и чувствами к определённой местности (гавайское *аина*) [23, р. 174-175]. Этимологически слово *охана* восходит к глаголу отпочковываться, происходить от общего корня [23, р. 40].

Охана можно рассматривать как в широком, так и в узком смысле. В широком смысле это все те, кто осознаёт своё общее происхождение, причастность к определённой «малой родине». Все они «отпочкова-

лись» от одного ствола, все они родственники в самом широком смысле, и, вполне вероятно, когда-то имели общую предковую группу (не легендарную, а вполне реальную), являясь потомками семейств первых колонистов. По сути, и весь гавайский народ – одна семья. В узком же смысле *охана* – это семейная община жителей одного района (*ахупуаа*) большого округа (*моку*), или даже части района (или), чьё родство было опосредовано землёй и каждодневной совместной хозяйственной деятельностью. Они могли быть кровными родственниками, родственниками по адопции (крайне распространённой в Полинезии) или браку. В силу того, что гавайцам была свойственна дисперсная система расселения, члены одной *охана* могли проживать и не вместе. Её целостное функционирование обеспечивалось механизмом взаимопомощи.

Структурно большесемейная община подразделялась на отдельные *хале* – домохозяйства. В идеале отдельное *хале* занимало территорию одного или. В состав *хале* входили как родственники, так и зависимые люди *охуа*. Это сближает *хале* с большой патриархальной семьёй [7, с. 111]. В рамках *охана* существовала иерархия *хале*, построенная на принципе генеалогического старшинства. Глава старшего домохозяйства *хаку* председательствовал на советах *охана*, принимал гостей, руководил общественными работами, отправлял домашние культы и т.д.

В социально-экономическом плане община выступала в роли отдельной производственной единицы. «В ходе мероприятий, требовавших общественного труда, внутренние и прибрежные *охана* объединялись... Сбор налогов вождём в период взимания дани (сезон *макахики* – Ю.Л.) или для организации военной кампании или в честь своего первенца касался не отдельного индивида или домохозяйства, но всей *охана*» [23, р. 6]. Различные *охана* на протяжении времени создавали ткань гавайского общества. Их члены составляли население отдельных районов, ограниченных естественными преградами в виде гор и моря.

Ахупуаа выступал в роли первичной автономной административно-территориальной единицы, в рамках которой несколько семейных общин объединялись в общину территориальную.

Согласно распространённой среди исследователей (но не общепризнанной) точки зрения с последней четверти XIII в. миграции на Гавайи прекратились, и острова в течение последующих пятисот лет развивались как закрытая культурная система. Её стержнем стала традиционная система религиозных верований и представлений. В дошедшей до нас «песни творения» *Кумулипо* [39] рассказывается о развитии мира от тьмы к свету, от низших форм к высшим. Структура общества понималась как единое тело. Верховный вождь был головой, все прочие вожди – плечами и грудной клеткой. *Кахуна нуи* – верховный жрец – был правой рукой, а *калаимоку* – советник верховного вождя – левой. Воины считались правой ногой, а рыбаки и крестьяне – левой.

Общество делилось на две основные страты – вождей (*алии*) и общинников (*макаинана*). Особое положение занимала категория «неприкасаемых» (*каува*), которая, согласно представлениям гавайцев, не входила в структуру общества. И среди вождей и среди общинников счёт родства был билатеральным. Статус человека определялся в первую очередь генеалогическим старшинством, а не половозрастным. Другими словами, ребёнок из линии вождей более высокого ранга был «старше» старца из генеалогически менее знатной линии.

Все полинезийские общества отличались особым ранговым порядком их организации. В максимально стратифицированных из них главной задачей такого ранжирования было уже не выявление общественного статуса человека, а выявление иерархии между клановыми образованиями. Сегментное ранжирование для элиты являлось системо-

образующей характеристикой, тогда как для общинников – той, которой можно было пренебречь. Подтверждением этого факта служат длинные генеалогии вождей, в то время как генеалогии общинников насчитывали лишь два-три поколения.

По мере обособления вождей от общинников особое значение стали приобретать эндогамные браки [31, р. 409]. Ребёнок, рождённый от брака брата и сестры самых высоких рангов, получал ранг *ни'о*. Он мог отправлять самую высокую должность верховного вождя целого острова или большого округа. С этим рангом было связано *капу моэ*, «повергающее ниц табу». В присутствии этого человека-бога или его вещей все должны были падать на колени. Табу соблюдалось под страхом смертной казни.

Чуть ниже стоял вождь ранга *ниаупи'о*, рождённый от брака отца и дочери, племянника и тёти или племянницы и дяди того же или следующего по важности ранга.

Посты вождей районов занимали, как правило, алии рангов *наха* или *вохи*. Кроме того, они же отправляли почётные «придворные» должности, являлись управляющими (*конохики*) верховного вождя, на чьи плечи ложились основные обязанности по организации общественных работ (в частности, строительства и поддержания ирригационных сетей и храмов) или хранителями генеалогий, мифов и другого сакрального знания.

Вождь ранга *наха* был отпрыском сводных брата и сестры, но от одного из родителей первых двух рангов. Ранг *вохи* получал ребёнок от брака знатной женщины, обладавшей одним из первых трёх рангов, со своей кузенкой. С *вохи* и *наха* было связано *капу-о-нохо*, «сидячее табу»¹. В идеале пост вождя зависел от его ранга. На практике в ходе междоусобной борьбы к власти могли приходиться узурпаторы. Кстати, самые известные и легендарные из гавайских вождей – Уми и Камеамеа – обладали не самыми высокими рангами. Камеамеа, например, имел ранг *вохи*, что не давало ему формального права на занятие «поста» верховного вождя. Здесь ещё один аргумент в пользу того, что лидер-харизматик мог «не прогибаться» под «незыблемый» паттерн традиционного господства.

Ещё одной категорией гавайской знати было «официальное» жречество *кахуна пуле*, помимо которого на Гавайях было большое число колдунов низшего ранга (целители, прорицатели и прочие). К контактному периоду существовало две жреческих корпорации («ордена») – *Холоа'е* и *Каули'и* (Д. Мало приводит другие названия «орденов» – *Каналу* и *Палику*) [32, р. 80]. Орден Каналу был посвящён божеству войны Ку, а его жрецы считались потомками легендарного таитянского жреца Паао. Орден Палику был посвящён богу плодородия *Лоно*. Кроме наследственных жрецов к этому ордену принадлежали и другие *алии*.

Общая численность элиты со временем стала превосходить возможное число земельных наделов и должностей для вождей соответствующего ранга, поэтому многие алии, не унаследовавшие земли, получали религиозные должности, как это было в случае с объединителем архипелага Камеамеа I, который ещё юношей получил регалии хранителя бога Ку, но не унаследовал правления.

Традиционная религия отводила простым общинникам (*макаанинана*) роль младших родственников вождей. Термин «*така'аинапа*» можно перевести с гавайского приблизительно как *люди земли*. Общинники являлись основной производительной силой – земледельцами, рыбаками, ремесленниками. Между вождями и общинниками существовала

¹ Согласно гавайскому этикету, менее знатный человек в присутствии более знатного должен был сидеть. Для *алии* же двух последних рангов делалось своего рода исключение – они могли стоять в присутствии обладателей высших рангов.

цепь взаимных обязательств. Последние были обязаны поставлять продукты и отправлять службы в форме оброка и барщины. В обязанности *алии* входило обеспечивать сверхъестественное покровительство для *макааинана* против природных катаклизмов и ходатайствовать перед богами, чтобы те посылали обильные урожаи. Поземельная и личная зависимость общинников от элиты была условной и основывалась на традиции. В её рамках они имели право ухода на земли другого вождя, если их собственный лидер не обеспечивал им протекцию со стороны высших сил. На практике это означало, что цепь неурожаев могла стоять вождю его власти. Он оставался без своих сторонников.

По описаниям члена экспедиции М.Н. Васильева – Р.П. Бойля, согласно данным местных информаторов, в старину *макааинана* должны были работать на вождей один день в неделю, плюс к этому каждое домохозяйство дарило вождю ежегодно пять циновок, кусок тапы (материи из отбитого луба), свинью и собаку. Здесь же находим противоречие – по словам М.Н. Васильева, в древности «фиксированных поборов и повинностей не существовало» (РГАВМФ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 104. Л. 35). По приходу к власти верховный вождь «наделял» нижестоящих вождей землями. На практике он лишь подтверждал веками существовавшие поземельные отношения.

Самым спорным и загадочным слоем гавайского общества были *каува*. Они не состояли в родстве ни с общинниками, ни с вождями и были как бы вне системы социальных классов («неприкасаемыми»). Вместе с тем, М. Пукуи [33, р. 29] называет их термином «аумакуа» (что переводится с гавайского как «семейное божество»). Символически они относились к категории полубогов. Во всяком случае, *каува* убивали путём утопления – или в пресном источнике или в океане – и приносили в жертву в ходе ритуала *луакини*, посвящённого богу *Ку*. Этот ритуал символизировал установление власти вождя. Таким образом, *каува* с точки зрения высшей власти были людьми, чьё назначение состояло в том, чтобы стать сакральной жертвой.

Идеология: концепция мана-табу

Сфера табу (*капу*) мыслилась сферой позитивных религиозных запретов, приводившей в сбалансированное положение миропорядок, вмещающий в себя безличную космическую силу – мана, средоточием которой в неодинаковой степени были как люди, так и предметы.

Табу – запрет, и по определению это понятие должно носить негативную окраску, но это не так. Проиллюстрировать это положение можно примером того, как гавайцы понимали «святость» и «нечистоту». Простолюдин, совершивший инцест со своей сестрой, становился для всех *капу*. Его присутствие считалось крайне негативным для всего общества, и так как он не мог быть «очищен», его лишали жизни. И наоборот, вождю высокого ранга предписывалось вступать в отношения со своими единоутробными сёстрами, в силу чего их ребёнок становился в высшей степени священным и неприкосновенным человеком. Нечистота простолюдина и священность подобного вождя имели один источник, и оба они являлись *капу* с различными санкциями – первого должно было убить, второго избегать, чтобы не быть убитым. Аналогичный порядок касался как людей, так и вещей. По мысли А. Рэдклиффа-Брауна [6] ритуальные значимости всегда связаны со значимостями социальными – в широком смысле они составляют сферу морального, эстетического или экономического поведения людей, при котором одни и те же ритуальные процедуры зачастую имеют различные смыслы.

Согласно легендам, табу как система всеобъемлющего социального контроля оформилась на рубеже XIII–XIV вв., что совпадает по време-

ни с началом формирования на Гавайях сложных вождеств. Вероятно, после завершения второй большой волны миграций она получает тот классический вид, который стал известен европейским первооткрывателям. Система табу делилась на две части. *Капу алии* было прерогативой рождения знати, оно обособляло вождей от остального общества, тогда как система *капу богов* фундировала любую общественную деятельность [9].

Система *капу* отражалась также в почитании четырёх главных (старших) мужских божеств – *Ку*, *Лоно*, *Кане* и *Каналоа*. Культ *Каналоа* (*Тангароа*) известен во всей Полинезии, тогда как первые три отправлялись только в Восточной Полинезии. Оппозиции богов были таковы: *Каналоа* (божество тьмы) – *Кане* (божество света, грома и молний), *Ку* (божество войны) – *Лоно* (божество мира, земледелия, плодородия). В полинезийской мифологии бог *Каналоа* (*Тагалоа*, *Таароа* и др.) – бог-творец, бог морской стихии, но на Гавайях он выступал в другой ипостаси, а именно, как хтоническое божество [5, с. 318]. Божество *Лоно* почиталось всеми слоями общества, но больше среди общинников, тогда как *Ку* был богом вождей. Следует сразу отметить, что, как и во многих других архаичных религиозных системах, ипостаси и функции гавайских божеств переплетались. Так, бог *Ку*, с одной стороны, был богом войны и разрушения, а с другой стороны почитался как великий архитектор и строитель.

Каждому божеству полагался свой набор жертвоприношений. Свинья была сакральным подношением и являлась пищей мужчин на пиру, а также символом *Лоно* в образе *Камапуа'а*. Кокос называли «телом» *Ку*. Рыба *улуа* (молодая щука) выступала в роли эквивалента человеческого жертвоприношения *Ку* при строительстве и освящении большого храма. *Нуухи* (белая акула) была, вероятно, проявлением бога *Кане* как *Канехунамоку*, и символом верховного вождя. Рыба *куму* (рыба-козёл) использовалась в качестве сакрального подношения в различных ритуалах [23, p. 177].

Табу в семье выражались в ранговых отличиях между родственниками и зависели от пола и возраста. Эти запреты известны как «кожаное табу» (*или капу*) [23, p. 48]. Например, женщинам запрещалось носить любую одежду, которую ранее надевал мужчина. Различия между поколениями выражались в табу, согласно которым родственники одного пола, но разных поколений не могли одеваться в одинаковые одежды. Матерям и дочерям запрещалось носить матерью одинаковой выделки. Только близкие родственники одного поколения могли носить сходную одежду, к ним относились братья, двоюродные братья или сёстры и двоюродные сёстры.

За нарушение любого из этих табу и другие преступления общинники наказывались у «камня *Кане*» (*похаку-о-Кане*), который принадлежал тому или иному семейству общинников. Термин «похаку» имеет кроме указанного значения (камень) ещё одно – «бог-хозяин». Перед этим камнем простой конической формы располагался алтарь, а вокруг него – насаждения дерева *ти* (*Cordyline terminalis*). Семья приходила к нему рано утром, приносила с собой подношения богам – свинью, рыбу *куму*, *каву* (напиток) и *тапу* (материю). После этого молящий о прощении человек публично каялся за свой проступок. Затем вышивалась *кава* и поедалась ритуальная пища. Остатки пищи тщательно погребались напротив камня, и семья уходила обратно другой дорогой [26, p. 32].

Однако в случае преступлений против вождей табу были строже, а наказание зачастую более суровым. Например, если открывалось, что общинник надевал *мало* (набедренную повязку) вождя, то его приносили в жертву богу-покровителю последнего. Если то же самое проделыв-

вал *алии* низшего ранга в отношении знатного *алии*, то существовала вероятность, что и он будет принесён в жертву [24, р. 23], но чаще всего нарушитель просто порицался. *Макааинана* могли искать спасения от наказания, бежав в *пу'ухонуа* («град спасения»), которые существовали во всех больших округах.

Социальная организация: специфика

Кратко остановимся на двух типологиях полинезийских обществ (М. Салинза [35] и И. Голдмана [21]). Несмотря на отличия, эти типологии в главном не противоречат друг другу.

За основу типологии М. Салинз взял уровень стратификации общества. Согласно отстаиваемой им концепции общей и специфической эволюции [36], М. Салинз считал вариативность полинезийских культур проявлением специфической эволюции, которая рассматривалась им как филогенетическая трансформация культурных форм в результате адаптации к естественной (суперорганической) среде [34, р. 291-301]. Он выделял следующие группы полинезийских обществ:

1. Максимально стратифицированные (Тонга, Гавайи и др.);
2. Минимально стратифицированные (Токелау, Пукапука);
3. Переходные общества (Мангаиа, о. Пасхи и др.).

И. Голдман исходил из гипотезы о существовании острой борьбы за статус и ранг среди вождей [20, 21]. Положение и объём управленческих функций вождей зависел от соотношения приобретённого личными заслугами или наследуемого статуса. Таким образом, функции по управлению могли быть поделены поровну на основе статусного родства между коллективом и отдельными лидерами, либо вовсе сосредотачиваться на уровне совета старейшин. И. Голдман также выделял три группы полинезийских обществ:

1. Традиционные общества (Новая Зеландия, Тонгарева и др.);

2. Открытые общества (Мангаиа, Пасхи, Ниуэ, Ротума и др.). По сравнению с традиционными обществами, удельный вес личных заслуг в приобретении власти здесь был выше. Наследственные вожди сохраняли свой сакральный статус, однако очень часто реальная власть и право перераспределения материальных ресурсов могло сосредотачиваться в руках удачливых военачальников из числа лидеров территориальных общин.

3. Стратифицированные общества (Тонга, Таити, Гавайи). Здесь ранговая система была наиболее детализированной и играла дифференцирующую роль, четко разделяя общество на правящие и подчиненные сегменты. К моменту первых контактов с европейцами здесь оформились сложные вожества с крайне жесткой иерархией.

Н.А. Бутинов предлагал условно выделять два основных типа «родоплеменной организации» у полинезийцев – «тонганский» и «ирокезский» [3]. В первом случае общественная иерархия основывалась на вертикальных связях, а родовые горизонтальные связи были ослаблены. Во втором случае социальная структура определялась характером в основном горизонтальных взаимодействий по линии отдельных родовых сегментов коллектива (советов домохозяйств, общинных старейшин). На таких советах выбирали вожда, решали хозяйственные вопросы, вопросы отправления культа, войны и мира и т.п. То, что Н.А. Бутинов называл «тонганским» и «ирокезским» типами племени фактически было двумя основными путями интеграции семейно-родственной организации в политические формы. М. Салинз подчеркивал два основных типа десцентных объединений на вулканических островах Полинезии, которые «равным образом интегрируются в политические институты различной формы» [34, р. 299] – рэмиджей и «усечённых десцентных линий». Рэ-

мидж¹ представляет собой внутренне ранжированную (по первородству) десцентную группу², причём важнейшей характеристикой рэмиджа является его экстерриториальность. Сегменты рэмиджа (отдельные домохозяйства) могут образовывать различные рекомбинации в зависимости от экологических или экономических факторов. Таким образом, один или несколько максимальных рэмиджей могут становиться готовой формой для образования самостоятельной политической единицы [11, с. 91]. Со временем линидж правителя экономически и идеологически обособлялся. Ранговая иерархия принимала подобие бюрократического аппарата, где верховный вождь оказывался на его вершине, а главы сегментов максимального рэмиджа становились правителями «на местах». Так из родственных объединений вырастали объединения политические.

Динамика потестарно-политического развития доконтактных Гавайев

Археологические данные сегодня позволяют смоделировать этапы роста и усложнения гавайского общества. Первые насельники появились здесь не позднее середины I тыс. н.э. Сначала люди селились на наиболее плодородных землях речных долин. Границами владений были естественные преграды в виде гор и моря. Численность первых колонистов едва ли превышала несколько сотен человек [15, р. 78]. Огромное значение для них имел рыбный промысел. Прибрежные общины, специализировавшиеся на рыбной ловле, строили «рыбные храмы» (коа). Кроме того, рыба служила одним из важных предметов обмена между внутренними и прибрежными районами. Земледелие развивалось на плодородных аллювиальных почвах долин. Основными культурами были традиционные для Полинезии ямс, батат и таро.

Вероятно, около 800 г. н.э. произошёл один из первых скачков численности населения, когда оно стало исчисляться не сотнями, а тысячами человек. В это время возникают первые простые вождества. По мере хозяйственного освоения прибрежных долин, кардинально изменялась среда обитания древних гавайцев. В результате человек стал осваивать и другие экологические зоны – сначала засушливые наветренные берега, а потом и внутренние лесные районы *маука*.

Следующий скачок численности населения пришёлся примерно на 1200–1400 гг. Возможно это было связано со второй большой волной колонистов. Стремительный рост численности населения в XIII–XIV вв. [13] проходил параллельно с изменениями в хозяйственной и социальной структуре. Вырубка лесов под сельскохозяйственные угодья усиливала эрозию почв, благодаря чему ценность прибрежных долин с их плодородными аллювиальными почвами стремительно возрастала.

Усложнение социальной организации происходило в условиях острой конкуренции семейных групп за ресурсы. Возросшая роль вождей, как организаторов хозяйственной жизни населения, приводила к увеличению их удельного веса в обществе. Т. Эрл [14] называл этот этап гавайской доистории «формативным периодом» в образовании сложных иерархических структур общества, в результате чего впоследствии возникло единое Гавайское королевство.

Совершенствование сельскохозяйственной техники (внедрение удобрений, прополка полей, строительство дамб) позволяло вождям сосредотачивать в своих руках большие излишки, которые укрепляли их

¹ В работах советских авторов рэмиджевые структуры часто называли «сегментированными семейными общинами». См., например, Тумаркин Д.Д. Гавайский народ и американские колонизаторы. М.: Наука, 1971. С. 10.

² Родственную группу, члены которой прослеживают свое родство по определенным линиям – отцовской, материнской, либо по обеим сразу.

власть и давали им средства для дальнейшего расширения её объёма. К концу формативного периода вождества повели между собой борьбу за расширение своих владений.

С рубежа XIV–XV вв. и до конца XV столетия шло формирование региональных политий, вышедших за пределы локальных территориальных образований («период консолидации»). В это время под власть верховных вождей попадают территории, объединявшие большое число прибрежных и внутренних долин. Численность населения таких образований начинает исчисляться десятками тысяч человек [25]. Борьба между вождями за новые территории становилась непримиримой, о чём свидетельствует факт появления на границах соседних политий – в районах беспрестанных вооружённых стычек и войн – буферных зон без поселений [12].

Важным археологическим индикатором усложнения социальной организации доконтактных Гавайев служит монументальная архитектура. Примерно с рубежа XIV–XV вв. на всех крупных островах архипелага начинают воздвигаться крупные храмовые комплексы – *хеиау луакини*.

В. Валери [41], проанализировав этноисторические данные, установил, что гавайцы использовали частично совпадающие между собой в функциональном и архитектурном планах системы классификации *хеиау*, следствием чего было существование всевозможных запутанных местных терминов. Он предложил условно разделять гавайские храмы на две категории: те, что связаны с войной, или *хеиау Каа* и те, что использовались для обрядов «производства роста» или плодородия – *хеиау хо'оулуулу*. Первые считались величественными храмами *луакини* и служили нуждам вождей. В них приносились человеческие жертвы. Храмы плодородия (*Хале-о-Лоно*) были посвящены богу *Лоно* – покровителю земледелия. К числу храмов, которые использовались как общинниками, так и вождями, относились также храмы рыболовства и храмы домохозяйств, располагавшиеся по соседству с мужскими домами (*хале муа*).

Хронология развития гавайской храмовой архитектуры остаётся археологически не очень хорошо изученной, устные же предания связывали возникновение *хеиау луакини* с деятельностью верховных вождей на протяжении последних пятисот лет доистории. Такие храмы как *Алеалеа* на о. Гавайи и *Канеани* на о. Оаху – имели сравнительно сложную конструкцию, что свидетельствует о частой перестройке храмов и их расширении в преконтактный и раннеконтактный периоды. Можно сказать, что дифференциация *хеиау* по функциям, типам, размерам проходила в период примерно с 1400 по 1800 гг., что совпадает по времени с завершением процесса формирования сложных вождеств и началом перехода к государственности.

Само появление храмов *луакини* отражало новую общественную роль вождей. Данные храмы должны были явить всему обществу силу и величие верховного вождя. Вместе с тем они выступали не только символами его побед, но и в роли наглядных символов величия общества в целом. Верховный вождь становился знаковой персоной, символом единства всей земли, находившейся под его непосредственной властью.

Для создания такого храма требовались значительные усилия. Так, объём каменной насыпи самого крупного храма *луакини* на о. Молокаи – *Илиили онаэ* – составляет 15750 м³ [29, р. 216]. По подсчётам М. Колба, для создания самого большого *хеиау луакини* на о. Мауи – *Пиу-ланихале* (с объёмом каменной насыпи около 18000 м³) – потребовалось около 130 тысяч человекодней (при расчётной продолжительности рабочего дня в 10 часов) [30]. Гавайские храмы сильно варьировались по форме, размеру и другим характеристикам [2, с. 391].

Пространственное распределение и типология храмов отражают территориальную и общественную иерархию Гавайев. Самые крупные храмы, посвящённые богу войны Ку, указывают на административные центры, в которых проживали верховные вожди. Хале-о-Лоно часто были связаны с вождями низших уровней – алии-аи-ахупуа. Меньшие по размеру сельскохозяйственные храмы могут служить индикаторами пространственного распределения домохозяйств общинников и указывают на самый низший территориальный уровень.

Максимальной численности населения Гавайи достигли примерно к концу XV в. (по разным оценкам от 160 до 800 тысяч человек) [13]. Наиболее приемлема цифра в 250–300 тысяч человек. Если учесть, что площадь пригодных для ведения сельского хозяйства районов, в которых сосредотачивалась основная масса населения, составляла лишь 10–20% от общей площади архипелага, то мы получим впечатляющую цифру плотности населения (порядка 90–180 человек на км²) [8, p. 267].

Следующим этапом в развитии гавайских вожеств было их оформление в масштабах островов («период унификации» XVI – сер. XVII вв.). В это время начинается широкомасштабное строительство ирригационной сети, тогда как темпы строительства крупных храмов *луакини* замедляются. К концу периода унификации образовались четыре враждующие между собой политии островов Мауи, Оаху, Гавайи и Кауаи. Власть верховных правителей Мауи, Оаху и Кауаи распространялась на ряд соседних островов. В таком виде гавайское общество подошло к контакту с Западом.

Заключение

Вожди играли особую роль в жизни гавайского общества как организаторы хозяйственной и ритуальной жизни. В ходе конкуренции за статус и контроль над ресурсами возник механизм аккумуляции прибавочного продукта с последующей его инвестицией в развитие традиционной политэкономии. К контакту с европейцами на Гавайях существовало четыре сложных вожества, каждое из которых насчитывало от 10 до 100 тысяч человек. Эти вожества включали в себя, как минимум, три иерархических уровня. Гавайская элита подразделялась на два основных статусных уровня – высших и низших вождей (с соответствующими брачными, ритуальными и экономическими паттернами). Браки высших вождей (верховного правителя и его ближайших родственников) были по большей части эндогамными, что обуславливалось стремлением обладать как можно более высоким рангом, легитимирующим правление, однако политическая реальность часто требовала заключения браков с вождями низших рангов (из необходимости создания и поддержания тех или иных альянсов). Общинники стояли вне политической иерархии. В раннеконтактный период, в ходе восстаний или военных действий, границы вожеств постоянно менялись. Подобные вожества могли занимать территорию от одного округа *моку* (Кау и западная часть Пуны на о. Гавайи при *Кеоуа Куахуула* в 1782–1790 гг.) до пяти островов *нуи* (вожество Мауи при *Кахекили*, включавшее о-ва Молокаи, Ланаи, Кахулаве, Оаху и большую часть о. Мауи в 1783–1794 гг.). Хрупкий внутренний баланс сил был нарушен с появлением критических военных технологий европейцев в руках Камеамеа. С этого момента началась другая страница истории гавайского общества.

Литература

1. Бак, П. (Те Ранги Хироа) Мореплаватели солнечного восхода / П. Бак. М.: Издательство географической литературы, 1959. 268 с.
2. Беллвуд, П. Покорение человеком Тихого океана. М.: Наука, 1986. 552 с.
3. Бутинов, Н.А. Социальная организация полинезийцев / Н.А. Бутинов. М.: Наука, 1985. 224 с.
4. Кук, Дж. Третье плавание капитана Джемса Кука. Плавание в Тихом океане в 1776-1780 гг. / Дж Кук. М.: Наука, 1971. 480 с.
5. Мифы народов мира / Отв. ред. С.А. Токарев. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1988. С. 132-134, 318-322.
6. Рэдклифф-Браун, А.Р. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции / А.Р. Рэдклифф-Браун. М.: Восточная литература, 2001. 304 с.
7. Тумаркин, Д.Д. К вопросу о формах семьи у гавайцев в к. XVIII н. XIX века / Д.Д. Тумаркин // Советская этнография. 1954. № 4. С. 106-116.
8. Bakel, M.A. van The Political Economy of an Early State: Hawaii and Samoa Compared / M.A. van Bakel // Claessen H.J.M., Van de Velde P. (Eds.) Early State Economics. New Brunswick and London: Transaction Publishers, 1991. 265-290 p.
9. Barrere, D.B. Cosmogonic Genealogies of Hawaii / D.B. Barrere // Journal of the Polynesian Society. 1961. Vol. 70. № 4. P. 419-428.
10. Burrows, E.G. Breed and Border in Polynesia / E.G. Burrows // American Anthropologist. 1939. Vol. 41. № 1. P. 1-21.
11. Cordy, R.H. Complex rank cultural systems in Hawaiian Islands: suggested explanations for their origin / R.H. Cordy // Archeology and Physical Anthropology in Oceania. 1974. Vol. IX. № 2. P. 89-107.
12. Cordy, R.H. A Study Prehistoric Social Change: the Development of Complex Societies in the Hawaiian Islands / R.H. Cordy. New York: Academic Press, 1981. 360 p.
13. Dye, T., Komori E. A Pre-censal Population History of Hawaii / T. Dye, E. Komori // New Zealand Journal of Archaeology. 1992. Vol. 14. P. 113-128.
14. Earle, T.K. How chiefs come to power: The Political Economy in Prehistory / T.K. Earle. Stanford (Cal.): Stanford University Press, 1997. 220 p.
15. Earle, T.K. Hawaiian Islands (AD 800-1824) / T.K. Earle // D.M. Bondarenko, A.V. Korotaev (eds.) Civilizational Models of Politogenesis. Moscow: Center for Civilizational and Regional Studies of the Russian Academy of Sciences, 2000. P. 73-86.
16. Elbert, S.H. Internal Relationships of Polynesian Languages and Dialects / S.H. Elbert // Southwestern Journal of Anthropology. 1953. Vol. 9. P. 147-173.
17. Ellis, W. A Narrative of a Tour Through Hawaii or Owhyhee / W. Ellis. Honolulu: Advertiser Publishing Co., 1963. 490 p.
18. Emory, K.P. Origin of the Hawaiians / K.P. Emory // Journal of the Polynesian Society. 1959. Vol. 68. № 1. P. 29-35.
19. Emory K.P. and Sinoto Y.H. Age of sites in the South Point Area, Ka'u, Hawaii // Pacific Anthropological Records 8. Honolulu, 1969.
20. Goldman, I. Cultural evolution in Polynesia: a reply to criticism / I. Goldman // Journal of the Polynesian Society. 1957. Vol. 66. № 2. P. 156-165.
21. Goldman, I. Ancient Polynesian Society / I. Goldman. Chicago: University of Chicago Press, 1970. 612 p.
22. Green, R. Linguistic Subgrouping within Polynesia: the Implication for Prehistoric Settlement / R. Green // Journal of the Polynesian Society. 1966. -Vol. 75. № 1. P. 6-38.
23. Handy, E.S.C. The Hawaiian Family System in Ka-u, Hawaii / E.S.C. Handy, M.K. Pukui. Wellington, N.Z.: The Polynesian Society, 1958. 206 p.
24. Ii, J.P. Fragments of Hawaiian history. As recorded by John Papa Ii / J.P. Ii. Honolulu: Bishop Museum Press, 1959. 200 p.

25. Johnson, A.W. *The evolution of Human Society: from Foraging Group to Agrarian State* / A.W. Johnson, T.K. Earle. Stanford (Cal.): Stanford University Press, 1987. 387 p.
26. Kamakau, S.M. *Ruling chiefs of Hawaii* / S.M. Kamakau. Honolulu: Kamehameha School Press, 1961. 440 P.
27. Kirch, P.V. *The Chronology of early Hawaiian Settlement* / P.V. Kirch // *Archeology and Physical Anthropology in Oceania*. 1974. Vol. IX. № 2. P. 110-119.
28. Kirch, P.V. *Rethinking East Polynesian Prehistory* / P.V. Kirch // *Journal of the Polynesian Society*. 1986. Vol. 95. № 1. P. 9-40.
29. Kirch, P.V. *Monumental architecture and power in Polynesian chiefdoms: a comparison of Tonga and Hawaii* / P.V. Kirch // *World Archeology*. 1990. Vol. 22. № 2. P. 206-221.
30. Kolb, M.J. *Monumentality and the Rise of Religious Authority in Precontact Hawai'i* / M.J. Kolb // *Current Anthropology*. 1994. Vol. 35 P. 521-547.
31. Levin, S.S. *The Overthrow of The Kapu System in Hawaii* / S.S. Levin // *Journal of the Polynesian Society*. 1968. Vol.77. № 4. P. 402-430.
32. Malo, D. *Hawaiian Antiquities* / D. Malo. Bishop Museum Special Publication 2. Honolulu: Bishop Museum Press, 1951. 240 p.
33. Pukui, M.K. and Elbert, S.H. *Hawaiian-English Dictionary* / M.K. Pukui, S.H. Elbert. Honolulu: University of Hawaii Press, 1961. 361 p.
34. Sahlins, M.D. *Differentiation by Adaptation in Polynesian Societies* / M.D. Sahlins // *Journal of the Polynesian Society*. 1957. Vol. 66. № 3. P. 291-301.
35. Sahlins, M.D. *Social Stratification in Polynesia* / M.D. Sahlins. Seattle: University of Washington Press, 1958. 306 p.
36. Sahlins, M.D. *Evolution: Specific and General* / M.D. Sahlins // Ed. by M.D. Sahlins, E.R. Service. *Evolution and Culture*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 1960. P. 12-44.
37. Simmons, R.T. *A Blood Group Genetical Survey of Eastern and Central Polynesia* / R.T. Simmons, J.J. Graydon // *American Journal of Physical Anthropology*. 1957. Vol. 15. P. 357-366.
38. Titcomb, M. *Native use of fish in Hawaii* / M. Titcomb, M.K. Pukui // *Journal of the Polynesian Society*. 1951. Vol. 60. № 2-3. P. 1-57.
39. *The Kumulipo (He Kumulipo no ka I-i-mamao a i Alapai-wahine)* / Ed. by Beckwith M.W. Chicago: Chicago University Press, 1951.
40. *The Making of America: Hawaii* / W.E. Garret (ed.) *National Geographic Magazine*. Washington: National Geographic Society, 1983.
41. Valeri, V. *Kingship and Sacrifice: Ritual and Society in Ancient Hawai'i* / V. Valeri. Chicago: University of Chicago Press, 1985. 446 p.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Bak, P. (Te Rangi KHiroa) *Moreplavатели solnechnogo voskhoda* / P. Bak. M.: Izdatel'stvo geograficheskoy literatury, 1959. 268 s.
2. Bellvud, P. *Pokorenie chelovekom Tikhogo okeana*. M.: Nauka, 1986. 552 s.
3. Butinov, N.A. *Sotsial'naya organizatsiya polinezijtsev* / N.A. Butinov. M.: Nauka, 1985. 224 s.
4. Kuk, Dzh. *Tret'e plavanie kapitana Dzhemsa Kuka. Plavanie v Tikhom okeane v 1776-1780 gg.* / Dzh Kuk. M.: Nauka, 1971. 480 s.
5. *Mify narodov mira* / Otv. red. S.A. Tokarev. T. 2. M.: Sovetskaya ehntsiklopediya, 1988. S. 132-134, 318-322.
6. Rehdkliff-Braun, A.R. *Struktura i funktsiya v primitivnom obshhestve. Ocherki i lektsii* / A.R. Rehdkliff-Braun. M.: Vostochnaya literatura, 2001. 304 s.
7. Tumarkin, D.D. *K voprosu o formakh sem'i u gavajtsev v k. XVIII n. XIX veka* / D.D. Tumarkin // *Sovetskaya ehntografiya*. 1954. № 4. S. 106-116.

8. Bakel, M.A. van *The Political Economy of an Early State: Hawaii and Samoa Compared* / M.A. van Bakel // Claessen H.J.M., Van de Velde P. (Eds.) *Early State Economics*. New Brunswick and London: Transaction Publishers, 1991. 265-290 p.
9. Barrere, D.B. *Cosmogonic Genealogies of Hawaii* / D.B. Barrere // *Journal of the Polynesian Society*. 1961. Vol. 70. № 4. P. 419-428.
10. Burrows, E.G. *Breed and Border in Polynesia* / E.G. Burrows // *American Anthropologist*. 1939. Vol. 41. № 1. P. 1-21.
11. Cordy, R.H. *Complex rank cultural systems in Hawaiian Islands: suggested explanations for their origin* / R.H. Cordy // *Archeology and Physical Anthropology in Oceania*. 1974. Vol. IX. № 2. P. 89-107.
12. Cordy, R.H. *A Study Prehistoric Social Change: the Development of Complex Societies in the Hawaiian Islands* / R.H. Cordy. New York: Academic Press, 1981. 360 p.
13. Dye, T., Komori E. *A Pre-censal Population History of Hawaii* / T. Dye, E. Komori // *New Zealand Journal of Archaeology*. 1992. Vol. 14. P. 113-128.
14. Earle, T.K. *How chiefs come to power: The Political Economy in Prehistory* / T.K. Earle. Stanford (Cal.): Stanford University Press, 1997. 220 p.
15. Earle, T.K. *Hawaiian Islands (AD 800-1824)* / T.K. Earle // D.M. Bondarenko, A.V. Korotaev (eds.) *Civilizational Models of Politogenesis*. Moscow: Center for Civilizational and Regional Studies of the Russian Academy of Sciences, 2000. P. 73-86.
16. Elbert, S.H. *Internal Relationships of Polynesian Languages and Dialects* / S.H. Elbert // *Southwestern Journal of Anthropology*. 1953. Vol. 9. P. 147-173.
17. Ellis, W. *A Narrative of a Tour Through Hawaii or Owhyhee* / W. Ellis. Honolulu: Advertiser Publishing Co., 1963. 490 p.
18. Emory, K.P. *Origin of the Hawaiians* / K.P. Emory // *Journal of the Polynesian Society*. 1959. Vol. 68. № 1. P. 29-35.
19. Emory K.P. and Sinoto Y.H. *Age of sites in the South Point Area, Ka'u, Hawaii* // *Pacific Anthropological Records* 8. Honolulu, 1969.
20. Goldman, I. *Cultural evolution in Polynesia: a reply to criticism* / I. Goldman // *Journal of the Polynesian Society*. 1957. Vol. 66. № 2. P. 156-165.
21. Goldman, I. *Ancient Polynesian Society* / I. Goldman. Chicago: University of Chicago Press, 1970. 612 p.
22. Green, R. *Linguistic Subgrouping within Polynesia: the Implication for Prehistoric Settlement* / R. Green // *Journal of the Polynesian Society*. 1966. -Vol. 75. № 1. P. 6-38.
23. Handy, E.S.C. *The Hawaiian Family System in Ka-u, Hawaii* / E.S.C. Handy, M.K. Pukui. Wellington, N.Z.: The Polynesian Society, 1958. 206 p.
24. Ii, J.P. *Fragments of Hawaiian history. As recorded by John Papa Ii* / J.P. Ii. Honolulu: Bishop Museum Press, 1959. 200 p.
25. Johnson, A.W. *The evolution of Human Society: from Foraging Group to Agrarian State* / A.W. Johnson, T.K. Earle. Stanford (Cal.): Stanford University Press, 1987. 387 p.
26. Kamakau, S.M. *Ruling chiefs of Hawaii* / S.M. Kamakau. Honolulu: Kamehameha School Press, 1961. 440 P.
27. Kirch, P.V. *The Chronology of early Hawaiian Settlement* / P.V. Kirch // *Archeology and Physical Anthropology in Oceania*. 1974. Vol. IX. № 2. P. 110-119.
28. Kirch, P.V. *Rethinking East Polynesian Prehistory* / P.V. Kirch // *Journal of the Polynesian Society*. 1986. Vol. 95. № 1. P. 9-40.
29. Kirch, P.V. *Monumental architecture and power in Polynesian chiefdoms: a comparison of Tonga and Hawaii* / P.V. Kirch // *World Archeology*. 1990. Vol. 22. № 2. P. 206-221.
30. Kolb, M.J. *Monumentality and the Rise of Religious Authority in Precontact Hawai'i* / M.J. Kolb // *Current Anthropology*. 1994. Vol. 35 P. 521-547.
31. Levin, S.S. *The Overthrow of The Kapu System in Hawaii* / S.S. Levin // *Journal of the Polynesian Society*. 1968. Vol.77. № 4. P. 402-430.

32. Malo, D. *Hawaiian Antiquities* / D. Malo. Bishop Museum Special Publication 2. Honolulu: Bishop Museum Press, 1951. 240 p.
33. Pukui, M.K. and Elbert, S.H. *Hawaiian-English Dictionary* / M.K. Pukui, S.H. Elbert. Honolulu: University of Hawaii Press, 1961. 361 p.
34. Sahlins, M.D. Differentiation by Adaptation in Polynesian Societies / M.D. Sahlins // *Journal of the Polynesian Society*. 1957. Vol. 66. № 3. P. 291-301.
35. Sahlins, M.D. *Social Stratification in Polynesia* / M.D. Sahlins. Seattle: University of Washington Press, 1958. 306 p.
36. Sahlins, M.D. *Evolution: Specific and General* / M.D. Sahlins // Ed. by M.D. Sahlins, E.R. Service. *Evolution and Culture*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 1960. P. 12-44.
37. Simmons, R.T. A Blood Group Genetical Survey of Eastern and Central Polynesia / R.T. Simmons, J.J. Graydon // *American Journal of Physical Anthropology*. 1957. Vol. 15. P. 357-366.
38. Titcomb, M. Native use of fish in Hawaii / M. Titcomb, M.K. Pukui // *Journal of the Polynesian Society*. 1951. Vol. 60. № 2-3. P. 1-57.
39. *The Kumulipo (He Kumulipo no ka I-i-mamao a i Alapai-wahine)* / Ed. by Beckwith M.W. Chicago: Chicago University Press, 1951.
40. *The Making of America: Hawaii* / W.E. Garret (ed.) *National Geographic Magazine*. Washington: National Geographic Society, 1983.
41. Valeri, V. *Kingship and Sacrifice: Ritual and Society in Ancient Hawai'i* / V. Valeri. Chicago: University of Chicago Press, 1985. 446 p.

Мультикультурализм: риторика и практика (интервью с А.М. Кузнецовым)

Multiculturalism: rhetoric and practice (interview with A. M. Kuznetsov)

В данной рубрике мы предлагаем вниманию читателей журнала интервью с доктором исторических наук, профессором кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета **Анатолием Михайловичем Кузнецовым**. Беседа с А.М. Кузнецовым, посвящённая проблематике мультикультурализма, его российской и зарубежной специфике, была проведена ответственным редактором «Ойкумены» **Евгением Викторовичем Журбеем**.

Журбей Е.В.: На мой взгляд, актуальность проблематике мультикультурализма придают недавние заявления политиков о крахе этой политики. Так, в частности, А. Меркель заявила, что попытки построить мультикультурное общество в Германии полностью провалились. Британский премьер Кэмерон осудил политику мультикультурализма, а бывший президент Франции признал провал этой политики во Франции. Подобные заявления западных политиков нашли дружную поддержку российской политической элиты, которая принялась порицать прогнивший Запад и злорадствовать. В последнем случае, по моему мнению, под мультикультурализмом понимается уже не конкретная политика, а вся западная культура, которая признаёт суверенитет личности, свободу перемещений и т.д. У нас вообще любят употреблять иностранные термины, о значении которых знают понаслышке. Поэтому для начала давайте определимся, что такое мультикультурализм, и почему он стал актуален. Может быть, я ошибаюсь, но проблематика мультикультурализма в Советском Союзе и в России до последнего времени не обсуждалась. Возможно, ей интересовались лишь узкие специалисты. Сегодня же её обсуждает широкая общественность, а нынешний президент писал об этом в одной из своих предвыборных статей. Таким образом, первый вопрос: что же такое мультикультурализм?

Кузнецов А.М.: Прежде всего, спасибо за проявленный интерес к этой теме, которая в нашей стране, а тем более в нашем городе, не пользуется особой популярностью. Чтобы быть лучше понятым, сразу же должен сделать несколько уточняющих замечаний. Первое. В данном случае, я выступаю не как эксперт, а как компетентный специалист. Подобное разграничение необходимо потому, что задача эксперта состоит в том, чтобы высказать некое суждение, а на каких основаниях оно появилось, известно только ему одному. С моей точки зрения, в XXI в. это уже ненаучная позиция, а поскольку данной проблемой должны заниматься учёные, то в этом случае и я выступаю как компетентный специалист, как учёный. Отсюда вторая посылка: ситуация, о которой вы говорили, это также некие экспертные оценки, в данном случае ведущих политических лидеров, но для того чтобы обсуждать проблемы мультикультурализма на более серьёзном уровне, необходимо рассмотреть теоретические, концептуальные основания, в рамках которых ведётся обсуждение этих проблем. А поскольку теоретическое познание – это задача науки, я буду говорить именно как учёный.

Действительно, мультикультурализм сегодня всё ещё победоносно шествует по всей планете. Заявления некоторых европейских лидеров

– это только первый симптом о наличии серьёзных проблем, связанных с этой политикой. Для меня удивительно, что моноэтничные наши соседи, Япония и Южная Корея, также начинают заявлять о необходимости внедрения этой политики у себя. Хотя, по моему убеждению, здесь мы имеем несколько иную ситуацию, нежели та, что сложилась в странах, которые первыми официально признали политику мультикультурализма. Это Канада, Австралия, а затем уже и другие страны. Должен сказать, что мультикультурализм появился в большей степени как явление политическое, а не научное. Почему в нём возникла необходимость, вполне понятно: в конце 60-х гг. прошлого века стали обращать внимание на феномен многообразия нашего мира, который необходимо было осмыслить. Первыми на значимость проблемы всё более усложняющегося социального, культурного, этнического и вообще антропологического многообразия обратили внимание теоретики постмодерна, прежде всего, французские философы (Ж. Деррида, М. Фуко и др.). Политики же столкнулись с этим явлением в своей практике как с необходимостью управления подобным многообразием. Поскольку человечество впервые было осмыслено столь разнородным и многоликим феноменом, то так уж случилось, что первым в фокусе широкого обсуждения оказался феномен культуры, потому что именно культурные различия чаще всего лежат на поверхности. Тем более, что с культурой связано такое очень важное явление как языковые различия. А так как сегодня, несмотря на распространение английского языка, сохраняется множество других языков, то мультикультурализм и соответствующая языковая политика и были первыми темами, поставленными на широкое обсуждение.

Однако культурное многообразие – это лишь часть реальности, которая стала очевидной со второй половины XX в. Многообразие, сложность – теперь реальность не только для отдельных специалистов, наиболее дальновидных политических деятелей, а буквально для каждого человека. Поэтому, как только явление многообразия получило широкое признание, как только были сделаны первые соответствующие декларации, возник вопрос, что это за явление и каким образом мы должны его изучать. Наука по вполне понятным причинам должна была сначала это явление зафиксировать и только потом как-то осмысливать. Поэтому она оказалась не в самом выгодном положении по сравнению с политиками и общественными деятелями, сделавшими ставку на мультикультурализм, так как не смогла сразу сказать своего весомого слова по поводу этих проблем.

На мой взгляд, чтобы обсуждать мультикультурализм мы должны рассмотреть проблему многообразия, не только в его культурном и языковом выражении. Например, сегодня становится всё более очевидной проблема государственного многообразия, потому что государства в основном не являются вестфальскими. Многие государства Азии, Африки и Латинской Америки демонстрируют свои особые модели, и эта тема тоже требует обсуждения. Ещё более важным представляется явление этнического многообразия человечества вообще.

Увлечение глобализацией, которую надо понимать как некую стандартизацию, привело к распространению представления о «глобальной деревне», о «глобальной культуре» и пр. Но этот оптимизм 1970-х – 1980-х гг. в последнее время заметно поубавился, поскольку многообразие все эти красивые модели постоянно искажает и в результате реальность получается не такой радужной, как многим казалось. Почему? Потому что для того, чтобы рассматривать эту проблему, нужны очень глубокие теоретические основания. Пока же ситуация такова: сделав вслед за политиками поспешную ставку на мультикультурализм, мы столкнулись с некоторыми издержками. В результате пришлось искать дополнитель-

ные подпорки под прежние конструкции, и появились такие расхожие понятия, как «идентичность», а затем «этничность». Что такое сами по себе «идентичность» и «этничность» тоже до конца не понятно, поэтому и особо уповать на них не приходится.

Поэтому в случае с появлением политики мультикультурализма и такого научного направления как «исследования культур», мы имеем следующую ситуацию. Да, есть реальное явление. Им занимается спектр конкретных научных школ, причём в разных странах подходы к этому явлению могут отличаться друг от друга. Есть разные представления о том, в чём данное явление находит своё выражение. Беда только в том, что эти подходы очень ограничены, очень конкретны и, как правило, сосредоточены на какой-то одной стороне рассматриваемого явления. Поэтому теоретическая несостоятельность и должна была привести к тем критическим замечаниям, которые мы сегодня слышим в адрес мультикультурализма. Для меня это вполне ожидаемо, поскольку было понятно, что на таких основаниях серьёзную и долговременную политику выстроить нельзя, и она должна была прийти к своему закономерному финалу.

Журбей Е.В.: Есть ли какое-либо общепризнанное определение того, что такое мультикультурализм, от которого мы с вами могли бы отталкиваться?

Кузнецов А.М.: Боюсь, что в данном случае мы не сможем найти какого-то более или менее общепринятого представления о том, что скрывается за этим привлекательным термином. В каждой стране сложилось своё отношение к мультикультурализму и как к политике, и как к более широкому общественному явлению. Поэтому мультикультурализм Канады, где он официален, отличается от мультикультурализма США, где в качестве официального направления политики он не признан. Показательно, что в США делают больший упор на политику идентичности. Точно также французское понимание мультикультурализма совершенно не тождественно немецкому, а европейские трактовки мультикультурализма в целом отличаются от американских. К сожалению, у меня ещё не было возможности более глубоко вникнуть в австралийский мультикультурализм, но беседы с некоторыми специалистами, которые заявляют, что в Австралии мультикультурализм уже не имеет столь широкого признания, как ранее, позволяют думать, что там есть свои особенности. Отношение к мультикультурализму достаточно однородных в этническом отношении Японии и Южной Кореи также очень специфично. Так как у них нет собственного этнического многообразия, то создаётся впечатление, что они переносят идеи мультикультурализма, который, в целом, по канадскому исходному образцу, понимается, как политика позволяющая мигрантам быстрее включиться в принимающее общество. В этих странах данную политику применяют к тем иностранцам, которые учатся или работают по кратковременным контрактам и не всегда имеют планы остаться в стране. Это очень интересный подход. Поэтому остановимся на том, что опыт, имеющийся к настоящему времени, однозначно позволяет, во-первых, связать мультикультурализм с мигрантскими диаспорами и, во-вторых, с мерами, которые должны смягчить трения, возникающие между мигрантами и основным обществом, и способствовать их ускоренному включению в него. После очевидного несоответствия новым условиям ранее практиковавшейся политики ассимиляции и была сделана ставка на то, чтобы мигранты имели право поддерживать свою родную культуру, сохранять свой язык и, как принято говорить, свою «культурную идентичность», а уже задача принимающего общества – создать условия для того, чтобы они всё-таки стали его частью. Следует отметить, что нет единых рецептов и в решении

проблемы реальной интеграции мигрантов. Одни авторы предлагают сделать это за счёт привития им определённой политической культуры, другие видят иные цели и методы.

Журбей Е.В.: То есть, мы можем сказать, что мультикультурализм выступает одновременно как социальное явление, определённое течение мысли и идеологии. Я сейчас предложу вам две позиции известных практиков, которые занимаются этой проблематикой. Это Этциони и Тейлор. Может быть, вы согласитесь, что мультикультурализм означает отказ от культурного универсализма, отказ от интеграции, тем более от ассимиляции. Мультикультурализм продолжает и усиливает линию культурного релятивизма, распространяет принцип равенства всех культур и дополняет всё это принципом культурного плюрализма. В своей максимальной форме, он отвергает какое-либо общее центральное ядро ценностей, чётко представляет культуру доминирующей этнонациональной общности и требует полного равенства для всех культурных, лингвистических, религиозных и иных меньшинств, для всех групп, имеющих различия. В частности, западный социолог Этциони склоняется к этой позиции. В умеренной форме говорят о том, что мультикультурализм делает акцент на равном достоинстве всех культур, входящих в общество. Об этом, в частности говорит американский социолог Тейлор. Можно ли согласиться с позицией этих двух учёных? Каково ваше мнение?

Кузнецов А.М.: Прежде всего, хочу сказать, что мультикультурализм имеет под собой очень глубокие основания. Их можно фиксировать с начала XX в. Правда, в той же Канаде некоторые авторы уверяют, что как только в Северной Америке появилась колония «Новая Франция», здесь уже были заложены основы мультикультурализма. Но не будем углубляться в историю так далеко. Начнём с начала XX в., когда проявился кризис идеи «европоцентризма». Уже у О. Шпенглера была серьёзная заявка на то, что тот моноцентричный мир, который существовал ранее и во многом поддерживал колониальную систему, уходит в прошлое. Некоторые обстоятельства на время отодвинули этот процесс на второй план. Тем не менее, после окончания второй мировой войны, в результате произошедшей научно-технической революции, которая сопровождалась кардинальными изменениями в сферах транспорта и связи, были подготовлены условия для того, что стало определяться как «глобализация». Тогда стало очевидно, что речь идёт не только о кризисе европоцентризма, но и о кризисе «западного засилья» как такового. Эти и другие обстоятельства вызвали к жизни идею признания реально существующего многообразия.

Поэтому то, что это происходит на самом деле и имеет очень глубокие причины – это, конечно, факт. Другое дело, каким образом мы это осмысливаем. Здесь появляется целый спектр мнений. Так, долгое время существовало убеждение, на котором основывалась идея колониализма – что есть некие передовые страны, где существуют культура и общество, и есть другой мир, который ещё по своему развитию не дошёл до этого уровня, и там нет ни культуры, ни общества. Понятно, что при таком подходе, о мультикультурализме не могло быть и речи. Когда же ситуация поменялась, и когда мир стал представлять собой уже не несколько десятков, а почти две сотни стран, которые очень отличаются друг от друга, с этим пришлось считаться. А далее возник вопрос: да, явление многообразия зафиксировали и признали, но как к нему относиться, что с этим делать? Вместе с тем, не нужно забывать, что одновременно с научно-технической революцией, произошла ещё одна революция, которая у нас пока не так широко обсуждается. Речь идёт о революции прав человека. Она внесла свои, очень существенные коррективы в прежние представления. Отсюда идея неких универсальных

прав человека и много других сопутствующих идей и явлений, вызвавших отказ от прежней политики унификации и ассимиляции.

Журбей Е.В.: Я хотел бы уточнить по поводу доктрин прав. Признание мультикультурализмом прав за коллективными субъектами, за этническими и культурными группами, отличается от классического либерализма, с его индивидуальными правами и т.п.?

Кузнецов А.М.: Вы правы. Это, действительно, главная коллизия, которая сегодня обсуждается в зарубежной политической философии. Неслучайно, уже говорят о возникших в странах Запада, странах передовой демократии противоречиях между правами человека и правами гражданина. Казалось бы, это невозможно, и, тем не менее, это становится реальностью. Идея прав человека – это идея глубоко либеральная, которая исходит из принципа значимости индивида и признания его абсолютной ценностью. В то же время мультикультурализм ориентирован на то, что существуют общности, которые характеризуются какой-то культурной спецификой. Идея, согласно которой мы должны признавать не только права человека как индивида, но и права каких-то общностей, для Запада стала «камнем преткновения». Ведь для либералов идея общностей, которые чем-то могут обладать, что-то значить, не приемлема. Поэтому попытки мультикультурализма изменить эту ситуацию вызвали неоднозначное отношение.

На чём, скажем, базируемся различия между французской политикой по отношению к мигрантам и немецкой. Немецкую ситуацию, я, быть может, знаю не очень хорошо, но французскую, благодаря исследованиям наших специалистов, лучше. Если верить имеющимся данным, то для Германии существует чёткая установка, что немцем может быть только этнический немец. Поэтому, если в Германии живут курды и турки, которые находятся здесь на протяжении трёх поколений и практически прервали связь со своей родной страной, то согласно таким представлениям, немцами они всё равно стать не могут. В то же время, немцы, которые уже более 200 лет прожили в России и точно также во многом оторвались от своей родины, всё-таки остаются подлинными немцами. Отсюда такие широкие возможности для миграции этнических немцев из других стран.

Что касается французской модели, то здесь формировалось убеждение, что существует великая французская культура, которая любого и каждого, кто попадёт в сферу её влияния, тут же сделает французом. Отсюда то законодательство, которое широко открыло двери в страну для представителей бывших французских колоний и ряда других стран. А затем возникли некоторые естественные последствия в виде тех погромов, которые происходили в предместьях Парижа и в других городах.

То есть, я хочу сказать, что при всех этих различиях, западная наука и политическая мысль сталкиваются с трудноразрешимой для них дилеммой отношений между индивидом и некими общностями. Раньше проводилась политика безоговорочной ассимиляции, которая означала, что, если вы приехали к нам, то должны принять нашу культуру, наши образцы. Затем, в условиях дальнейшей демократизации, такой курс стал уже невозможен, и тогда, оставив прежнюю цель – интегрировать мигрантов в своё общество, предложили вместо ассимиляции другой путь – мультикультурализм, что предполагало разрешение иметь свою культуру и родной язык, но принятие, в качестве жеста доброй воли, наших демократических ценностей.

Журбей Е.В.: К моделям мы ещё обратимся. Это очень интересный вопрос. Но я бы хотел вернуться к мнению политиков, которые констатируют провал мультикультурализма в Европе. В частности, А. Меркель в октябре 2010 г. на встрече с молодыми членами

Христианско-Демократического Союза заявила, что попытки построить мультикультурное общество в Германии полностью провалились. Так, она сказала: «Концепция, по которой мы сегодня живём бок о бок и счастливы этим фактом, не работает». В Германии вызвала огромный скандал книга Тита Сарацина, который был директором Немецкого федерального банка и членом Социал-демократической партии, о провале этой политики. Он сказал, что «интеграция – это задача того, кто интегрируется. Я не обязан терпеть того, кто ничего для этого не делает. Я вообще не обязан терпеть кого-то, кто живёт за счёт государства, отрицает это государство, не заботится об образовании своих детей и постоянно производит на свет потомство». Это, конечно, очень радикальная позиция. В этой связи у меня следующая позиция. Когда мы говорим, о национальной политике в России, мы её констатируем, но результат этой политики мы зачастую не оцениваем, либо не придаём ему значения. А в устах канцлера А. Меркель, политика означает точно расписанный, официально одобренный, подкреплённый бюджетными ресурсами план конкретных шагов для достижения некоторых целей, за который кто-то отвечает. Тем самым, она заявляет, что политика терпит крах. Цель не достигнута. Возможно, она оказалась ошибочной. Тогда ей, канцлеру, надлежит выработать другую политику, составить другой план и назначить ответственных. Вы согласны с тем, что эта политика в Европе реально провалилась, и что делать в этой связи европейцам? Где пути выхода?

Кузнецов А.М.: Меня ситуация, которая складывается в Германии, иногда просто озадачивает. Мы могли наблюдать уникальное в каком-то отношении событие, связанное с объединением Германии. И что же выяснилось в результате? Как только энтузиазм первых дней после воссоединения прошёл, выяснилось, что единая Германия есть, а немцы почему-то разные. И проблема «ости» и «вести» до настоящего времени ещё не снята. Какие могут быть последствия, если политики не будут уделять этому достаточно внимания, трудно сказать. Что же тогда говорить о «чужеродных» мигрантах, которых Германия принимала в последнее время, особенно учитывая историческое прошлое самой немецкой нации, которая долгое время была раздроблена, потом объединена «железом и кровью», прошла две мировые войны, да ещё понятно с какими идеями, особенно во второй войне. После этого другого отношения к появившимся там мигрантам трудно ожидать. Поэтому ситуация, которая есть, имеет под собой, в том числе, и исторические корни.

Сегодня же, когда существует глобальная миграция, политики в любом случае не могут уходить от этой проблемы. Боюсь, что альтернатива мультикультурализму сегодня – успех правых партий в Европе. Долгое время казалось, что отстаиваемые этими антимигранскими и т.д. партиями идеи остались уже в прошлом. Теперь же они уверенно набирают голоса. Особенно, показательной здесь, наверное, явилась ситуация Австрии, которая представлялась образцом во всех отношениях, и вдруг – правые настроения. То же во Франции и Германии. Поэтому, альтернатива такая – либо откат в прошлое, с жёстким отстаиванием своей чистоты – культурной, этнической и иной, либо что-то другое. Что другое? Вот – мультикультурализм. Но он, вроде бы, провалился. Значит, следует искать, что-то ещё. И здесь, мне кажется, необходимо вернуться к нашему советскому опыту и не только ему, но и опыту Российской империи.

У нас была очень модной тема сравнения колонизации Сибири и Запада США. Об этом было много сказано, но одному вопросу уделяли мало внимания, – что в процессе колонизации Америки достаточно большое количество коренного населения было попросту истреблено. В про-

цессе нашей колонизации, которую, конечно, не стоит идеализировать, такого по масштабам исчезновения коренного населения не было. Я не буду говорить о том, что они жестокие, а мы нет, хотя можно и это обсуждать. Я просто хочу сказать, что в силу масштабности наших территорий, разным группам можно было дистанцироваться друг от друга и спокойно существовать даже в условиях активной колонизации Сибири и Дальнего Востока. Эта практика длительного сосуществования представителей различных этнических общностей, которая складывалась в истории нашей страны, осмыслена была сравнительно недавно. В царской России даже и политики особой не было и только незадолго до революции в 1917 г. был создан такой орган как Комитет по изучению племенного состава населения Сибири. Поскольку реальность, в которой формировался Советский Союз, была связана уже с условиями начала XX в., и Ленин и Сталин были свидетелями крушения Австро-Венгерской империи и прекрасно понимали, что это значит для нового государства, которое они пытались создать, поэтому национальная политика в это время стала у нас одним из приоритетных направлений. Она, конечно, также не была однозначно положительной. В ней были свои противоречия и драматические моменты практики «репрессированных народов». Национальная политика 20-х гг. носила название политики «коренизации», когда всяческая поддержка оказывалась представителям отдельных этнических общностей. Однако, в начале 30-х гг. Сталин отказывается от этой политики. Волевым путём количество этно-административных образований было сокращено до определённого числа республик и соответствующих областей. Был провозглашён курс на создание новой культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию. Эти перемены в политическом курсе также можно рассматривать, как попытки поиска оптимального решения проблемы стабильности в условиях этнического многообразия. Представляется показательным, что этнические конфликты, которые имели место в ряде регионов страны на предшествующем этапе, в советское время практически ушли в прошлое.

Позднее, несмотря на русификацию и другие негативные моменты, когда в начале 90-х гг. был проведён референдум о сохранении Советского Союза, подавляющее большинство его участников высказалось за сохранение союзного государства. Хотя, конечно, практика репрессирования народов это тоже часть нашего прошлого, тем не менее, тезис о советском народе как новой исторической общности являлся не только политической декларацией, но и имел под собой и определённое реальное содержание.

Поэтому есть опыт, который показывает, что, несмотря на различия, сосуществование в рамках одного государства на протяжении длительного времени многих этнических общностей возможно. Как мне кажется, Канада, в некоторых отношениях оказавшаяся в ситуации, в которой формировался и Советский Союз, как не парадоксально, на других основаниях была вынуждена прийти к примерно тем же идеям, которые в своё время составляли основу советской национальной политики. Решения, к которым приходят независимо друг от друга, на мой взгляд, показывают их реалистичность. Но самое главное, чему учит наш российский опыт, это то, что нормальное сосуществование является результатом усилий как со стороны политиков, так и (в большей степени) со стороны людей, которые вынуждены друг с другом сосуществовать. Достижение такого результата требует больших промежутков времени, но, тем не менее, возможно. При условии, что мы можем предложить некую идею, которая от подчёркивания наших различий приводила бы нас всех к чему-то общему, к общим целям и достижениям. Поэтому, хотим мы того или нет, но политики в ситуации этнического многообразия не могут уходить

от этого вопроса, если их беспокоит будущее своей страны.

Журбей Е.В.: Мы затронули модели Германии, Франции, Канады, США. Можно ещё вспомнить Индию. Если я не ошибаюсь, изначально французская модель исходила из преодоления этнической разнородности именно путём ассимиляции. То есть она была ориентирована на растворение меньшинств в доминирующей культурной общности. И сегодня Франция видимо одна из немногих стран Европы, которая представляет собой гражданскую культурную нацию французов, государство-нацию. Недавно тогда ещё президент Саркози заявил, что эта политика провалилась. Вторая, немецкая, модель предполагала сохранение за каждой общностью своей идентичности, самобытности. Германия также заявила о том, что всё это провалилось. Есть ли в этой ситуации успешные модели мультикультурализма? Вы упоминали Канаду. Насколько я знаю, в Канаде было провозглашено равенство двух языков и она официально является многокультурным обществом. На уровне конституции за Квебеком был закреплён статус провинции с языковой и культурной спецификой. Был даже принят специальный закон о многокультурности. На ваш взгляд, является ли Канада успешной моделью? А затем перейдём к соседу Канады – США.

Кузнецов А.М.: Пожалуй, на сегодняшний день, Канада, учитывая, что у нас в стране произошли известные преобразования, является самым успешным примером того, каким образом можно решать проблемы этнического, культурного многообразия. Но в то же время, нельзя сказать, что в Канаде нет никаких проблем. Они есть. Проблемы заключаются в том, что часть мигрантов, получив социальные преимущества и блага, поскольку эта страна занимает передовые позиции в мире по уровню и качеству жизни, не собирается интегрироваться в канадское общество, не принимает канадского гражданства. Речь не идёт пока об очень массовых явлениях, но, тем не менее, они уже есть. Однако я бы снова хотел вернуться к тому тезису, что и канадский мультикультурализм создавался в большей мере политиками для решения их актуальных задач, без каких-либо серьёзных научных разработок. Кроме того, в современном динамичном мире нет одного универсального решения. Поскольку всё меняется так быстро, мы должны быть готовы к тому, что мера, которая сейчас покажет свою эффективность, не будет также эффективна завтра.

Если мы затронем ситуацию с Индией, то эта страна, также столкнувшись с вызовами этносепаратизма, иногда в очень серьёзных масштабах, как, скажем, движение за создание Халистана, в конечном счёте, пришла к созданию этнических штатов, в чём-то аналога наших национальных республик. Когда появился тот же штат Нагаленд, где проживает общность нага, и ряд других штатов, то удалось снять остроту этой проблемы. Но это шаги, которые позволяют решить тактические задачи, и это не означает, что в будущем всё будет точно также успешно. Поэтому для того, чтобы обсуждать модели и выработать решения, нужны очень глубокие концептуальные разработки.

Ведь проблемы мультикультурализма, прав человека и сходные с ними замыкаются на ещё более глубокую проблему – проблему человека вообще, феномена человека. История и политическая практика показывают нам разные примеры трактовки этой проблемы. Например, у нас, в 1920-1930-х гг. существовала идея «перековки человека». Главное – это либо классовое происхождение, либо соответствующее воспитание. И мы любого человека приведём к некоему знаменателю. В свою очередь, либералы уверены в том, что каждый человек – либерал от рождения, и только плохие политические режимы мешают ему проявить это естественное свойство. Поскольку и с пониманием феномена человека у нас

остаются пробелы, и очень даже существенные, то появилась возможность скоропалительных, непродуманных решений, которые и не могли дать желаемого результата.

Предупреждая возможный вопрос о том, есть ли теоретические разработки, которые дают возможность обсуждать проблему на должном уровне, могу сказать – да, существуют. Сегодня очень много говорят о по-лидисциплинарном или междисциплинарном подходах в решении актуальных социально-политических проблем. Об этом же говорят и адепты мультикультурализма. Но часто видим, про междисциплинарность сказали, долг новым веяниям отдали, а далее выстраивают сугубо однодисциплинарную, однолинейную конструкцию для решения той или иной задачи. Вот в этом я вижу главный недостаток и мультикультурализма как такового, и концепций этничности, идентичности и т.д. Это только отдельные стороны явления. Подлинную же интеграцию разных научных подходов в своё время смогли осуществить, например, специалисты из нашей страны в рамках теории этноса. Потому что, оказавшись в условиях нашей страны, они неизбежно должны были разрабатывать свою собственную концепцию. Ведь, что такое Канада и США? Это страны мигрантов. Что такое Западная Европа до второй половины XX в.? Это нации-государства, которые, пройдя длительное историческое развитие, пришли к значительной унификации своего населения по культурным и этническим признакам. А поскольку наша страна сохранялась как полиэтническая, то советские специалисты на основе анализа этой реальности предложили концепцию, которая базировалась на идее значимости общностей, а не отдельных индивидов. Но от своего наследия мы отказываемся легко и быстро. В результате сейчас нам положено обсуждать только зарубежную либеральную, индивидуалистически сфокусированную этничность. Однако любые трансляции идей со стороны всегда требуют очень внимательного отношения. Поэтому хочу сказать, что этничность, идентичность, мультикультурализм – им есть место в наших разработках по этносу, но как составляющих, а не как оснований, на которых следует выстраивать все дальнейшие рассуждения.

Журбей Е.В.: Перед тем как перейти к российской практике мультикультурализма, как американист, хочу спросить. Я знаю, что у вас вышла статья в одном из ведущих российских журналов, посвящённая американской модели, и в ней вы обозначили присущие ей определённые проблемы. На ваш взгляд, эта модель «плавильного котла», которой американцы долгие десятилетия гордились (а это явно модель ассимиляции), успешна ли на сегодняшний день и каковы её перспективы? Пока никто из американских политиков, в отличие от их европейских коллег, не заявляет о кризисе этой модели.

Кузнецов А.М.: Ситуация в США – это особый случай. Она примечательна по целому ряду моментов. Прежде всего, общеизвестный факт, США формировались как страна мигрантов. В то же время, нельзя забывать, что США прошли свою историю, во многом очень специфическую. Неслучайно, многие американские авторы говорят о том, что основной факт американской истории – это появление на американском континенте чернокожих невольников. Действительно, это так. Во-вторых, сами американские авторы говорят о том, что политика «плавильного котла» себя всё-таки исчерпала. Показательно, что американский социолог Хорос Калён, уже в 1915 г. говорил о том, что ассимиляция это не тот путь, хотя его никто всерьёз не воспринимал. Однако в 80-е гг. он, оказавшись долгожителем, смог констатировать, что его идеи оказались востребованными. Да, США официально мультикультурализм не признали, и это, мне кажется, последствия прошлого, связанного с расовым расколом, которые ещё значимы для этой страны. Вместе с тем, поскольку

ку США делают ставку на права человека, они сталкиваются с необходимостью отхода от ассимиляции и признания за каждым индивидом свободы выбора своих предпочтений в культуре и других областях. Поэтому ситуация в США очень примечательна. Отказ от расовой сегрегации, молодёжная революция и целый ряд других событий действительно существенно трансформировали американское общество, и оно, пусть и не на официальном уровне, но в своей реальной практике эту идею признания плюрализма уже реализует. Другое дело, что в силу некоторых установок, поскольку США – это всё-таки страна классического либерализма, до конца её принять, конечно, не готовы. Но хотелось бы здесь отметить, что когда шла первая выборная компания Б. Обамы, мы тут с коллегами дискутировали, кто же выйдет победителем. Я, должен признаться к своему стыду, сказал, что я боюсь, что страна ещё не готова к такому выбору, но... я был очень приятно разочарован. Поэтому мне кажется, так как США сегодня представляют собой очень неоднородное общество, то они также должны будут сделать следующие шаги, в чём-то близкие идее мультикультурализма.

Журбей Е.В.: Не кажется ли вам, что критика «плавильного котла» исходит в основном со стороны левых европейских интеллектуалов, которые в 60-е гг. критиковали сегрегацию. Всё-таки никто сегодня в США не собирается заставлять приезжих учить английский язык и сдавать по нему экзамен, как, в частности, в Германии, никто не запрещает создавать мексиканские, китайские, русские кварталы, делать федеральные каналы на испанском языке. Американское правительство, в отличие от европейских, не считает нужным тратить деньги налогоплательщиков на то, чтобы русские иммигранты в Брайтоне сохраняли там свой уникальный одесский акцент, а мексиканские мигранты могли воссоздавать в центре Лос-Анжелеса Мексику. Может быть эта критика связана с завистью европейских интеллектуалов по отношению к Америке, у которой пока ещё получается, тогда как у них уже не получилось?

Кузнецов А.М.: Нет, мне кажется, здесь опять-таки нужно смотреть более глубоко, на сущность проблемы. Как я уже сказал, всё дело в том, что Европа и Америка (Америка вообще, а не только Северная) прошли разную историю. Современная Америка формировалась в значительной степени за счёт мигрантов. Европа – это другой путь, связанный с формированием единых консолидированных наций. Уже поэтому отношение к мигрантам в Европе и Америке, конечно, будет различаться. В чём это проявляется? В данном случае, ситуация с нашим городом, как мне кажется, очень показательна. Ведь Владивосток был долгое время полностью закрыт, никаких иностранцев мы не видели, а потом нас быстро открыли, и получилось, что мы к существованию бок о бок с теми, кто от нас существенно отличается, тоже оказались не готовы. Почему? Не потому, что мы такие плохие, а просто вся наша предшествующая реальность была совершенно иной. Поэтому нам нужно пройти некий путь, прежде чем мы найдём оптимальные формы взаимного сосуществования. В Америке мигранты всегда были реальностью, а для Европы это то, с чем она столкнулась в последнее время, да ещё в ускоренном темпе. Поэтому и такие реакции. Кроме того, для меня, из опыта изучения работы С. Хантингтона, был очень важен тот факт, что, оказывается, не все мигранты из Европы в Америке приживались. Он приводит статистику, согласно которой иногда значительная часть представителей европейских стран возвращались к себе на родину, потому что к условиям жизни в Америке они оказались не готовы. Таким образом, процесс миграции в Америку не был односторонним, был, пусть меньший, но встречный поток тех, кто возвращался обратно, и для них не надо было создавать какие-то специальные условия. Это мы также должны учитывать.

Журбей Е.В.: Давайте перейдём к российской практике мультикультурализма. Для начала хочу уточнить, концепция мультикультурализма строится всё-таки на либеральных ценностях. И все эти модели – американская, французская и другие – предполагают права человека, а не права этнических групп. Вы указали на успешность советской, а до этого российской, модели, которые не были либеральными. В то же время авторитарная модель, получается, учитывала этнические права и т.п. В этой связи, как вы можете обрисовать ситуацию с мультикультурализмом в России, и почему этот термин получил хождение в последние несколько лет. Ведь раньше он не использовался в нашей практике. С чем это связано, на ваш взгляд?

Кузнецов А.М.: Поскольку я, подчёркиваю, выступаю как исследователь, то для меня очень важны те определения, те концепты, которые мы используем для анализа того или иного явления. Мультикультурализм в России это ещё только некие дебаты, предложения, но не часть нашей реальности. Поэтому более точным, верным будет обсуждать этнонациональную политику нашей страны или национальную политику, как это было ранее. Термин «мультикультурализм» у нас, мне кажется, не приживается, в то время как другие термины, заимствованные с Запада, имея подготовленной у нас почвы, очень быстро внедрились и получили распространение. То, что с мультикультурализмом происходит не так, на мой взгляд, очень показательно. Ситуация в нашей стране и тот опыт, который мы пережили, имеют очень серьёзные основания и заслуживают более внимательного отношения. Поэтому мультикультурализм – это для нас только некая, быть может, перспектива, повод для обсуждения. А реальность наша – это длительное существование в рамках полиэтнической страны, в ходе которого был накоплен собственный опыт поддержания равновесия и стабильности.

Журбей Е.В.: За рубежом мультикультурализм был связан, прежде всего, с интеграцией внешних мигрантов. В СССР внешней миграции не было, а внутренние миграционные потоки были минимальны. Но сегодня Россия сталкивается с такими потоками мигрантов и в последние 6 – 7 лет – с активными потоками, особенно из Средней Азии. Не кажется ли вам, что именно эти миграционные потоки вызвали обсуждение проблематики мультикультурализма. Многие задумались, что с этим делать, как интегрировать рабочих из Средней Азии в наше общество. Можно ли сравнить этих мигрантов с мигрантами первой волны в Европе, турками, которые ехали в Германию работать. Что из этого получилось, мы уже знаем. Как бы вы могли ответить на этот вопрос? Может быть, реальность подтолкнула экспертов, учёных задаться вопросом изучения мультикультурализма у нас?

Кузнецов А.М.: Вы внесли существенное уточнение. Потому что, действительно, то, что я говорил, в большей степени касается предшествующих периодов нашей истории. В течение советского периода ситуация с миграцией, конечно, была достаточно своеобразной. Сегодня же, если мы возьмём ситуацию нашего города и края, то у нас существуют многочисленные собственные диаспоры, в том числе татарская и башкирская (не случайно у нас недавно был федеральный сабантуй). Однако, не видя этих праздников и других мероприятий, мы даже не задумываемся, сколько рядом с нами людей, которые представляют эти общности. Почему? История. Другое дело, когда к нам в массовом количестве приехали одномоментно выходцы из той же Средней Азии. Несмотря на то, что у нас общее прошлое, но после крушения СССР, там начались процессы, которые нас в значительной степени обособили.

То, что мы включились в процесс глобальной миграции, может для нас актуализировать проблемы мультикультурализма, но с поправкой

на нашу собственную историю, на наш собственный опыт. Отказываться от этого мы не имеем права. Тем более, я давно хотел обратить внимание на то, что существует ещё один уникальный исторический опыт решения тех проблем, о которых мы с вами говорим. Речь идёт о Римской империи. Эта огромная держава, которая фактически первой реализовала идею глобализации. Ситуация там была очень показательна. Сами римляне, латиняне, составляли незначительную часть населения империи. Тем не менее, империя долгое время вполне благополучно существовала. Не только за счёт репрессивных мер, не за счёт активных шагов со стороны государства по поддержанию собственно римской самобытности. Римляне сумели добиться главного. Они создали возможность того, чтобы представители неримских общностей могли получить гражданские права и стать полноправными членами римской гражданской общины (*civitas*). Кроме того, они поставили дело таким образом, что стать римским гражданином было очень престижно. На этой основе удалось осуществить широкую романизацию, когда латинский язык стал тем языком, на котором общалась значительная часть населения империи, по крайней мере, в городах, когда римские нормы и правила получили широкое распространение. Поэтому не скороспелые решения, не модные веяния, только продуманные действия, которые заставили бы самих людей пойти именно таким путём, чтобы осуществить подлинную интеграцию, это и есть тот вариант решения проблемы, который не утратил своего значения и до настоящего времени.

Журбей Е.В.: Можно ли говорить сегодня о наличии общероссийской национальной политики, и отличается ли национальная политика, проводимая на российском Дальнем Востоке от общероссийской?

Кузнецов А.М.: Занимаясь зарубежными делами, не всегда имеешь время для своих собственных проблем. Могу сказать только одно. То, что происходило у нас незадолго до и после распада Советского Союза, оставляло впечатление, что такой политики у нас нет. Но неслучайно, когда разбирают обстоятельства, связанные с распадом СССР, то обращают внимание на то, что один из лидеров этого периода М.С. Горбачёв эту проблему вообще не видел, может быть в силу в силу своего только сельскохозяйственного и юридического образования. Поэтому когда начались межэтнические конфликты, он оказался к этому абсолютно не готов. Да и не только он. Наши успехи в национальной политике обернулись против нас же. Поскольку в Советском Союзе на это момент было всего 8 кафедр этнографии, то понятно, мало кто вообще понимал, что у нас происходит.

То, что за эти годы мы прошли иногда очень страшные испытания, но и получили новый опыт, в последнее время заставляет наших политических лидеров обратиться к этой проблеме. Когда появились статьи перед очередной выборной кампанией, я посмотрел статью по национальному вопросу и могу сказать, не покрывив душой, действительно, увидел там много здравого, что позволяет надеяться, что нам удастся преодолеть раскол, который в своё время стал одной из причин гибели СССР.

Журбей Е.В.: Какова степень научной изученности текущей этнонациональной ситуации на российском Дальнем Востоке, и в какой мере научные данные об этой ситуации достоверны и точны? Могли бы вы на это ответить?

Кузнецов А.М.: К сожалению, степень изученности проблемы у нас по понятным причинам, поскольку все основные исследовательские центры далеко от нас, оставляет желать много лучшего. При этом, почему-то существует такое глубокое убеждение, что писать о проблемах межэтнического взаимодействия, об этнополитической ситуации может

любой и каждый. Поэтому публикаций много, предложений достаточно. К сожалению, их качество часто заставляет только задуматься о том, насколько перспективы нашего региона действительно благополучны.

Журбей Е.В.: Знакомы ли вы с практикой, когда федеральные органы власти обращаются к научному сообществу с просьбами о каких-то разработках, заключениях, мнениях?

Кузнецов А.М.: Я не очень глубоко изучал этот вопрос. Моё суждение очень поверхностно. Знаю, что есть такого рода примеры, но говорить о том, что это обычная практика, не приходится. Кстати, коллеги из Москвы и Петербурга сетуют также на то, что власть их не часто замечает.

Журбей Е.В.: Стали ли межэтнические отношения в регионе за последние двадцать лет более напряжёнными? Какова, на ваш взгляд, вероятность возникновения на российском Дальнем Востоке прямых конфликтов на этнической почве?

Кузнецов А.М.: Вот на это вопрос я бы не хотел отвечать. Он требует специального исследования. Отвечу очень коротко, осторожно. Конечно, ситуация у нас кардинальным образом изменилась после того, как основная часть Дальнего Востока, которая ранее была закрыта, стала открытой. Причём это произошло в течение очень короткого периода времени. Отсюда мы оказались не готовы к прибытию сразу большого количества представителей не только разных групп нашей страны, но и ближайших стран. Это, конечно, очень важное обстоятельство. Кроме того, следует учитывать ещё и то, что огромное территориальное пространство Дальнего Востока при ограниченной численности населения и отрицательной динамике этой численности, накладывает отпечаток на характер процессов межэтнического взаимодействия. Поэтому они проходят у нас со своей спецификой, которая отличает нас, скажем, от того же Северного Кавказа, Поволжья. Кроме того, приграничное положение российского Дальнего Востока в любом случае предполагает особенно внимательное отношение, в том числе к вопросам межэтнического взаимодействия, взаимодействия с нашими ближайшими соседями, для того, чтобы обеспечить стабильность в нашем регионе. Поэтому мультикультурализм – точно не наш вариант.

Журбей Е.В.: Какие этнополитические проблемы в регионе сегодня требуют приоритетного внимания учёных, и, быть может, вмешательства органов местной и региональной власти?

Кузнецов А.М.: Не претендуя на необходимую компетентность в этом вопросе, может быть повторюсь, но наиболее острые вопросы, что называется, на слуху. Прежде всего, это касается проблем, связанных с внешней миграцией, которые в силу той же нашей бывшей закрытости воспринимаются здесь совершенно особым образом. Что касается серьёзных вопросов, на которые следует обратить внимание, это, прежде всего, вопрос характера взаимодействия между общностями, которые давно находятся в регионе, и вновь прибывшими группами. Одна из проблем заключается в том, что общности, которые составляют основу населения Дальнего Востока, отличаются от вновь прибывших общностей по степени внутренней консолидации. В условиях нашего пограничного положения, это обстоятельство требует особого внимания. В этой ситуации именно органы власти, местные и федеральные, должны чётко выстраивать свою политику и фиксировать эти процессы взаимодействия между представителями основных и вновь прибывающих общностей. Что касается других, более конкретных вопросов, то они требуют отдельного рассмотрения и более детальной проработки. Поскольку у нас есть достаточное количество специализированных советов, органов, учреждений, которые вроде бы этим занимаются, то не хотел бы перехватывать у них

инициативу.

Вместе с тем, хочу снова обратить внимание на то, что, к сожалению, несмотря на большое количество работ и разного рода дискуссий по этой тематике, налицо очень часто элементарная путаница в основополагающих понятиях и терминах. В результате часто либо теряется, либо подменяется предмет обсуждения. Поэтому многие наши дискуссии становятся совершенно бесполезными, а зачастую могут сыграть вредную роль. Исходя из этого, обращение к вопросам этнополитического взаимодействия в нашем регионе требует высокой компетентности и осторожности, чтобы мы всегда очень чётко понимали, какую проблему, какой предмет мы обсуждаем, а не переключались на обсуждение каких-то сопутствующих вопросов.

Хочу ещё раз подчеркнуть, что мультикультурализм, миграция, идентичность и прочее – всё это проявление различных сторон более сложного этнического феномена. И если мы не изучили природу этого феномена, то любые шаги и суждения по представленным конкретным аспектам будут иметь, в лучшем случае, только временный эффект.

Журбей Е.В.: Спасибо за интервью!

УДК 622. 342. 1

Козлова С.А.
Kozlova S.A.

**Добыча золота в Верхнеудинском округе
Забайкальской области в XIX – начале XX вв.
и участие в ней старообрядцев**

**Gold mining in Verhneudinsky district of Transbaikalian area
in XIX – the beginning XX centuries and participation in it of Old Believers**

Рассматривается организация золотодобычи по системе р. Чикой, и участие старообрядцев Забайкалья в данном промысле (1850–1920). Охарактеризованы условия добычи золота: транспорт, продовольственное снабжение, оплата труда. Изучена роль старообрядческого населения в освоении ресурса. Выявлена значимость отходничества на золотой промысел для системы жизнеобеспечения старообрядцев.

Ключевые слова: добыча золота, освоение ресурсов, отходничество, старообрядцы, система жизнеобеспечения

Organization of gold-mining on Chikoy-river's banks and Old-believers collaboration are considered (1850–1920). Gold-mining conditions are described: transportation, provisioning, remuneration of labour. Old-believers role playing in development of resource is searched. Importance of gold-mining abwanderung for Old-believer's life-support is revealed to light.

Key words: gold extraction, resousers development, seasonal work, Old Believers, life support system

Освоение золотых россыпей в Верхнеудинском округе Забайкальской области началось с 1844 года [3, с. 14]. В 1846 году впервые образовалась Верхнеудинская золотопромышленная компания. Она имела два прииска – Спасский и Ивановский по реке Гремучей, впадающей в реку Чикой. В том же году возникли ещё две Кяхтинских компании. Они имели три прииска по речкам системы Чикоя – Николаевский, Александровский и Михайловский. Примерно в это же время по системе р. Чикой образованы были Первосретенский, Андреевский, Иннокентьевский, Васильевский, Боголюбский, Богоявленский, Глебовский прииски (ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 67. Л. 9). Количество приисков и количество работников на приисках было непостоянным в разные годы (рис. 1). Всеми приисками бассейна р. Чикой до 1920-х гг. владели купцы Иркутска и Кяхты. Золотодобыча с самого начала развивалась на основе частного капитала.

С увеличивающимся ростом золотопромышленности в Сибири было создано Горное отделение Главного Управления Восточной Сибири в Иркутске для общего руководства казёнными и надзора за частными

золотообработывающими предприятиями Восточной Сибири и Дальнего Востока. В связи с этим подъёмом в 1856 году была образована должность Горного Исправника частных золотых приисков Верхнеудинского округа. Горный исправник частных золотых приисков контролировал деятельность золотопромышленников, распределял паи на золотосодержащие участки, осуществлял надзор за частными золотыми промыслами, определял на работу политических ссыльных и поселенцев. В его полномочия входило: формирование поисковых партий, решение судебных дел, назначение лекарей на прииски. Горный исправник также назначал и контролировал урядников и казаков горно-полицейской стражи на частных золотых приисках. В своей деятельности горный исправник частных золотых приисков Верхнеудинского округа подчинялся Горному отделению канцелярии Главного управления Восточной Сибири (**НАРБ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1. Л. 1**).

Золотой промысел в Забайкальской области производился преимущественно на казённых землях и территориях, принадлежавших Кабинету Его Императорского Величества. Прииски по системе р. Чикой сдавались в аренду частным лицам. Для этого было достаточно получить в Горном управлении разрешение и поставить в известность местную администрацию. В доверенности обычно перечислялись правила и права, которыми мог руководствоваться предприниматель. Часто случалось так, что купец, получивший доверенность, мог нанимать управляющего на разработку приисков и давать ему указания к поиску и разработке золотоносных руд. Ниже приводится текст доверенности Арсения Брянского, иркутского купца 3-ей гильдии, полученной от Якова Немчинова, купца 1-й гильдии: «Имея дозволительное свидетельство Господина Генерал-Губернатора Восточной Сибири от 7 февраля 1853 года под № 488 на розыск и разработку по Восточной Сибири золотосодержащих россыпей, я доверяю Вам, Милостивый Государь, сформировать партии для розысков золота и управление оными как под личным Вашим распоряжением, так и через избранных Вами благонадёжных, причём предоставляю Вам: 1) производить розыски золота в местах, дозволенных Правительством, по открытии и настоящем удостоверении в благонадёжности оных на имя моё заявлять, получать с явок копии в законенный сорокадневный срок представлять куда законами повелено и испрашивать отводы площадей, которые принимать и производить на оных разведку, поступаая во всё по точному смыслу Высочайше утверждённых о частной золотопромышленности правил и всех узаконений и распоряжений высшего Начальства; 2) для действия сего припасы, инструменты и прочие потребности заготовлять, служащих, рабочих людей нанимать, контракты на имя моё заключать, иметь людей с узаконенными видами; 3) получаемому при разведках приисков золоту вести верную записку в выдаваемые от Горного Правления книги представлять для дачи, куда следует сплавлять и получать в том квитанции, которые и представлять ко мне; 4) во всех действиях Ваших и во вверенном капитале своевременно отчёты мне подавать; 5) поручая Вам всё, что дадено золотопромышленности, может относиться, как то права мои защищать и несправедливые чьи-либо вступательства и претензии на установленном порядке опровергать, давать напутствие розысков золота и во всех потребных случаях служащим доверенности с получением на предмет этот, откуда следует свидетельство прикащика 1 класса... С истинным почтением имею честь быть Вашим, Милостивый Государь, покорным слугою. Яков Андреев Немчинов 1-й гильдии купец. Сентября 28 дня 1856 года. Кяхта...» (**НАРБ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1. Л. 14**).

После соблюдения необходимых формальностей арендатор начал производить разведку, а затем получал от окружного инженера план

Рис. 1. Динамика числа золотых приисков Чикойской системы и количества рабочих (1854-1888 гг.).

по устройству прииска. Открытое золотоносное месторождение промышленник приобретал во временное пользование с правом наследования [7, с. 95]. Одним из правил добычи золота в системе реки Чикой, являлось то, что один купец не мог владеть одновременно двумя или более приисками, расположенными на расстоянии друг от друга в пять вёрст [3, с. 35]. По указу правительства купцам можно было эксплуатировать прииск в течение года, затем снова оформлять надлежащие документы на добычу золота на этом же прииске, если россыпи были перспективными для дальнейшей разработки.

Большую проблему в золотодобывающей промышленности в Верхнеудинском округе представляли собой транспортные условия: «Длина приисков Чикойской системы от прииска № 4 до прииска № 29. т.е. от Владимирского до Евгеньевского, 140 вёрст, ширина же приисков этой системы, считая от № 7 до № 8, т.е. от Лазаревского прииска до Ожидаемого прииска – 70 вёрст... Дорога на прииски Чикойской системы проходит от г. Баргузина через г. Верхнеудинск до селения Урлукского и езда по ней производится на почтовых лошадях, а от Урлука до селения Захаровского – на обывательских лошадях. Далее езда до приисков № 1 и № 6, т.е. до Теофильского и Маковеевского, ненаселённой тайгой. Пути сообщения по Чикойской системе, будучи сходны с таковыми же по Баргузинской тайге, отличаются от последних пересечённой местностью с очень крутыми наклонами хребтов, что сильно затрудняет даже верховую езду. Можно сказать, что пути сообщения между приисками Чикойской системы существуют только зимою, когда производится доставка на эти прииски нужных предметов. Летом сообщение между приисками только верховое, колёсного же пути от ближайших селений ни на один из приисков не существует» (ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 67. Л. 33).

На приисках работали преимущественно крестьяне, мещане и ссыльнопоселенцы. Управляли рабочими служащие, которых было значительно меньше по количеству. Например, в мае 1864 года на прииске Михайловском (по р. Малый Долотой), принадлежащему купцу Герасимову, находилось 14 служащих и 227 наёмных рабочих людей (НАРБ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 13. Л. 18-22).

Старообрядцы (семейские) являлись наёмными рабочими на золоторазведках и добыче на рудниках. Окружной ревизор и коллежский советник Белозёров, осуществляя проверку всех забайкальских приис-

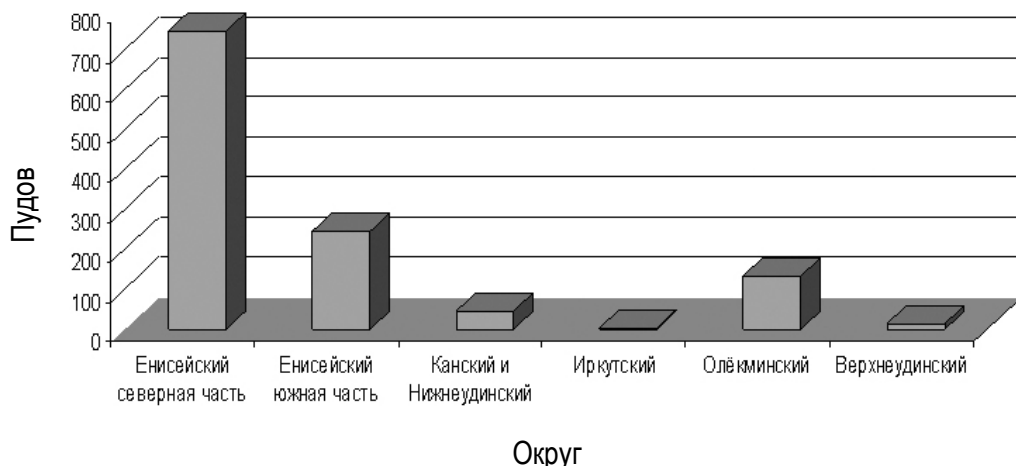

Рис. 2. Показатели добычи золота на частных приисках Восточной Сибири в 1857 году.

ков в 1883 г., писал следующее: «В Чикойской системе Верхнеудинского округа всё приисковое население по большей части состоит из местных крестьян, отходящих на приисковые заработки по причине малого полевого и лугового у них хозяйства, а отчасти вследствие вкоренившейся у них привычки к этого рода занятиям и наживе. Четыре близлежащие к Чикой волости: Тарбагатайская, Мухоршибирская, Бичурская и Урлукская, население которых с 1844 года ознакомлено с работами по золотым промыслам, составляет главный контингент рабочих, откуда их нанимают осенью на все прииски не только Забайкальской области, но и на Амурские и Олёмминские. В среде этих четырёх волостей вполне русского элемента, находятся многие староверческие селения, называемые здесь «семейскими» и отличающиеся особенным дородством и способностью к приисковым работам» [3, с. 98]. Для того чтобы наняться на золотые прииски, крестьянам необходимо было получить на этот вид деятельности специальный билет из волостного правления на определённый срок, чаще всего на два или четыре месяца.

Семейские к тому времени, как начались золотоискательные работы, хорошо знали окружающую местность, поэтому их нанимали в разведку, а также проводниками по долинам малых притоков р. Чикой. Доверенный Якова Немчинова Арсений Брянский отчитывался перед Горным Исправником по многим делам. В одном из отчётов есть список крестьян Урлукской волости, нанявшихся для разведки золотоносных россыпей в поисковую партию в 1856 г. Из Шергольдзинского селения были приняты Савва Попов, Василий Вологжин, Савва Вологжин, Евсей Зайков, из Верхненарымского – Клим Андреев, из Котойского – Евсей Рагузинский, Иван Ильин, из Альбитуйского – Константин Ланцов. Селения Верхненарымское, Котойское и Альбитуйское были заселены старообрядцами федосеевского толка (ГАИО. Ф. 50. Оп. 7. Д. 40, Л. 14).

Некоторые исследователи отмечают, что уход семейских на прииски с середины XIX века отразился на их нравственности, особенно среди молодёжи, и способствовал распространению алкоголизма и табакокурения в старообрядческой среде [8, с. 25; 6, с. 77], поскольку семейские трудились наравне с ссыльнокаторжными, которые как правило не отличались высокой нравственностью. С приисков случались побеги, которые совершали рабочие из ссыльнокаторжных, иногда их отлавливали

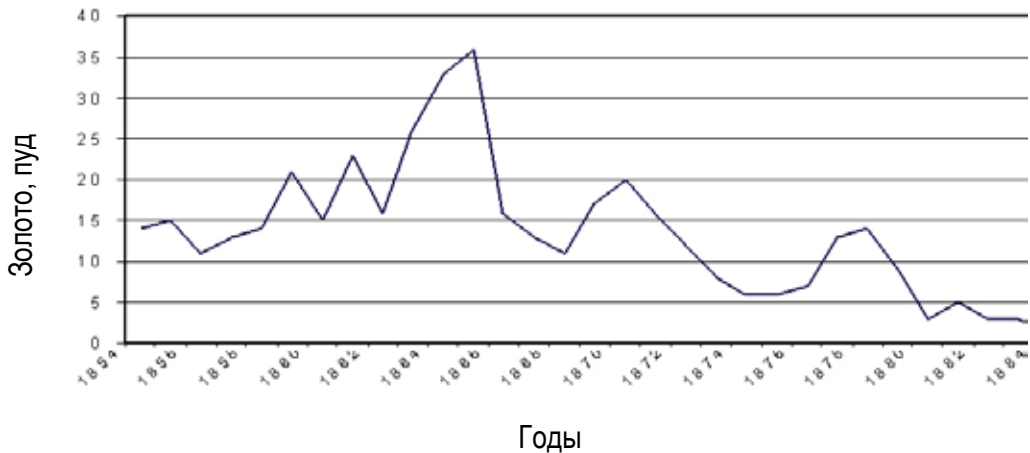

Рис. 3. Динамика добычи золота на приисках Чикойской системы с 1854 по 1888 гг., Верхнеудинский округ.

и возвращали обратно [9, с. 346]. Семейским отдавали предпочтение при найме на золотые прииски, потому что они, прежде всего, здоровые крепкие люди, как в физическом, так и в духовном аспектах, отличались трудолюбием [1, с. 87].

Общий процент хозяйств в Забайкалье, занимающихся данным видом промысла, всегда был невысоким, а по исследованиям комиссии Куломзина в 1899 году он составлял от 15 до 20 % [2, с. 124]. Подавляющее количество рабочих на приисках были ссыльные, крестьян, судя по всем найденным архивным источникам, было задействовано несколько меньше. Редко на некоторых приисках русских крестьян, в том числе старообрядческой веры, могло быть более половины от всего численного состава артели. В некоторых случаях рабочих из двух разных социальных групп было примерно поровну. Например, по ведомости 1864 года, представленной Горному исправнику от уполномоченного почётного гражданина Павла Макеева Герасимова на Михайловском прииске по речке Малому Долотою числилось 77 русских крестьян из Верхнеудинского округа, в том числе из старообрядческих селений – Урлук, Хилкотой, Фомичёво, Куналей и др., 83 поселенца, в том числе и ссыльных и 10 осёдлых инородцев. (НАРБ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 13. Л. 65-72). На Андреевском прииске по реке Хилкотою, по ведомости представленной от купца Якова Немчинова за январь-июль 1864 г. числилось 224 поселенца, 104 крестьянина из селений Верхнеудинского округа, 8 казаков, 4 отставных солдата, отставной матрос, отставной унтер-офицер и один иркутский мещанин. (НАРБ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 13. Л. 72-80).

Активная работа на приисках происходила, главным образом, с поздней весны до ранней осени, в тёплый сезон. Зимой прииски также не закрывались, но работа замедляла свой ход. На прииски уходили работать крестьяне из малосостоятельных семей или тех, кто не имел достаточно земли для выращивания хлеба. Известно, что крестьянам иногда было выгоднее работать на приисках, нежели выращивать хлеб. Семейские при найме на золотые прииски в 1898-1899 гг. получали от 45 до 60 рублей на человека [1, с. 35]. В целом по Сибири контрактная плата рабочим за горные работы была почти везде одинакова. На промыске песков Чикойской системы в будни один рабочий зарабатывал от 60 до 80 коп. в день, в праздники – от 1 руб. 50 коп. до 2 руб. Причём поч-

ти на всех приисках сохранялось следующее стимулирующее правило: первые две кубические сажени промытого песка в день оплачивались 45 коп., за третью сажень плата поднималась до 3 руб. [3, с. 227].

Среди приисковых рабочих были забойщики, возчики, погонщики, кайлильщики, шурфовщики, промывальщики, плотники, кузнецы и конюхи. Наиболее высокооплачиваемой частью приисковых рабочих были старатели, они могли зарабатывать больше остальных. Старательской работой мог заниматься любой желающий с разрешения владельца прииска после выполнения определённого ежедневного задания. Найденное золото и самородки в строгом порядке надлежало сдавать в управление прииска.

Продовольствие для приисковых рабочих закупалось у крестьян из сёл Верхнеудинского округа, чаще всего из Коротовской и Урлущкой волостей, потому что цены на хлеб здесь были ниже, по сравнению с соседними волостями [2, с. 97]. На приисках рабочим выдавали спиртное в ограниченных количествах, чрезмерное употребление вина и водки обычно строго каралось.

Инструменты и оборудование, использовавшиеся при промывании золота были примитивны, громоздки, плохо автоматизированы и требовали применения значительной физической силы. Например, на Боголюбском прииске в 1856 году использовалось промывальное устройство в виде «машинки присоединённой к железной бочке, приводимой в движение водяною и конною силою» (НАРБ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 8. Л. 17).

Объёмы добываемого золота по системе р. Чикой были намного меньше по сравнению с показателями Енисейского, Канского, Нижнеудинского и Олёкминского округов, и в процентном соотношении для 1857 г. измерялись как 1,1% от всего официально зарегистрированного количества добываемого золота в Восточной Сибири (рис. 2) [5, с. 34].

В конце XIX в. на приисках Чикойской системы содержание россыпей золота было умеренным, а на многих участках и вовсе слабым, вследствие неширокого и тонкого напластования. Наблюдались частые перевалы россыпей или выклинивание пластов [3, с. 114]. Качество добываемого золота, содержание его в руде на исследуемой территории сравнительно с другими золотоносными районами низкое [5, с. 34]. За 45 лет (1844 – 1889 гг.) на приисках Чикойской системы добыто всего было 559 пудов золота (рис. 3) [4, с. 4-5]. Для сравнения можно констатировать то, что в Баргузинском округе было добыто почти в три раза больше.

Наибольшее количество золота добывалось в середине 1860-х гг., затем объёмы добычи стали уменьшаться по разным причинам. Главнейшей причиной происшедшего год от года снижения добычи было распространившееся по Чикойским приискам «хищничество» золота и утаивание его рабочими во время приисковых операций. «Хищничество» проявлялось в том, что некоторые крестьяне, проживающие в чикойской тайге, добывали золото самостоятельно, без официального разрешения властей и тайно сбывали его на монгольской границе скупщикам из Китая. Начиная с 1880-х гг., в Западном Забайкалье наблюдался неурожай хлеба, дефицит его послужил ещё одной веской причиной уменьшения объёмов золотодобычи [3, с. 389].

С приходом советской власти в 1920-х гг. добыча золота не прекратилась совсем и целиком перешла из частного предпринимательства в государственное владение, началось её более интенсивное развитие. О занятости в золотодобыче семейских в этот период можно сказать, что она также носила характер дополнительного заработка и была сезонной. Многие семейские, особенно в довоенный период 1940-х гг., работали на приисках.

В настоящее время, начиная с начала 1990-х гг. большинство приисков, в том числе и по добыче золота, в системе р. Чикой не действуют. Таким образом, можно сказать, что занятость на приисках у семейских была свободным дополнительным занятием, приносящим значительный доход для семьи, и, несмотря на их религиозные воззрения, имела место в системе жизнеобеспечения.

Литература

1. Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в 18-20 вв. Новосибирск, 1994. 174 с.
2. Высочайше учреждённая под председательством статс-секретаря Куломзина комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области. Материалы. Исторические сведения. СПб, 1898. вып. 5. 130 с.
3. Горное и золотое дело // Приложение первое к выпуску I сборника главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибири. Иркутск: Типография Н.Н. Синицына, 1884. Т. VII. 429 с.
4. Горнозаводская производительность Забайкальской области с открытием в ней металлов до 1 января 1889 года / Сост. Горн. Инженер Боголюбский. Чита: Типография Заб. обл. правления, 1890. 7 с.
5. Извлечение из ведомостей о добыче золота на частных промыслах Восточной Сибири в 1857 году // Записки Сибирского отдела Императорского русского географического общества. СПб.: Типография Морского министерства, 1858. Книжка V. 210 с.
6. Осокин Г.М. На границе Монголии: очерки и материалы к этнографии Юго-Западного Забайкалья. СПб., 1906. С. 177-178.
7. Сабурова Н. Амурское золото // Родина. 1999. № 3. С. 94-95.
8. Талько-Грынцевич Ю.Д. Семейские (старообрядцы) в Забайкалье // Протоколы общего собрания Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отделения РГО. Кяхта, 1894. № 2. С. 25.
9. Ядринцев Н.М. Статистические материалы к истории ссылки в Сибирь // Записки Императорского РГО. СПб, 1889. Т. VI. С. 311-395.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Bolonev F.F. Staroobryadtsy Zabajkal'ya v 18-20 vv. Novosibirsk, 1994. 174 s.
2. Vysochajshe uchrezhdyonnaya pod predsedatel'stvom stats-sekretarya Kulomzina komissiya dlya issledovaniya zemlevladieniya i zemlepol'zovaniya v Zabajkal'skoj oblasti. Materialy. Istoricheskie svedeniya. SPb, 1898. vyp. 5. 130 s.
3. Gornoe i zolotoe delo // Prilozhenie pervoe k vypusku I sbornika glavnejshikh ofitsial'nykh dokumentov po upravleniyu Vostochnoj Sibiri. Irkutsk: Tipografiya N.N. Sinitsyna, 1884. T. VII. 429 s.
4. Gornozavodskaya proizvoditel'nost' Zabajkal'skoj oblasti s otkrytiem v nej metallov do 1 yanvary 1889 goda / Sost. Gorn. Inzhener Bogolyubskij. CHita: Tipografiya Zab. obl. pravleniya, 1890. 7 s.

5. Izvlechenie iz vedomostej o dobyche zolota na chastnykh promyslakh Vostochnoj Sibiri v 1857 godu // Zapiski Sibirskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshhestva. SPb.: Tipografiya Morskogo ministerstva, 1858. Knizhka V. 210 s.

6. Osokin G.M. Na granitse Mongolii: ocherki i materialy k ehtnografii YUgo-Zapadnogo Zabajkal'ya. SPb., 1906. S. 177-178.

7. Saburova N. Amurskoe zoloto // Rodina. 1999. № 3. S. 94-95.

8. Tal'ko-Gryntsevich YU.D. Semejskie (staroobryadtsy) v Zabajkal'e // Protokoly obshhego sobraniya Troitskosavsko-Kyakhtinskogo otdeleniya Priamurskogo otdeleniya RGO. Kyakhta, 1894. № 2. S. 25.

9. YAdrintsev N.M. Statisticheskie materialy k istorii ssylki v Sibir' // Zapiski Imperatorskogo RGO. SPb, 1889. T. VI. S. 311-395.

УДК 94:621.311.1(571.6)

*Маклюков С.Б.
Maklyukov S.B.*

Становление и развитие электроэнергетики Дальнего Востока в системе городского хозяйства в начале XX века

**Formation and development of electric power industry of municipal services in
the Far East in the early XX century**

В статье рассматривается деятельность органов местного самоуправления по электрификации городов Дальнего Востока и развитие электроэнергетики региона в системе городского хозяйства в начале XX века.

Ключевые слова: *электроэнергетика, электрификация, городское хозяйство, органы местного самоуправления, Дальний Восток*

The article deals with issue of activities of local authorities in electrification of cities in the Russian Far East region and the development of electric power industry of the municipal services in the early XX century.

Key words: *electric power industry, electrification, municipal services, local authorities, the Russian Far East*

Становление и развитие электроэнергетики в России связано с завершением промышленного переворота в конце 70-х – начале 80-х гг. XIX в. и началом электротехнической революции. Открытия русских учёных в области электричества, переход к фабрично-заводскому производству создавали благоприятные условия для широкого применения электричества в промышленности и быту. В 1879 г. в Петербурге был освещён электрическим светом Литейный мост, а в 1883 г. электричество пришло в Москву [15, с. 33].

На Дальнем Востоке переход к крупному фабричному производству в конце XIX века только начинался. Первопроходцами в электрификации региона стали военные г. Владивостока. С 1885 года береговые батареи этого города начали освещаться мощными дуговыми электрическими прожекторами, электричество для которых вырабатывалось с помощью паровых двигателей. В это же время во Владивостоке в Мингородке была построена электростанция мощностью всего несколько киловатт, используемая для освещения складов военно-морского ведомства [13, с. 75].

Первые электростанции на Дальнем Востоке стали появляться у частных лиц в 90-е гг. XIX в. «Домовые» энергоблоки обладали малой мощностью и использовались жителями для собственных нужд. Во Владивостоке первые небольшие электрические станции начали работать в магазинах и конторе торгового дома «Кунст и Альберс», в Благовещенске

– в здании торгового дома «И.Я. Чурин и К°», в Хабаровске – на мельнице Тифонтая [7, с. 23].

Устойчивый рост численности населения городов Дальнего Востока на рубеже XIX – начала XX в., развитие промышленности, жилищно-коммунальной инфраструктуры, увеличение спроса на электрический ток поставили перед органами местного самоуправления вопрос о сооружении электростанций общегородского значения, организации центральной подачи электрической энергии для жилых домов и предприятий.

Органам городского самоуправления предоставлялось несколько юридических форм хозяйственного управления: муниципализация, концессия и подрядная система. При этом большое значение придавалась первой из них. Сущность концессии заключалась в следующем: городская управа с предпринимателем заключала контракт, по которому последний на свои средства открывал какое-либо предприятие, получал от его пользования прибыль в течение определённого срока, и по окончании которого оно переходило в ведение муниципалитета. Подряд подразумевал «заказ» на поставку товаров и услуг или сдачу в аренду городской недвижимости, но без перехода права собственности. В решении тех или иных хозяйственных вопросов местные власти зачастую исходили из собственного понимания форм управления, хотя, не редко прибегая и к опыту городов других регионов.

Вопрос о строительстве центральных городских электростанций общего пользования возник на Дальнем Востоке в конце XIX века. С 1896 г. во Владивостокскую городскую управу от различных русских и иностранных фирм поступают предложения об организации в городе электрического освещения и электрического трамвая как концессионным, так и хозяйственным способом. Ввиду отсутствия средств на такое дело, городская дума обратилась в Министерство внутренних дел с просьбой о разрешении необходимого займа для города, в чём было отказано. Правительство в этот период основное внимание уделяло развитию более южных портов, чем Владивосток – Порт-Артуру и Дальнему. Тогда Военный Губернатор Н.М. Чичагов в ноябре 1899 г. добился от правительства разрешения на устройство электрического освещения в г. Владивостоке концессионным способом (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 233. Л. 185).

В апреле 1900 г. Владивостокская городская управа сделала объявления в газетах о вызове концессионеров, на которые откликнулись русские, немецкие, французские и американские фирмы. Также Владивостокская управа обратилась в Севастопольскую, Тамбовскую, Орловскую и другие городские управы с просьбами выслать заключённые договоры с концессионерами, построившими электростанции, для выработки собственного концессионного договора. Однако переписка, как с русскими, так и иностранными фирмами не приводила к положительным результатам: одни отказывались от концессии и предлагали выступить в качестве подрядчика, другие требовали подробных сведений и проектов строительства электростанции, которых управа не могла предоставить. Например, акционерное общество «Сименс и Гальске» расходы в размере 6000 руб. на командировку своего инженера во Владивосток просило взять на счёт города (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 233. Л. 111).

В октябре 1901 г. инженер М.М. Балихов от имени торгового дома «Комптон и Швабе» обратился во Владивостокское городское общественное управление с предложением на концессионных началах устройства электрического освещения и трамвая сроком концессии на двадцать один год. По данному обращению городская дума избрала особую комиссию, которая совместно со специалистами и предпринимателями должна была разработать технические проекты и условия концессии. Первое

заседание комиссии, в которой работали М.А. Ющенко, М.И. Суворов, М.М. Балихов и др., состоялось 2 ноября 1901 г. Место для строительства электростанции комиссией было первоначально определено на Первой Речке, затем расположение станции определили в Жариковском овраге, где планировалось поместить также трамвайное депо. Были составлены проекты концессионных договоров по строительству и эксплуатации электростанции и трамвая. Получив выработанные комиссией проекты, инженер М.М. Балихов выехал в Европейскую Россию и в телеграмме от 30 марта 1902 г. сообщил, что торговый дом «Комптон и Швабе» принимает все условия и до окончательного заключения договора переводит залог в размере 5000 руб. **(РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 233. Л. 238)**.

Однако на заседании 5 апреля 1902 г. Владивостокская городская дума постановила пересмотреть технические проекты, которые не получили одобрения в Министерстве внутренних дел, с требованием, что электрические провода по улицам Светланская и Алеутская необходимо провести под землёй. Это решение было передано по телеграфу торговому дому «Комптон и Швабе» и возвращён обратно залог. В своём ответе от 22 ноября 1902 г. торговый дом в виду изменения технических условий, предложил заключить концессию сроком на 38 лет и предложил: «1. Устроить на концессионных началах как электрическое освещение города, так и в частных и казённых домах... 5. За концессию установить городу 200 дуговых фонарей для освещения улиц... 6. Вместо паровых двигателей будут установлены паровые турбины... 12. Срок выкупа городом станции через 20 лет после начала эксплуатации...» **[10, с. 386]**. Дальнейшие переговоры с торговым домом и другими фирмами не привели к положительным результатам, а начавшаяся Русско-Японская война отодвинула решения вопроса об электрификации города Владивостока.

К обсуждению вопроса о строительстве электрических сооружений, освещения и трамвая во Владивостоке вновь приступили в марте 1906 г. Рассмотрев предложения фирм по строительству на концессионных началах, городская дума принимает решение: электрическую станцию, освещение и трамвай как высокодоходные предприятия сооружать на средства города. Для более правильного определения стоимости электрических сооружений Владивостокская управа сделала запросы в Санкт-Петербург, Пермь, Варшаву и другие города. За образец была взята Пермская городская электростанция. Согласно постановлению городской думы от 10 декабря 1907 г., стоимость электрических сооружений определялась финансовой комиссией в 646195 руб. **(РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 358. Л. 23)**.

Несколько другой подход в решении вопроса электрификации города имело Хабаровское городское управление. Хабаровская городская дума приступила к обсуждению вопроса об электрическом освещении и пуске электрического трамвая в центральной части города в марте 1901 г. Тогда же была создана специальная комиссия по решению этого вопроса из состава городской управы и гласных В.Ф. Петрова, Е.С. Москалева, Д.С. Богданова и др., а также приглашённых специалистов **[2, с. 169]**. Обсуждение комиссией этого вопроса затягивалось из-за отсутствия общего подхода и понимания, в результате конкретных предложений выработано не было.

К рассмотрению этого вопроса Хабаровская городская дума вернулась 18 ноября 1905 г., когда начальник Хабаровских артиллерийских мастерских С.Н. Ванков обратился с заявлением в думу об устройстве в городе электрического освещения. Полковник С.Н. Ванков, после отказа главнокомандующего войсками в Маньчжурии генерала А.Н. Куропаткина ассигновать 17 тыс. рублей для устройства электрического освеще-

ния военного собрания Хабаровского гарнизона и дома командующего войсками Приамурского военного округа, предложил группе хабаровских купцов и членам городской управы образовать «Товарищество на вере по электрическому освещению города» [11, с. 119]. Рассмотрев заявление Ванкова, городская дума передала обсуждение этого вопроса в недавно образованную водопроводно-канализационную комиссию.

13 декабря 1905 г. Хабаровская городская дума после заслушивания доклада комиссии об устройстве в городе электрического освещения постановила: «1. Принципиально признать устройство в г. Хабаровске электрического освещения желательным; 2. Отвести учреждаемому товариществу необходимый для предприятия участок земли на определённых условиях; 3. Вступить в это товарищество, приобретая 20 паёв на сумму 10.000 руб.» [2, с. 208-209]. Таким образом, товарищество было организовано и представлено двумя ответственными сторонами - Ванковым и членами городской управы.

Совместно с Хабаровским городским головой И.И. Еремеевым Ванков в 1906 году выпустил брошюру «Общие условия пользования электрической энергией из центральной станции Товарищества на вере по освещению Хабаровска электричеством». Товарищество объявляло, что электроэнергия будет подаваться всякому заявителю независимо от его общественного положения с 16 до 4 часов утра; по мере накопления специальных заявок абонентов намечалась и дневная подача [6, с. 3-5].

15 января 1906 года состоялось первое общее собрание пайщиков товарищества по эксплуатации электрической энергии, среди которых присутствовало и четыре представителя от городской управы. В феврале 1906 года городская дума утвердила проект Ванкова на строительство электростанции и предоставила земельный участок. Ванков заказал оборудование для электростанции у германской фирмы «Всеобщая компания электричества» (АЕG). В мае Товарищество приступило к строительству. Затем Ванков предложил создать под своим учредительством «Товарищество на паях для освещения электричеством города Хабаровска». Между «товариществом» и городским управлением был заключён договор, в который вошли все ранее разработанные пункты [8].

1 ноября 1906 года – на улицах Хабаровска вспыхнули электрические дуговые фонари. Жители города, пользовавшиеся услугами электрического освещения, стали пайщиками Товарищества. Мощность построенной электростанции составила 335 кВт, она действовала по трёхфазной системе постоянного тока, линии электропередачи имели напряжение в 500-550 вольт [12, с. 101]. Это была первая построенная городская электростанция общего пользования на Дальнем Востоке.

Неоднократно поднимало с 1900 г. вопрос об электрическом освещении и Благовещенское городское общественное управление. Но более детально к обсуждению этой проблемы Благовещенская городская дума приступила после обращения представителя «Русского Общества Всеобщей Компании Электричества» инженера К.М. Знанецкого в августе 1907 г. с предложением устройства в городе электрического освещения (РГИА ДВ. Ф. 755. Оп. 3. Д. 310. Л. 2). Тогда дума постановила: «1. Для обсуждения вопроса электрического освещения избрать комиссию из гласных Э.И. Шеффера, И.О. Мокшина, В.Е. Буянова... 3. Разослать жителям опросные листы о том, кто желает осветить свою квартиру электричеством...» (РГИА ДВ. Ф. 755. Оп. 3. Д. 310. Л. 2). Опросные листы показали, что большая часть опрошенных отдаёт предпочтение электрическому освещению, нежели керосиновому.

После рассмотрения вопроса об устройстве электрического освещения в г. Благовещенске комиссия, в работе которой приняли участие и специально приглашённые специалисты электротехники, пришла к вы-

воду о необходимости строительства городской электростанции фирмой «Всеобщая Компания Электричества». В ходе выбора формы хозяйственного управления предприятием практически все единогласно пришли к решению, что город не может всецело взять на себя строительство и эксплуатацию электростанции из-за отсутствия свободного капитала. Не может и передать это дело полностью в частные руки, и поэтому необходимо образовать товарищество на паях. Общий капитал товарищества составляет 250 000 руб., из которого 50 000 руб. или 1/5 часть принадлежит городу. Также принято решение, что в правление паевого товарищества обязательно входит лицо, избираемое городской думой для влияния на дела товарищества (**РГИА ДВ. Ф. 755. Оп. 3. Д. 310. Л. 7**). В итоге, Благовещенская городская дума, не сильно расходуя городской бюджет и имея рычаги управления в созданном по своей инициативе товариществе на паях, нашла решение в деле электрификации города.

В сентябре 1906 г. газетах появились объявления о приёме взносов от пайщиков «Товариществом по эксплуатации электрической энергии в г. Благовещенске». К ноябрю 1906 г. из числа 2500 паёв городу принадлежало 500, торговому «И.Я. Чурин и К^о» 300, предпринимателю П.В. Мордину 250, мещанскому обществу г. Благовещенска – 50 и т.д., всего принято взносов на 2016 паёв (**РГИА ДВ. Ф. 755. Оп. 3. Д. 310. Л. 137**). 30 января 1907 г. между «Товариществом» и городским управлением был заключён договор: «1. Благовещенское городское общественное управление даёт обязательство не разрешать иному предпринимателю, кроме паевого Товарищества, устройство и эксплуатацию электрических установок... 2. Обязательства принимаются на 25 лет... 3. По истечении первых 12 лет город имеет право выкупить всё предприятие... 4. Товарищество обязуется устроить станцию и уличное освещение в течение первого года со дня заключения договора... 9. Плата за отпускаемую электроэнергию частным абонентам не превышает 40 коп. кВт/час... 10. Плата за отпускаемую электроэнергию городу не может быть выше 20 коп. кВт/час...» (**РГИА ДВ. Ф. 755. Оп. 3. Д. 310. Л. 147-149**).

Благовещенская городская управа предоставила в бесплатное пользование участок земли на берегу р. Амура под строительство станции, которое началось в апреле 1907 г. Уже к сентябрю этого года Правление «Товарищества» на заказ оборудования и постройку станции израсходовало все денежные средства и обратилась в управу с просьбой сделать взнос на сумму 25 000 руб., что было полной неожиданностью для городского управления. Несмотря на дефицит бюджетных средств, городская дума постановила выдать необходимую сумму (**РГИА ДВ. Ф. 766. Оп. 1. Д. 41. Л. 99-об.**).

Общее собрание пайщиков «Товарищества по эксплуатации электрической энергии в г. Благовещенске» 8 марта 1908 г. для завершения постройки электрической станции приняло решение обратиться в городское управление как самому крупному пайщику с предложением взять оставшиеся свободные пай на сумму 60 000 руб. и завершить строительство. После длительного обсуждения этого вопроса Благовещенская городская дума 28 ноября 1908 г. постановила: «1. Паевое товарищество по эксплуатации электрической энергии со всем его активом и пассивом переходит путём выкупа в собственность Благовещенского городского общественного управления... 2...бывшие пайщики получают от городского управления внесённые за пай деньги в полной сумме равными частями в течение 5 лет, начиная с 1909 г.» (**РГИА ДВ. Ф. 755. Оп. 3. Д. 310. Л. 315**). Таким образом, построенная в ноябре 1908 г. электрическая станция в г. Благовещенске перешла в муниципальную собственность. Для управления предприятием при городской управе был создан электрический отдел.

После Владивостока, Хабаровска и Благовещенска об электрическом освещении задумался и уездный город Никольск-Уссурийский. В 1906 году там было образовано Уссурийское товарищество электричества, с которым городское общественное самоуправление заключило договор на устройство электрической станции [3, с. 3]. Она вступила в строй в 1909 году и стала снабжать электроэнергией общественные здания, дома зажиточных горожан, обеспечивать уличное освещение [5, с. 141].

Сложнее всего вопрос о строительстве городской электростанции решался в г. Владивостоке. В 1908-10 гг. Владивостокская городская дума ещё продолжала рассматривать предложения по изысканию средств на строительство станции, делая постоянные запросы Военному губернатору Приморской области, Министерству внутренних дел и Министерству финансов с просьбой на разрешение получения кредита. Необходимо отметить, что к тому времени во Владивостоке работали четыре частные электростанции (торговых домов «Кунст и Альберс», «Чурин и К°», Радомышельского и Чирвинского), которые обеспечивали электричеством Русско-китайском банк, театр и гостиницу «Тихий океан», здания фирмы «Кунст и Альберс», магазины Пташникова, Лангелитье, Чурина, Заварзина, Янковского, а также частных абонентов.

В феврале 1911 г. Военный Губернатор уведомил, что Владивостокская городская управа для строительства будет пользоваться кредитом в пределах, не превышающих общую сумму задолженности города. Сибирский торговый банк согласился открыть кредит в форме отдельного текущего счёта под 7 % годовых. 16 февраля 1911 г. проект центральной электростанции, разработанный инженером С.К. Токаржевским по поручению технико-строительной комиссии, был рассмотрен и одобрен экспертами и специалистами. Станцию было решено построить около Безымянной батареи на улице Тюремной, 20. Стоимость электрической станции и сети определялось в 564000 руб. (РГИА ДВ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 6. Л. 171). Договор на строительство электростанции был заключён с «Всеобщей компанией электричества» 5 марта 1911 г. (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 408-а. Л. 42).

Для проектирования, строительства и эксплуатации сооружений электростанции, уличного освещения, трамвая и телефонной сети при Владивостокском городском самоуправлении был организован отдел электрических сооружений, первым заведующим которого был назначен городской инженер-электрик С.К. Токаржевский. В марте 1911 г. началось строительство городской станции, а уже в январе-феврале 1912 г. проводились испытания электрооборудования и электросети. К 18 февраля они закончились, и станция мощностью 1350 кВт пущена в постоянную эксплуатацию (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 408-а. Л. 51). Это была самая мощная электрическая станция, построенная на Дальнем Востоке в начале XX века.

28 марта 1911 года Владивостокская городская дума подписала контракт с А.К. Громадзским и Х.А. Циммерманом на строительство и эксплуатацию электрического трамвая, а 27 мая 1911 года им был передан подряд на его строительство. Сооружение трамвайной линии протяжённостью 5,5 км было завершено 16 октября 1912 года, горожан обслуживало 10 вагонов. Город имел право через пять лет после начала платного движения выкупить у концессионеров трамвай (предприятие) за 150 тыс. руб. (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 401. Л. 33).

В 1912 г. задумалась о постройке электрического трамвая и электростанции городская дума г. Николаевска-на-Амуре. В 1914 году правительство Российской Империи утвердило программу развития речного и морского торгового порта в Николаевске-на-Амуре. В инфраструктуру

ру порта входила и электростанция. Первая электростанция на городские средства была построена в 1915 г. Её мощность составляла 90 кВт. (РГИА ДВ. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 2613. Л. 16).

В соседнем городе Зея в 1913 г. мещанин В.С. Яворский заключил договор с управой на аренду участка городской земли для устройства электрической станции. Но из-за небольшого числа жителей г. Зея (на 1910 г. 5354 человека) и всего 40 подключившихся абонентов через год Яворский оказался в убытке, и не найдя поддержки у местных властей, оставил своё дело (РГИА ДВ. Ф. 939. Оп. 1. Д. 6. Л. 11).

В г. Петропавловске-Камчатском первая коммунальная электростанция была построена в августе 1914 г. младшим чиновником А.П. Жуковским с разрешения Генерал-губернатора. Частная станция мощностью всего 12 кВт подавала энергию для освещения магазинов и частных домов на центральной улице Большой [14, с. 60].

Таким образом, городские власти по-разному подходили к решению данного вопроса. Успешность электрификации отдельных городов региона зависела от спроса на электрическую энергию, стоимости энергии и прибыльности электростанций.

Стоимость электрической энергии на муниципальных и частных электростанциях определялась по-разному. Тариф стоимости электроэнергии муниципальных станций рассчитывался в интересах города и утверждался постановлением городской думы, на станциях частных фирм определялся общим решением акционеров или владельцем. Поэтому существовала различная стоимость электроэнергии в городах Дальнего Востока и других регионов в начале XX в. Во Владивостоке стоимость электроэнергии при наличии счётчиков составляла 28 коп. кВт. час, в Благовещенске 30 коп. кВт. час, в Хабаровске, Никольск-Уссурийске и Петропавловске-Камчатском – 40 коп. кВт. час. [6, 7, 14].

Несмотря на достаточно высокую стоимость электрической энергии, спрос на неё продолжал расти. Электрический ток «проникал» во все сферы жизнедеятельности общества. Владельцы фирм и предприятий были особенно заинтересованы в таком виде энергии. К июню 1914 число абонентов Владивостокской городской электростанции достигало 1785 (РГИА ДВ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 15. Л. 171). В первый же год эксплуатации станции выяснилось, насколько велик спрос на электроэнергию во Владивостоке. Станция работала при значительной перегрузке. Уже в марте 1913 г. стал рассматриваться проект расширения электростанции и электросети на сумму 417866 руб., а в июне 1914 г. из Германии был заказан новый турбогенератор мощностью 2250 кВт. (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 499. Л. 7,8). В 1916 г. на расширение Благовещенской городской электростанции было заложено 145438 руб. (РГИА ДВ. Ф. 755. Оп. 2. Д. 1373. Л. 3).

Следует отметить, что муниципальные электрические станции стали высокодоходными предприятиями города и «электробизнес» приносил внушительную прибыль. Владивостокская городская электростанция в первый год эксплуатации (1912 г.) дала 88598 руб., а уже в 1915 г. – 309333 руб. чистой прибыли (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 500. Л. 18а). Благовещенская городская станция за 1912 г. принесла 140818 руб. годового дохода (РГИА ДВ. Ф. 755. Оп. 2. Д. 1055. Л. 12). Даже в небольшом городе Николаевске-на-Амуре муниципальная электростанция в 1915 – 1916 гг. в среднем давала 50000 руб. годовой прибыли.

Доходность электростанций подталкивала городские власти к выкупу их у частных фирм или строительству собственных. С другой стороны значительно меньшая стоимость электрической энергии муниципальных станций по сравнению с частными, заставляла местные власти искать выход из энергетической монополии.

В январе 1908 г. в Хабаровской городской думе обсуждали проблему освещения городских улиц и возможности перехода вновь к керосиновым фонарям, которые обходились городу дешевле электрических. Предполагалось, в частности, для контроля над стоимостью электрической энергии выкупить у акционерного общества электростанцию, однако после 2-х летнего обсуждения этого вопроса по финансовым соображениям от этой идеи отказались. Хабаровская дума решила усилить освещение городских улиц керосиновыми фонарями. В 1913 г. в городе имелось 54 электрических, 15 керосиновых, 20 керосиново-калильных фонарей [4, с. 47].

Вновь к вопросу о выкупе электрической станции Хабаровская городская дума вернулась в январе 1915 г. Предполагалось постепенно, не прибегая к займам, в течение 8 – 10 лет путём приобретения акций у акционерного общества выкупить электрическое предприятие [11, с. 119]. Однако переговоры и затягивание решения этого вопроса не привели к положительным результатам, электростанция перешла в собственность города путём национализации только в 1923 г. Так же дело обстояло и в г. Никольск-Уссурийске, где в течение 1912 г. городская дума рассматривала вопрос о возможности выкупа предприятия у «Уссурийского Товарищества электричества». Но финансовые затруднения так и не позволили реализовать этот проект [9, с. 160].

Построенные городские центральные электростанции оснащались почти полностью иностранным оборудованием, преимущественно немецким. На большинстве станций устанавливались двигатели внутреннего сгорания, локомобили и паровые машины, жаротрубные и цилиндрические котлы низкого давления. В качестве топлива использовались местный каменный уголь и дрова.

В начале XX в. многие виды электрооборудования, кабеля и другая техника уже производились в России. Из-за рубежа привозили большей частью лампы накаливания и дуговые фонари. Ввиду увеличения числа пользователей электроэнергии на Дальнем Востоке в г. Владивостоке разместились Владивостокское отделение русских электрических заводов немецкой фирмы «Сименс и Гальске» и Владивостокское отделение немецкой фирмы «Всеобщая компания электричества» (АЕГ), производящих электрическое оборудование. Через эти отделения делали заказы Акционерное общество электрической энергии г. Хабаровска, Уссурийское товарищество электрической энергии, управы г. Благовещенска и г. Николаевска-на-Амуре. Например, в 1916 г. Благовещенская управа сделала через Владивостокское отделение Русского общества «АЕГ» заказ 3 трансформаторов и 2500 метров кабеля на общую сумму 8125 долларов (РГИА ДВ. Ф. 755. Оп. 3. Д. 570. Л. 199).

Технически сложное оборудование, новизна вида деятельности, отсутствие позитивного опыта устройства электростанции и обеспечения бесперебойного электрического освещения городских улиц, жилых домов и предприятий, приводили к различным проблемам на начальном этапе электрификации городов. Например, на Владивостокской городской станции только за 1915 г. из-за технических неполадок 4 раза происходила её остановка, с 28 по 31 декабря 1915 г. из-за разрыва трубопровода Владивосток оставался без электричества на 3 суток (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 503. Л. 78 а). Следовательно, городское управление допустило явные просчёты в сооружении электрического предприятия, что в последующие годы потребовало дополнительных средств на модернизацию и переоснащению станции.

Кроме этого, с началом эксплуатации муниципальных и частных электростанций возникала проблема обеспечения противопожарной безопасности, охраны труда служащих и рабочих станции и их социаль-

ного страхования. В условиях динамичного развития электроэнергетики региона эта проблема заметно обострилась, т.к. количество трудящихся на энергопредприятиях неуклонно росло. Например, на Владивостокской городской электростанции в 1913 г. трудилось свыше 55 человек (такая численность рабочих была на среднем промышленном заводе), на Благовещенской городской станции в 1909 г. трудилось 27 человек (РГИА ДВ. Ф. 755. Оп. 2. Д. 893. Л. 97).

Случаи травмирования и гибели рабочих фиксировались как на частных, так и городских электростанциях. Например, на Благовещенской городской электростанции 4 ноября 1916 г. погиб рабочий П.И. Кириллов. Его вдова, Н.М. Кириллова, оставшись с сыном без кормильца, обратилась в городскую управу с заявлением о выплате компенсации. Согласно закону от 2 июня 1903 г. ст. 12 и 19 городская управа назначила Н.М. Кириловой выплату единовременного пособия за смерть мужа в размере 1126 руб. 60 коп. (РГИА ДВ. Ф. 755. Оп. 2. Д. 1055. Л. 18).

Таблица 1. Электростанции общего пользования в городах Дальнего Востока. 1906-1917 гг.

Электростанция	Год начала эксплуатации	Первоначальная мощность, кВт	Мощность в 1917 г., кВт	Источник энергии	Собственник
Хабаровская	1906	335	890	Уголь	Акционерное общество электрической энергии г. Хабаровска
Благовещенская	1908	480	1750	Дрова	Городская управа
Никольск-Уссурийская	1909	155	-	Уголь	Уссурийское товарищество электричества
Владивостокская	1912	1350	3600	Уголь	Городская управа
В Петропавловске-Камчатском	1914	12	-	Дрова	Частный владелец А.П. Жуковский
В Николаевке-на-Амуре	1915	90	-	Дрова	Городская управа

Источник: (РГИА ДВ. Ф. 755. Оп. 2. Д. 788. Л. 13-об; Ф. 159. Оп. 1. Д. 6. Л. 171; Ф. 28. Оп. 1. Д. 499. Л. 10; Ф. 1133. Оп. 1. Д. 2613. Л. 16. ; Ф. 702. Оп. 2. Д. 823. Л. 2; Ф. 52. Оп. 1. Д. 48. Л. 6).

Можно заключить, что в начале XX в. органы местного самоуправления городов Дальнего Востока активно содействовали частным лицам и непосредственно участвовали в строительстве электростанций и организации электрического освещения, в чём добились определённых успехов. Наиболее крупными являлись муниципальные электростанции, построенные концессионным (Благовещенск) или хозяйственным (Владивосток) способом. По времени начала строительства электростанций муниципальные власти Дальнего Востока заметно отставали от городов Европейской России. Тем не менее, развитие электрификации в регионе быстро набирало силу. Например, Владивостокская городская электрическая станция, построенная в 1912 г., по своей мощности к 1917 г. превосходила самую крупную в Сибири Иркутскую городскую станцию [1, с. 31].

Городские центральные электростанции общего пользования со сложной структурой и оборудованием являлись технически самыми совершенными и наиболее рентабельными предприятиями города. Электричество постепенно вытесняло другие источники энергии, освещало улицы и жилые дома, объекты социальной инфраструктуры, внедрялось на промышленных предприятиях. Центральные электростанции входили в число наиболее крупных предприятий города, как по стоимостному выражению продукции, так и по числу рабочих. Тем не менее, ещё недостаточная мощность станций и высокая стоимость электрической энергии не удовлетворяли потребительского спроса.

Несмотря на все трудности, электрификация, безусловно, способствовала росту местной экономики, изменению социально-культурного облика городов, развитию благоустройства и транспортной системы. Например, во Владивостоке в дореволюционный период успешно удалось реализовать проект электрического трамвая.

Литература

1. Алексеев В.В. Электрификация Сибири. Историческое исследование. Ч. 1. 1885 – 1950 гг. Новосибирск, 1973. 284 с.
2. Бодиско А.М. Из жизни Хабаровска. Хабаровск, 1913. 304 с.
3. Дальний Восток, 1906, 2 сентября.
4. Известия Хабаровского городского общественного управления. Хабаровск, 1913, № 9-10. 139 с.
5. Кузнецов А.С. Никольск-Уссурийский: штрихи к портрету. Уссурийск, 1997. 224 с.
6. Общие условия пользования электрической энергией из центральной станции товарищества на вере по освещению г. Хабаровска электричеством. Хабаровск, 1906. 9 с.
7. Позняк Т.З. Жилищные и бытовые условия в дальневосточных городах (вторая половина XIX – начало XX в.) // Россия и АТР. 2008. № 1. С. 18-32.
8. Проект договора товарищества на паях для освещения города Хабаровска электричеством. Хабаровск, 1906. 6 с.
9. Сергеев О.И., Лазарева С.И., Тригуб Г.Я. Местное самоуправление на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – начале XX в. Владивосток, 2002. 296 с.

10. Систематический сборник постановлений Владивостокской городской думы за 1901 – 1912 гг. Владивосток, 1913.
11. Скрабневская, Е. С. Роль органов городского самоуправления в создании электрического освещения в городе Хабаровске. // Сборник статей молодых учёных. Часть 2. / Под ред. Л. И. Никитиной и др. Хабаровск: ХГПУ, 2002. С. 112-121.
12. Спутник. Адрес-календарь и торгово-промышленный указатель Дальнего Востока. Сост. И.С. Кларк. Иркутск, 1911. 280 с.
13. Тарасов П.В. О начальном этапе развития электроэнергетики Приморья // Вопросы экономики Дальнего Востока. Благовещенск, 1960. Т. 2. С. 75-84.
14. Хлыпалов В.М. Электрификация Петропавловска-Камчатского (1910 – 1970 гг.) // Краеведческие записки Петропавловск-Камчатский : Дальиздат, Камч. отд-ние, 1991. Вып. 7. С. 60-81.
15. Coopersmith J. The Electrification of Russia, 1880 – 1926. Ithaca, N. Y., 1992. 274 p.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Alekseev V.V. EHlektrifikatsiya Sibiri. Istoricheskoe issledovanie. CH. 1. 1885 – 1950 gg. Novosibirsk, 1973. 284 s.
2. Bodisko A.M. Iz zhizni Khabarovska. Khabarovsk, 1913. 304 s.
3. Dal'nij Vostok, 1906, 2 sentyabrya.
4. Izvestiya Khabarovskogo gorodskogo obshhestvennogo upravleniya. Khabarovsk, 1913, № 9-10. 139 s.
5. Kuznetsov A.S. Nikol'sk-Ussurijskij: shtriki k portretu. Ussurijsk, 1997. 224 s.
6. Obshhie usloviya pol'zovaniya ehlektricheskoy ehnergiej iz tsentral'noj stantsii tovarishhestva na vere po osveshheniyu g. Khabarovska ehlektrichestvom. Khabarovsk, 1906. 9 s.
7. Poznyak T.Z. ZHilishhnye i bytovye usloviya v dal'nevostochnykh gorodakh (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) // Rossiya i ATR. 2008. № 1. S. 18-32.
8. Proekt dogovora tovarishhestva na payakh dlya osveshheniya goroda Khabarovska ehlektrichestvom. Khabarovsk, 1906. 6 s.
9. Sergeev O.I., Lazareva S.I., Trigub G.YA. Mestnoe samoupravlenie na Dal'nem Vostoke Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale KHKH v. Vladivostok, 2002. 296 s.
10. Sistemicheskij sbornik postanovlenij Vladivostokskoj gorodskoj dumy za 1901 – 1912 gg. Vladivostok, 1913.
11. Skrabnevskaya, E. S. Rol' organov gorodskogo samoupravleniya v sozdanii ehlektricheskogo osveshheniya v gorode Khabarovske. // Sbornik statej molodykh uchyonykh. CHast' 2. / Pod red. L. I. Nikitinoj i dr. Khabarovsk: KHGPU, 2002. S. 112-121.
12. Sputnik. Adres-kalendar' i torgovo-promyshlennyj ukazatel' Dal'nego Vostoka. Sost. I.S. Klark. Irkutsk, 1911. 280 s.
13. Tarasov P.V. O nachal'nom ehstape razvitiya ehlektroehnergetiki Primor'ya // Voprosy ehkonomiki Dal'nego Vostoka. Blagoveshhensk, 1960. T. 2. S. 75-84.
14. KHlypalov V.M. EHlektrifikatsiya Petropavlovsk-Kamchatskogo (1910 – 1970 gg.) // Kraevedcheskie zapiski Petropavlovsk-Kamchatskij : Dal'izdat, Kamch. otd-nie, 1991. Vyp. 7. S. 60-81.
15. Coopersmith J. The Electrification of Russia, 1880 – 1926. Ithaca, N. Y., 1992. 274 r.

УДК 325.254.4:32

*Лазарева С.И., Шпилева А.Н.
Lazareva S.I., Shpileva A.N.*

Российская эмиграция и развитие образования в Маньчжурии 20-40-х годов XX века

Russian emigration and education in Manchuria in 20-40s of XX century

В статье рассматриваются различные аспекты влияния после-революционной российской эмиграции «первой волны» на социально-политическую, культурную и экономическую жизнь Маньчжурии через воссоздание за пределами России системы традиционного российского образования.

Ключевые слова: образование, эмиграция, русская культура, просвещение, интеллигенция, Маньчжурия, Китай, японизация

The article discusses various aspects of the impact of post-revolutionary Russian emigration «first wave» of the socio-political, cultural and economic life of Manchuria through recreation outside Russia of traditional Russian education.

Key words: education, immigration, russian culture, education, intelligence, Manchuria, China, japanization

Продолжая исследование различных аспектов влияния после-революционной российской эмиграции «первой волны» на социально-политическую, культурную и экономическую жизнь Маньчжурии, авторы в данной статье рассматривают созданную вдали от родины систему традиционного российского образования.

Русская колония в Маньчжурии сформировалась в три основных этапа и включала старожилов, прибывших и осевших в Маньчжурии до Октября 1917 года; эмигрантов-участников белого движения и солидарных с ними, включая семьи ушедших в Китай в 1917–1922 годах; а также российских граждан, прибывших из СССР после 1922 года. Основная масса беженцев поселилась в Харбине, где к 1929 году проживало более 160 тыс. человек, русских эмигрантов из них – 30362 человека, семей – 8156. Всего же в 1930 году в Китае насчитывалось 125 тыс. россиян, из них 110 тыс. проживали в Маньчжурии и лишь 15 тыс. – в других районах страны (ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 218. Л. 8).

Важно отметить, что русские эмигранты сумели сохранить родной язык, русские национальные обычаи и традиции, культуру быта и труда, способствовали модернизации образования и созданию такой образовательной системы, которая удовлетворяла практические запросы и духовные интересы не только русского, но и китайского населения. Она

ЛАЗАРЕВА Светлана Ивановна, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток)

ШПИЛЁВА Алла Николаевна, доцент кафедры культурологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (г. Владивосток)

включала в себя общеобразовательные школы, гимназии, коммерческие училища, высшие учебные заведения. Характерной особенностью в учебных заведениях являлся билингвизм (преподавание на русском и китайском языках), смешанное образование. В Харбине были задействованы особые механизмы сохранения «русскости», адаптации российских эмигрантов к местным условиям и полосе отчуждения КВЖД, которые складывались исторически на протяжении десятков лет. Русская школа в Маньчжурии выступала в роли не только хранительницы национальных ценностей, но и передавала молодому поколению, в том числе и китайцам, большую часть русских достижений, традиций и культурного наследия.

Система школьного образования базировалась на российской дореволюционной модели, которая включала в себя как начальные школы, так и средние учебные заведения.

Развитие школьного образования в полосе отчуждения КВЖД шло по двум статьям расходов: на средства управления дороги и от частной инициативы. Первая русская школа в Маньчжурии была открыта на средства КВЖД в 1898 году в Старом Харбине. Возглавил её педагог И.С. Степанов. Далее школы стали появляться не только в административном городе Харбине, но и вдоль железной дороги, в посёлках и на крупных станциях. Преимущество при приёме отдавалось детям, чьи родители работали или были связаны с железной дорогой. Несмотря на тяжёлое положение в годы русско-японской войны учебный процесс не прекращался, а школы продолжали строиться. Рост населения в полосе отчуждения за счёт свободных поселенцев, не имевших отношения к деятельности железной дороги, вызывал насущную потребность в создании частных школ, гимназий и других учебных заведений.

Первая 4-х классная гимназия была открыта в Харбине в 1903 году М.С. Генерозовой, ранее преподававшей в Смольном институте Петербурга и отдавшей педагогической деятельности 35 лет (**ГАХК. Ф. 1128. Оп. 1. Д. 78, л.186-190**). М. А. Оксаковская в 1906 году основала первую Харбинскую женскую гимназию. Воспоминания о времени учёбы в ней сохранила наша соотечественница, известная поэтесса и танцовщица восточной ветви русского зарубежья Ларисса Андерсен.

В 1925 году в Харбине также открывается Гимназия Христианского союза молодых людей (РХСМ). Она имела обширную программу деятельности, основанную на традициях русской классической культуры, целью которой было развитие у молодого поколения эмигрантов стремления к упорной работе над своим образованием. Учащимся предлагалось самостоятельно выбирать пути и формы самообразования, создавались благоприятные условия для развития христианской культуры у юношей и девушек. Кроме русских в гимназии также учились поляки, сербы, татары, грузины, корейцы, китайцы. Это способствовало межнациональному сближению, расширяло познания гимназистов в области культуры, традиций, обычаев других народов.

Кроме теоретических курсов по истории, литературе, естественным наукам большое внимание уделялось воспитанию у молодых людей высоких нравственных качеств и гражданской позиции. В этом им помогали талантливые педагоги такие, как А.А. Ачаир-Грызов, Н.А. Мирандов, Т.П. Гордеев, Е.Н. Киструсская и другие. Так, Алексей Алексеевич Ачаир-Грызов, помимо преподавательской деятельности, активно и вполне успешно занимался литературным творчеством. Он был руководителем литературной студии «Молодая Чураевка», созданной на базе ХСМЛ, как «независимый национальный центр культуры христианского, рыцарского, русского братства» в 1926 году. Молодёжи нравилось, когда учитель читал свои стихи, аккомпанируя себе на рояле. Здесь вы-

ступали с интересными сообщениями Вс. Иванов, Арсений Несмелов, Н.К. Рерих. Беседы и доклады, концерты и собрания, театральные постановки происходили еженедельно [1, с. 23].

Трудно переоценить роль школ и гимназий, в условиях зарубежья позволивших родителям дать детям русское образование и воспитание, сохранить родной для них язык, национальную самобытность и культуру.

В Маньчжурии, и это подтверждается рядом исследований, сложились довольно благоприятные условия для образовательной деятельности в отличие от европейских стран, где также обосновались эмигранты «первой волны». В частности, в Германии, Франции со второй половины 20-х годов дети эмигрантов, как правило, посещали местные школы. Русские же учебные заведения, которые функционировали лишь за счёт частных пожертвований самих эмигрантов и незначительной помощи со стороны правительств-стран проживания, закрывались по причине скудности поступлений средств, а дисциплины, призванные знакомить детей с русской культурой, изучались частным порядком. К концу 1929 года в странах Европы имелось лишь 37 русских средних школ, где обучались около 5,5 тыс. учащихся [10, с. 360]. Данное обстоятельство позволило Харбину в этом отношении занять лидирующие позиции. Этому способствовали и особые механизмы сохранения «русскости» и адаптации русских эмигрантов к местным условиям в Харбине и полосе отчуждения КВЖД, которые складывались исторически на протяжении десятков лет. Дети эмигрантов в Маньчжурии, как правило, не посещали китайскую школу. У них был выбор между русской и англоязычной (английской или американской) школами. В большинстве случаев родителями предпочтение отдавалось русскому образованию.

Необходимо отметить, что подобные результаты сохранения традиций русской школы и их развития в чрезвычайно сложных условиях эмиграции были достигнуты также благодаря поистине подвижническому труду педагогов.

Так, в школах КВЖД к концу 1930 года трудилось 420 учителей, 77 человек из них имели высшее образование, неполное высшее – 101, средне-специальное – 73, остальные – среднее [7, с. 41]. Примечательно то, что к этому периоду в школах не осталось педагогов с неполным средним образованием, тогда как десятью годами ранее их было около 50 чел.

В период с 1922 по 1930 год более чем в два раза возросло число учителей, имеющих стаж работы от 11 до 15 лет и от 16 до 20 лет. Менялся и возрастной состав преподавателей. Если в 20-е годы основу педагогических коллективов составляла молодёжь от 20 до 30 лет и люди среднего возраста от 31 до 40 лет, то в 30-х годах почти вдвое возросло количество учителей среднего возраста, имеющих хорошее образование, педагогический стаж и немалый жизненный опыт, что, естественно, сказалось и на качестве образования. Подобная картина наблюдалась и в других русских учебных заведениях Китая [4, с. 66].

В целях лучшей организации школьного процесса в 1906 году был образован учебный отдел, которым в течение 20 лет руководил талантливый педагог, подвижник и администратор Н.В. Борзов. Созданное в 1908 году Харбинское общественное управление (ХОУ) взяло на себя содержание всех школ, где обучались дети, не служивших на дороге родителей. Расходы ХОУ на учебную часть до 16% всего городского бюджета и имели тенденцию к росту (ГАХК. Ф. 831. Оп. 2. Д. 42. Л. 95). В 1910 году ХОУ получило полную самостоятельность в содержании своих школ, а школы, содержавшиеся на средства железной дороги и частные, находились под патронажем учебного отдела КВЖД.

За 10 лет с момента появления первой школы в полосе отчуждения КВЖД (1898–1908 гг.) вдоль линии дороги насчитывалось 18 начальных школ с 50 преподавателями и 1825 учащимися. Но уже к 1917 году в Маньчжурии было 50 начальных школ, 22 из которых – железнодорожных, мужское и женское коммерческие училища, трёхклассная торговая школа и технические классы при Харбинских железнодорожных мастерских. Имелись две частные женские гимназии, частное мужское учебное заведение 1-го разряда, 5 начальных школ и школа-приют для детей офицеров и нижних чинов пограничной стражи Заамурского округа, одно высшее начальное училище, содержавшееся на средства ХОУ.

Следует отметить, что в русские школы принимались и китайские дети. К примеру, в 1903 году в Харбине была открыта Образцовая русско-китайская школа, в которой занималось 20 китайских мальчиков. В Цицикаре работала русская школа для китайцев, где учились 35 китайских детей [5, с. 158]. При главных железнодорожных мастерских в Харбине были созданы вечерние курсы, где учились и одновременно приобретали специальность русские и китайские подростки.

Повышению внимания к распространению знаний среди китайских детей послужило то, что в Южной Маньчжурии, отошедшей после войны к Японии, японцы проводили активные преобразования в области образования. Потому подготовка будущих кадров для КВЖД, воспитание русских и китайцев в духе взаимной солидарности стало одной из важнейших забот администрации КВЖД. Учебные заведения, где обучались китайцы, строились и содержались за счёт дороги. По окончании среднего учебного заведения китайские подростки могли продолжить учёбу в России, а также в местных учебных заведениях (РГИА ДВ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 684. Л. 29). Практика совместного обучения русских и китайских детей продолжалась и в советское время, но обучение для всех стало платным. Содержание одного русского ученика в школе 1-й ступени в 1926 году составляло 69,9 руб., а китайского – 77,5 руб., в школе 2-й ступени – 137,7 руб. и 272 руб. соответственно. Разница в оплате объяснялась тем, что китайские учебники и методические материалы обходились дороже, чем русские [3, с. 199].

С переходом КВЖД в совместное управление заметно увеличилось количество школ для детей китайских служащих и рабочих. Принимались в них и дети частных лиц китайского происхождения. К концу 30-х годов функционировали 16 городских и линейных, две частные школы, среднее учебное заведение, училище Пу Юй и специализированное училище, имевшее название «Юбилейное техническое училище имени первого председателя правления дороги Сюй Цзинчена».

Наряду с организацией школьного образования в Маньчжурии русские эмигранты в эти же годы приступили к созданию системы высшего образования.

В 1922 году на базе Русско-китайского техникума после соответствующих преобразований был основан Русско-китайский политехнический институт, со временем ставший крупнейшим высшим учебным заведением среди 6 русских вузов Харбина. Своим основанием институт, прежде всего, обязан КВЖД. Администрация дороги предоставила институту помещение, необходимое оборудование, а также приняла решение о выделении ежегодной субсидии в 75 тысяч рублей золотом [8, с. 525]. Помимо этого в финансировании проекта приняли участие Харбинский Биржевой комитет и частные лица.

Коллегиальным органом института было правление, избиравшееся ежегодно из русских и китайских представителей. Российская сторона была представлена

В.Ф. Ковальским, С.Ц. Оффенбергом, П.С. Тищенко и др. Предсе-

дателем правления являлся Н.Л. Гондатти, первым директором – инженер А.А. Шёлков (1920–1925). Институт имел два факультета: электромеханический и инженерно-строительный, а также подготовительные курсы для китайских студентов. В феврале 1928 года институт переименовывается в Политехнический институт Особого района Восточной провинции, а уже в ноябре – в Харбинский политехнический институт (ХПИ), в правление которого стали входить представители СССР на КВЖД и высшей китайской администрации.

Десятилетний юбилей института в 1930 году был широко отмечен не только самим коллективом, но и общественностью Харбина. К тому времени уже было создано 17 кафедр и 4 доцентуры, количество студентов составляло 902 человека [6, с. 125-126]. В ХПИ преподавали С.П. Тимошенко, П.Ф. Козловский, О.М. Обухов, Н.К. Пафнутьев, П.С. Свиридов и другие.

После оккупации Маньчжурии Японией ХПИ в 1934 году был закрыт для русских студентов, русский служебный персонал уволен. Однако часть бывших преподавателей организовала курсы при Христианском союзе молодых людей под названием Северо-Маньчжурский политехнический институт. Претерпев ещё ряд преобразований, после освобождения Маньчжурии Советской Армией в декабре 1945 года ХПИ открылся вновь. К концу 1949 года число его выпускников составляло более чем 3500 человек. В связи с образованием КНР правительство Советского Союза 7 июня 1950 года передало институт китайской стороне. К 1955 году использование русского языка в ХПИ было отменено [8, с. 525].

Кроме политехнического института в Харбине в 30-е годы работали ещё пять вузов, в которых было более 1600 русских студентов. По количеству наших соотечественников, обучавшихся в высших учебных заведениях, Харбин уступал только Парижу, где в 1928 году насчитывалось 2385 русских студентов-эмигрантов [6, с. 125-126].

В 1920 году русскими профессорами был основан Харбинский юридический факультет с тремя отделениями: юридическим, экономическим, ориентальным. В нём работали 34 русских преподавателя-эмигранта (ГАХК. Ф. 1128. Оп. 1. Д. 129. Л. 60, 75, 78).

В этом же году создаётся и Педагогический институт. Среди его выпускников О.М. Макарова, Л.М. Добржанская, К.М. Имшеницкая и др. Посвятившие свою жизнь педагогической деятельности, обладавшие высокими гражданскими качествами, они стремились сформировать у студентов национальное самосознание, любовь к родине и всему русскому. Многие женщины, окончившие Харбинский педагогический институт, пошли работать в русские учебные заведения, которых к началу 30-х годов насчитывалось 74 без учёта вузов, спецшкол, кратковременных курсов. Всего же в средних и начальных учебных заведениях в 1930 году качестве преподавателей работали более 150 женщин.

В 1925 году был открыт Институт ориентальных и коммерческих наук.

Популярностью также пользовались Северо-Маньчжурский университет, где наряду с русскими обучались и китайские студенты, а также Институт иностранных языков.

К 1932 году получили вузовское образование 6 тысяч русских (ГАХК. Ф. 1128. Оп. 1. д. 41. Л. 8, 13, 14).

И если главной задачей начальной и средней школы было изучение родного языка и знакомство с русской культурой, то высшая школа рассматривала своё предназначение гораздо шире. Помимо подготовки студенческой молодёжи к активной профессиональной и общественной деятельности ставилась задача создания условий для русской интеллигенции продолжать свою научную и творческую деятельность за преде-

лами родины. Стремясь сохранить российские традиции, вероисповедание, культуру, преподаватели были искренне уверены, что готовят кадры для будущей России. Эта уверенность держалась на устойчивой убеждённости эмигрантов в скором возвращении на родину и желании дать достойное образование своим детям.

В начале 30-х годов во многих странах, где проживали русские эмигранты, стали создаваться Объединения русских, окончивших высшие учебные заведения за рубежом (ОРОВУЗы). Их целью было оказание всевозможной помощи нуждающимся студентам, прежде всего, в успешном завершении образования, а также содействие в трудоустройстве русских специалистов. Одним из первых ОРОВУЗ появился во Франции.

В 1932 году при Харбинском комитете помощи русским беженцам был организован ДальОРОВУЗ под председательством профессора Н.Е. Эсперовой. Почётным председателем являлся генерал Д.Л. Хорват, учредителями стали 19 человек, в том числе Б.С. Румянцев, А.Е. Грачёв, М.М. Покровский и др.

На первом съезде вышеуказанных объединений, проходившем в сентябре 1932 года в Париже, представители от шести стран, в том числе и Маньчжурии, приняли постановление, узаконившее деятельность объединения, а также его программу и Устав.

ДальОРОВУЗ помимо помощи студентам-эмигрантам в Китае, изыскивал возможности обучения молодых людей в других странах, в частности, в США. В первый год своей деятельности организация насчитывала 76 человек, но уже через год в её рядах состояло 159 человек. Это были юристы, педагоги, синологи, инженеры из Харбина, Шанхая, Мукдена, Тяньцзиня.

Японская оккупация Маньчжурии, как мы уже упоминали ранее в отношении ХПИ, подвергла последовательной «японизации» всю систему образования. Этот процесс начался ещё в 20-х годах на территории Квантунской области и в зоне отчуждения КВЖД.

С марта 1932 года в Маньчжоу-Го стали пребывать японские специалисты в различных областях образования, началось издание новых учебников, учебных пособий и другой методической литературы, в основу содержания которых были положены морально-этические принципы конфуцианства.

Цель создания новых учебников – дать интерпретацию с позиций Японии внутренним и международным событиям, воспитывать у молодёжи и населения лояльное отношение к режиму и побуждать к сотрудничеству с Японией. Уже в 1935 году было открыто 280 школ японского языка (ГАХК. Ф. 1128. оп. 1. Д. 41. Л. 15, 18).

В 1937 году была проведена реформа народного образования, которая не могла не затронуть и русскую диаспору. Японские власти стремились создать такую систему образования и воспитания, которая бы способствовала формированию у молодого поколения прояпонских убеждений, обеспечивая тем самым сохранение политического и экономического господства Японии в Маньчжурии. Для достижения этой цели все учебные заведения, в том числе и эмигрантские, переводились на единые учебные программы и централизованное управление.

В связи с реформой были закрыты русские частные учебные заведения: гимназия Я.В. Дризуль, Объединённая гимназия, в 1935 году возникшая на базе слияния гимназий М.С. Генерозовой и Пушкинской, учебные заведения М.А. Оксаковской, Первое реальное училище, Алексеевское реальное училище, Первое общественное коммерческое училище.

Что касается последнего, то оно было перестроено в Первую Харбинскую русскую школу языкознания, где основу преподавания состав-

ляло обучение японскому языку.

По особому разрешению властей сохранилось несколько частных школ: детский сад и школа Чесноковой, детский сад и школа Тороповой, еврейские и мусульманские начальные школы.

В мае 1937 года все эмигрантские школы были переведены на трёх-ступенчатую основу: первая ступень – начальные школы, вторая – повышенные народные школы, третья – высшие народные школы с четырёх-летним циклом обучения.

Учебно-воспитательный процесс в учебных заведениях строился в духе принципов Ван-Дао. Стратегия образования и просвещения разрабатывалась идеологами из Кио-Ва-Кай, от решения особого отдела этой организации зависела также и судьба самих учебных заведений. На губернских съездах Кио-Ва-Кай решались вопросы, связанные с функционированием учебных заведений: организация учебного процесса, снабжение школ, разработка направлений и форм воспитательной работы и т.д.

Тем не менее, в тяжелейших условиях оккупации 30-40-х годов в Харбине продолжали действовать старые учебные заведения и даже возникали новые. К последним можно отнести Приют францисканок (основательница – игуменья Мария Де-Лянж), Приют урсудинок (основательница – игуменья Мария Сливовская), Высшая народная школа Бюро по делам российских эмигрантов (БРЭМ) (директор – Ф.К. Мухачев), Народная школа на Почтовой улице, Затонская школа, а также несколько профессиональных школ [9, с. 15].

Старшему поколению эмигрантов потребовалась большая изобретательность, дипломатический талант и настойчивость, чтобы в условиях оккупации найти адекватные времени и условиям формы образования и воспитания, которые позволили бы новым поколениям, не знавшим России, сохранить к ней любовь и духовную привязанность.

Сложной и противоречивой была научная жизнь дальневосточной эмиграции.

В 30-е годы в Маньчжурии находилось около 200 русских учёных, среди них бывшие профессора российских университетов и высших школ. Однако если брать самые первые годы эмиграции, то эта цифра была бы значительно больше. Из Владивостока вместе с другими беженцами выехала группа профессоров Томского, Иркутского университетов, других вузов Дальнего Востока и Сибири. Среди них профессора Н.В. Устриялов, И.Г. Баранов, Е.М. Чепурковский, Б.В. Скворцов и др. [2, с. 301]. Дальневосточный Государственный университет вынуждены были покинуть такие известные профессора, как В.А. Рязановский, С.М. Широкоглазов, Г.К. Гинс и др. Среди русских семей, выехавших в Маньчжурию, были целые научные династии. Семья Елисеевых дала зарубежью трёх выдающихся исследователей. Отец Сергей Григорьевич являлся ведущим специалистом по Китаю и Японии, сын Никита Сергеевич был признанным знатоком Ближнего Востока, второй сын Вадим Сергеевич продолжил исследования отца, а позднее стал директором музея китаеведения в Париже [2, с. 303].

Подлинным центром русской науки стал Харбин, где в разные периоды действовали одиннадцать высших учебных заведений с выдающейся русской профессурой. Харбинский юридический факультет внёс заметный вклад в интеллектуальную жизнь русского зарубежья. Уровень, на котором проводились исследования, был столь высок, что вклад факультета в науку сохраняет свою актуальность до настоящего времени. Помимо собственного журнала, харбинские профессора и лучшие студенты печатались на страницах иностранных изданий, писали монографии. Так профессора Г.К. Гинс и В.А. Рязановский активно за-

нимались изучением проблем международных отношений, проводили анализ политической ситуации и права в Монголии.

Наличие значительной научной базы в Маньчжурии способствовало созданию научных обществ. Общество врачей было образовано в Харбине в 1929 году, учредителями которого стали известные врачи Г.А. Бергман, А.В. Линдер (председатель), М.К. Коровко, С.Е. Мазин, В.Ф. Серебряков и др. (ГАХК. Ф. 1128. Оп. 1. Д.78. Л. 219). Просуществовав 10 лет, Общество провело 102 научных заседания, на которых было заслушано 122 доклада, подготовлено несколько выставок новейшей аппаратуры. Члены организации приняли непосредственное участие в борьбе с холерой и другими заболеваниями. В этот же период самостоятельно и плодотворно действовало Общество молодых фельдшеров и акушеров под председательством М.Т. Попова.

17 лет просуществовало Учительское общество под председательством директора Высшей народной школы Ф.К. Мухачева, в состав которого входили эмигранты-педагоги.

Общество инженеров состояло из двух ветвей: объединения русских инженеров, получивших высшее техническое образование в специальных учебных заведениях императорской России, под председательством талантливого инженера М.М. Осколкова, а также союза российских инженеров, закончивших высшие учебные заведения в Маньчжурии и других странах, который возглавлял инженер Н.И. Калугин [2, с. 306].

Возглавляемое профессором Н.И. Никифоровым в Харбине действовало объединение русских журналистов, целью которого была защита профессиональных, экономических и правовых вопросов русских журналистов в эмиграции [2, с. 307-308].

В кругах научной интеллигенции дальневосточного зарубежья достаточно известны были Общество русских ориенталистов (1922), Общество изучения Маньчжурского края (1922), Национальная организация исследователей Пржевальцев (1929) и целый ряд других научных организаций и кружков.

Общества ежегодно издавали научные журналы, сборники, где публиковались отчёты экспедиций, итоговые результаты крупных исследований, статьи по широкому кругу проблем. Большой популярностью пользовались такие издания, как «Экономический вестник Маньчжурии», Статистические ежегодники, «Вестник Азии», «Известия Общества изучения Маньчжурского края» и др. В период с 1922 по 1928 годы Обществом изучения Маньчжурского края было издано 70 тысяч книг, 10 выпусков «Известий», 16 – «Бюллетеней», 9 – «Трудов» (ГАХК. Ф. 380. Оп. 1. Д. 112, Л. 123).

Значительная роль в организации научной деятельности принадлежала ДальОРОВУЗУ. В 1932 году при активном участии объединения было проведено торжественное совещание, посвящённое памяти выдающихся русских учёных – академика С.Ф. Платонова и профессора А.А. Кизеветтера. Культурно-просветительская работа проводилась в форме «чашек чая», «интеллектуальных центров». На них собирались для общения литераторы, историки, философы, экономисты, юристы, происходил обмен идеями, обсуждалось положение дел в России, распространялась информация о достижениях в науке, литературе, искусстве, истории и др. Целям пропаганды знаний служили секции при ДальОРОВУЗе: восточно-экономическая, инженерная, физико-математическая и др. В 1933 году появилась секция отечествоведения и кружок изучения России.

Важную роль в системе образования и научно-исследовательской деятельности играли библиотеки, хотя их фонды были не столь богаты. Наибольшей популярностью пользовались библиотеки Коммерческого

собрания, Харбинского Комитета помощи русским беженцам (ХКПРБ), Бюро по делам Российских эмигрантов (БРЭМ) и др.

Следует отдать должное российским эмигрантам в Маньчжурии, сумевшим в трудных условиях существования не только сохранить русское образование и науку, но и обогатить их новыми идеями, глубокими теоретическими исследованиями, которые ещё предстоит изучить и осмыслить новым поколениям исследователей.

Литература

1. Андерсен Л.Н. Одна на мосту. М.: Русский путь. Библиотека-фонд «Русское зарубежье», 2006. 483 с.
2. Великая Маньчжурская империя (10-му юбилею). Харбин, 1942.
3. Кузнецов В.С. КВЖД и развитие Маньчжурии // Проблемы Дальнего Востока. 1990, № 4.
4. Лазарева С.И., Сергеев О.И., Горкавенко Н.Л. Российские женщины в Маньчжурии. Краткие очерки из истории эмиграции. Владивосток, 1996.
5. Мелихов Г.В. Маньчжурия далёкая и близкая. М., 1991. 315 с.
6. Печерица В.Ф. Восточная ветвь русской эмиграции. Владивосток, 1994. 188 с.
7. Поляков Д., Эльтеков Б. Железнодорожные школы для детей граждан СССР // Вести Маньчжурии, 1930. № 18.
8. Приморский край: Краткий энциклопедический справочник. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. 596 с.
9. Рубеж. 1938. № 3.
10. Руднев В.В. Судьбы эмигрантской школы // Хрестоматия. Педагогика русского зарубежья. М., 1996.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Andersen L.N. Odna na mostu. M.: Russkij put'. Biblioteka-fond «Russkoe zarubezh'e», 2006. 483 s.
2. Velikaya Man'chzhurskaya imperiya (10-mu yubileyu). KHarbin, 1942.
3. Kuznetsov V.S. KVZHD i razvitie Man'chzhurii // Problemy Dal'nego Vostoka. 1990, № 4.
4. Lazareva S.I., Sergeev O.I., Gorkavenko N.L. Rossijskie zhenshhiny v Man'chzhurii. Kratkie ocherki iz istorii ehmigratsii. Vladivostok, 1996.
5. Melikhov G.V. Man'chzhuriya dalyokaya i blizkaya. M., 1991. 315 s.
6. Pecheritsa V.F. Vostochnaya vetv' russkoj ehmigratsii. Vladivostok, 1994. 188 s.
7. Polyakov D., EHl'tekov B. ZHeleznodorozhnye shkoly dlya detej grazhdan SSSR // Vesti Man'chzhurii, 1930. № 18.
8. Primorskij kraj: Kratkij ehntsiklopedicheskij spravochnik. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 1997. 596 s.
9. Rubezh. 1938. № 3.
10. Rudnev V.V. Sud'by ehmigrantskoj shkoly // KHrestomatiya. Pedagogika rossijskogo zarubezh'ya. M., 1996.

УДК 314.17:33

Золотухин И.Н.
Zolotukhin I.N.

Китайская бизнес-диаспора в Юго-Восточной Азии

Chinese Business-Diaspora in the Southeast Asia

Данная статья посвящена оценке деятельности, положения и влияния китайской бизнес-диаспоры в экономической и политической сфере принимающих сообществ Юго-Восточной Азии. Уделяется внимание сложной роли хуацяо как проводника интересов Китая и возможного инструмента доминирования КНР в Юго-Восточной Азии и как самостоятельного игрока в мировых международных процессах .

Ключевые слова: *Китайская бизнес-диаспора, хуацяо, принимающее сообщество, Юго-Восточная Азия*

The article focuses on the estimation of the position, activity and influence of the Chinese Business-Diaspora on the economic and political sphere of the Southeast Asian host communities. The complicated role of Huaqiao both as a conductor of the interests of the China and possible mechanism of Chinese domination in the Southeast Asia and as an independent actor on the global international processes is considered.

Key words: *Chinese Business-Diaspora, huaqiao, the host community, the Southeast Asia*

Ни для кого не секрет, что успехам в социально-экономическом развитии Китай во многом обязан своим зарубежным соотечественникам, инвестиционные вливания которых способствовали колоссальному приросту ВВП КНР и помогли создать фундамент, на котором зиждется международные амбиции современного китайского государства, претендующего на глобальное лидерство.

В настоящее время представители китайской диаспоры распространены по всему миру. Численность китайского населения, проживающего за пределами Поднебесной, по разным оценкам превышает 50 миллионов человек, причём 70% из них - более 30 миллионов, проживает в странах Юго-Восточной Азии (ЮВА). Зарубежных выходцев из Китая часто именуются термином хуацяо, который использовался ещё Цинской династией для обозначения эмигрантов из Китая, чтобы укрепить их связи с родной культурой и цивилизацией [5, p. 45] и внушить представление о зарубежных китайцах как о благородной и уважаемой группе, что не совсем уязвлялось с восприятием китайского населения в ЮВА как «азиатских евреев». ЮВА, благодаря высокой концентрации китайского населения, превратилось в родное место хуацяо.

В настоящее время существует официальное определение этого термина, например, в Законе о защите прав и интересов эмигрантов,

вернувшихся на родину и родственников соотечественников, проживающих за границей [1], но понятие китайской диаспоры шире и имеет глубокие исторические корни.

Приобретая массовый характер с середины XIX века, иммиграция из Поднебесной в ЮВА привела к возникновению небольших по численности китайских анклавов, которые изрядно преуспели в предпринимательской деятельности, по сути, колонизируя прибыльные отрасли экономики принимающих стран и территорий. Ещё бывший премьер-министр Малайзии Махатхир Мохаммад в своей работе «Малайская дилемма» отмечал, что «...китайцы - не только люди с миндалевидными глазами, но также и хорошие бизнесмены» [3, с. 84]. Действительно, бизнесмены-хуацяо весьма успешны и наиболее активно они проявляют себя в экономике стран ЮВА. В начале XXI века их суммарное состояние оценивалось в 1,5 трлн. долларов США, а к настоящему времени достигло 4 трлн. Из 200 богатейших людей мира 16 являются представителями китайской диаспоры в ЮВА. Нельзя не отметить «всеядность» китайского бизнеса: из пищевой и текстильной отраслей и мелкой торговли он постепенно переключился на недвижимость, строительство, страхование, а затем на банковскую сферу, международную торговлю, логистику, телекоммуникации.

В целом этнические китайцы контролируют 70 % накопленного богатства в ЮВА, составляя в этом субрегионе 6 % общего населения. Китайские деловые круги создали крупнейшие миллиардные многопрофильные холдинги в Сингапуре, Таиланде, Малайзии, на Филиппинах; они являются важными игроками в банковской сфере, управляя финансовыми потоками и инвестируя средства в строительство, недвижимость, торговлю, разработку новых технологий; китайский бизнес добился успеха и на фондовых рынках. Благодаря деятельности предпринимателей-хуацяо в ЮВА пришёл крупный бизнес, а также инвестиции из Китая.

Жизнеспособность китайской бизнес-диаспоры коренится не только в её традиционной предприимчивости и стремлении занять определённую нишу в экономической сфере. Китайская бизнес-диаспора сама по себе является азиатской формой глобализации, обладая собственной, весьма успешной «культурой капитализма». Для неё характерна паутиноподобная структура коммуникации, благодаря которой строятся глобальные транснациональные сети. Таким образом, зарубежные китайцы создали самую настоящую «невидимую империю», не имеющую границ.

Другой сильной стороной китайского бизнеса является его прагматизм и нацеленность на результат. Практика инвестирования средств на Родину, которая была характерна для деловых кругов зарубежных китайцев издавна, исходила помимо патриотизма из корыстных интересов: капиталовложения в Китай сулили баснословные барыши на фоне благоприятного инвестиционного климата, потребительского рынка и низкой себестоимости рабочей силы. Безусловно, это не умаляет заслуг хуацяо, денежные вливания которых помогли осуществлению реформ 1980-90-х годов и сохранили прирост ВВП КНР даже в условиях мирового кризиса.

Также следует учитывать высокую степень мимикрии и гибкости китайской бизнес-диаспоры к разным условиям, и её способность адекватно реагировать как на внутри, так и на внешнеполитические вызовы. Китайская бизнес-диаспора гибко реагирует на особенности социально-культурного окружения. Она успешно пережила ассимиляционную и дискриминационную политику ряда стран ЮВА, сохранив свою этническую самобытность и культуру (порой, не говоря по-китайски). Хуацяо даже выгодно не отличаться от представителей этнического большинства принимающего общества, как, например, в Таиланде, где китайцы

стали элементом тайского национального мейнстрима. Есть мнение, что местные сообщества стран ЮВА с неохотой принимают участие во властных структурах представителей китайской диаспоры, и деятельность этнических китайцев в основном ограничивается сферой экономики [2, с. 26]. Однако практика китайской полигамии и смешанных браков в принимающих обществах, малоисследованный в научных кругах феномен, тоже может приоткрыть завесу успеха китайского бизнеса, особенно в сфере лоббирования интересов через родственников-полукровок, ставших представителями администрации.

В этом аспекте необходимо упомянуть такой щекотливый момент, как связи китайского бизнеса с организованной преступностью - мафиозными кланами-триадами, успешно орудующими в странах с высоким уровнем коррупции, в том числе в ЮВА. Триады обеспечивают нерасторжимость и целостность китайского бизнеса, выступая своеобразной теневой стороной – Инь, но в то же время заставляют обращать внимание на проблему преступности и правоспособности зарубежных китайцев.

Обладая экономическим потенциалом, бизнесмены-хуацяо имеют рычаги влияния на политическую сферу страны проживания. Именно поэтому Пекин стремится воздействовать на ведущих китайских магнатов стран ЮВА. С другой стороны, китайская бизнес-диаспора осознаёт свою интегрированность в принимающем обществе, и подчинение внешнему влиянию, пусть даже в форме «голоса Родины», вряд ли отвечает её жизненным интересам, хотя периодические демарши она себе может позволить: после антикитайских погромов в Индонезии в 1998 г. страну покинули сотни тысяч хуацяо, лишив экономику Индонезии 80 млрд. долларов, переведённых на зарубежные счета; после инцидента у острова Хайнань в апреле 2001 года, во время которого один из китайских истребителей-перехватчиков потерпел катастрофу, в Бангкоке прошла антиамериканская демонстрация.

Своим поведением хуацяо стремятся минимизировать синофобию, восприятие китайского населения как фактора «китайской угрозы», который в настоящее время популярен в странах ЮВА из-за усиления совокупной мощи Среднего государства и из-за постоянного увеличения числа китайской диаспоры в регионе. Безусловно, хуацяо (особенно новые иммигранты) стали меньше интегрироваться в культурный мир стран субрегиона, часто не учат местные языки. Заметно, что на фоне успехов Китая в экономике и политике популярны идеи превращения юаня в региональную валюту, а китайский язык – в общепринятое средство общения в рамках зоны свободной торговли стран ЮВА и КНР. Ещё одним дополнительным поводом для тревоги является кажущаяся целостность китайской зарубежной общины, члены которой обладают культурной и психологической общностью и развитой системой пересекающихся связей, позволяющих им действовать как единый организм в любой стране.

Китайская диаспора действительно отличается сплочённостью, однако деловая среда заставляет бизнесменов-хуацяо конкурировать друг с другом, что вряд ли способствует консолидации внутри китайской зарубежной общины. Что касается растущей популярности китайского национализма в ЮВА, то пока он имеет «дремлющий характер», поскольку явная демонстрация прокитайских идей вряд ли будет воспринята позитивно в принимающих обществах. А среди китайских бизнес-кругов скорее преобладают транснациональные интересы, тем более, что того требуют сложные механизмы взаимодействия и вовлечённости в мировую экономическую систему. Можно констатировать, что китайские коммерсанты рассматривают политическую сферу только из соображений выгоды, но в этом отношении тем сильнее они заинтересованы в успехах

на международной арене своей исторической родины.

С момента возникновения КНР его руководство стремилось использовать китайцев, проживающих за рубежом, в целях укрепления внешнеполитических позиций государства, продолжая считать их своими гражданами. Однако в странах ЮВА проблема гражданства китайцев носила острый характер, особенно в период «культурной революции» в Китае, когда китайцы, проживающих за рубежом, были признаны Пекином составной частью населения КНР, что привело к проведению в государствах ЮВА антикитайских мер в экономике и политике.

С конца 1960-х годов руководство КНР демонстрирует способность оперативно реагировать на ситуацию, в частности выражая готовность пойти на ликвидацию статуса «двойного гражданства». В свою очередь, китайскую общину, проживающую за рубежом, призывали соблюдать местные законы и обычаи. В 1980 году в КНР был принят Закон о гражданстве, сочетавший «принцип крови» и «принцип почвы» и не признававший «двойного гражданства». Устранение проблемы «двойного гражданства» существенно снижало напряжённость в отношениях между странами ЮВА и КНР, а также между хуацяо и местным населением.

Пекин проводит прагматичную линию поведения в отношении хуацяо, давая им преимущество в отношении прочих иностранных инвесторов. Китайское правительство создало более 50 индустриальных зон специально для китайцев, вернувшихся из-за рубежа. Но, кроме того, за последние 10-15 лет руководство КНР стало рассматривать китайскую диаспору не только как важный источник инвестиций и технологий, но и как инструмент глобальной политики.

Пекин строит отношения с китайскими организациями (от культурных ассоциаций до богатейших деловых групп) по всему миру и прямо призывает хуацяо расширять связи между Китаем и развивающимися странами. Вопросами по зарубежным соотечественникам на государственном уровне занимаются Канцелярия ВСНП по делам хуацяо, Канцелярия Госсовета по делам хуацяо, Комитет ВК НПКСК по связям с Сянганом, Аомэнем, Тайванем и хуацяо, партия Чжунго Чжигундан и Всекитайская ассоциация реэмигрантов. Их работа координируется и курируется ЦК Компартии КНР.

В апреле 2012 г. на встрече Ху Цзинтао с 570 представителями хуацяо из 110 стран и регионов китайское руководство выразило готовность к дальнейшему расширению культурных обменов между Китаем и зарубежными странами, осуществлению публичной дипломатии и построению гармоничных сообществ хуацяо, чтобы показать позитивный образ китайской культуры, современного Китая и китайцев, проживающих за рубежом [4].

Пекин отдаёт себе отчёт в том, что китайская диаспора может способствовать не только утверждению образа КНР как миролюбивой и ответственной державы, но и способствовать усилению экономической интеграции и утверждению культурного влияния Среднего государства в ЮВА.

В целом опыт Китая демонстрирует успешное использование и вовлечение к сотрудничеству колоссального ресурса, который сам превратился в независимого геополитического и геоэкономического игрока.

Секрет успеха диаспоральной политики Китая кроется в инерции сохранения символических связей зарубежных китайцев с исторической родиной. В будущем Китай также будет использовать этот неисчерпаемый ресурс с выгодой для себя, в том числе продолжая облегчать возможности для хуацяо не только инвестировать деньги, но и реэмигрировать в КНР. Вероятно, что, в конце концов, Китай всё-таки введёт двойное гражданство.

Учитывая экономические и демографические проблемы, с которыми сталкивается и столкнётся Россия, особенно со вступлением в ВТО, «китайский вариант» извлечения пользы от помощи со стороны зарубежных соотечественников был бы очень кстати. В отношениях с хуацяо Китай исходит из правила - укрепление диаспоры укрепляет позиции Родины. Русская диаспора насчитывает более 25 миллионов человек и по своей численности занимает второе место после китайской. Русские живут практически на всех континентах (хотя большинство проживает в странах СНГ – Украине, Казахстане (50% русской диаспоры) и в США (более 3 млн. человек). Грамотное использование потенциала наших зарубежных соотечественников может убить одним выстрелом двух зайцев: развитые коммуникации с русской диаспорой помогут создать позитивный образ России, что немаловажно хотя бы для привлечения зарубежных партнёров; привлечение рук, знаний и капиталов зарубежных соотечественников поспособствует развитию экономики нашей страны.

Но в ситуации с русской диаспорой всё гораздо сложнее. Во-первых, русская диаспора более аморфна и в силу этого чаще всего употребляют термин «зарубежные соотечественники» или «выходцы из России», невзирая на их этнические корни. Во-вторых, нашим соотечественникам не хватает организованности и механизма взаимодействия со страной-пребывания, а также внутренней сплочённости. Наконец, особенности менталитета не позволяют бизнесменам из России, проживающим за рубежом, вкладывать деньги в развитие державы, да и наш родной бизнес чаще всего предпочитает выводить капиталы в «тихие гавани» оффшоров.

Само отношение к Родине у выходцев из России двойственно: с одной стороны, они ищут сохранения контактов с Россией, а не создания институтов поддержки в стране пребывания, но, в то же время, признают, что они и их предки покидали страну, в которой не видели будущего (китайские эмигранты сохранили образ Родины, причём Родины униженной и оскорблённой иностранными варварами и внутренними врагами, которая нуждалась в поддержке).

Поэтому России необходимо изменить свою политику в отношении зарубежных соотечественников, признать их неотделимой и равноправной частью российского государства. Руководство страны должно осознать ошибки прошлых лет и, главное, признать единство русской диаспоры. Но даже если существенно укрепить духовные связи зарубежных соотечественников с Россией, всё равно этого будет недостаточно для того, чтобы они стали воспринимать свою историческую родину как то место, которым можно гордиться. Чтобы создать диаспору, ориентированную на интересы России, государственные структуры нашей страны должны не только оказывать помощь русским и русскоязычным за рубежом, но и активно взаимодействовать с представителями диаспоры, расширяя формальные и неформальные контакты.

Литература

1. Кто такие китайские эмигранты [Электронный ресурс]. URL: <http://zhidao.baidu.com/question/5195165.html> [Дата обращения: 18.06.2012 г.]

2. Ларин А. Китай и китайская диаспора// Азия и Африка сегодня. 2007. № 10. С. 22-28.
3. Mahathir Bin Mohamad. The Malay Dilemma. 1st Edition. Singapore, 1970 (Reprinted in 2008 with New Preface). 236 p.
4. President meets leaders of overseas Chinese organizations [Электронный ресурс]. URL: http://english.gov.cn/2012-04/09/content_2109393.htm [Дата обращения: 18.06.2012 г.]
5. Wang Gungwu. The Chinese Overseas: from Earthbound China to the Quest for Autonomy. Cambridge: Harvard University Press, 2000.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Kto takie kitajskie ehmigranty [Электронный ресурс]. URL: <http://zhidao.baidu.com/question/5195165.html> [Дата обращения: 18.06.2012 г.]
2. Larin A. Kitaj i kitajskaya diaspora// Aziya i Afrika segodnya. 2007. № 10. С. 22-28.
3. Mahathir Bin Mohamad. The Malay Dilemma. 1st Edition. Singapore, 1970 (Reprinted in 2008 with New Preface). 236 p.
4. President meets leaders of overseas Chinese organizations [Электронный ресурс]. URL: http://english.gov.cn/2012-04/09/content_2109393.htm [Дата обращения: 18.06.2012 г.]
5. Wang Gungwu. The Chinese Overseas: from Earthbound China to the Quest for Autonomy. Cambridge: Harvard University Press, 2000.

УДК 301.014.25

*Макеева С.Б.
Makeeva S.B.*

**Анализ международных коммуникаций
в образовательной сфере между Иркутской областью
и провинциями КНР:
по результатам социологического исследования**

**The analysis of the international communications in educational sphere
between Irkutsk area and provinces of the Peoples Republic of China:
by results of sociological research**

В представленной статье на основе социологического исследования автором выявлена степень вовлечённости китайских студентов, обучающихся в вузах Иркутской области в различные формы российско-китайского сотрудничества в образовательной сфере; определены проблемы и перспективы реализации совместных международных проектов российских и китайских образовательных учреждений на уровне Иркутской области и отдельных провинций КНР.

Ключевые слова: образовательная сфера, зарубежные учебные и научные стажировки, совместные российско-китайские летние и зимние научно-практические школы, обмен студентами и преподавателями, вузы-партнёры

In presented article on the basis of sociological research by the author degree of an involvement of the Chinese students trained in high schools of Irkutsk area in various forms of the Russian-Chinese cooperation in educational sphere is revealed; problems and prospects of realisation of joint international projects of the Russian and Chinese educational institutions at level of Irkutsk area and separate provinces of the Peoples Republic of China are defined.

Key words: educational sphere, the international programs, foreign educational and scientific training, joint Russian-Chinese summer and winter scientifically-practical schools, an exchange of students and of teachers, high schools-partners

КНР на протяжении ряда лет остаётся для России, а особенно для Иркутской области, одним из главных партнёров, это касается не только внешнеторговых связей, но и сотрудничества в образовательной сфере. С 2007 года в Иркутской области осуществляет свою деятельность Генеральное консульство КНР. В Иркутской области сосредоточен один из самых крупных в восточных регионах Российской Федерации научный и образовательный потенциал. Подготовку специалистов с высшим профессиональным образованием осуществляют 38 образовательных учреждений, в том числе 12 государственных вузов, 16 филиалов государственных вузов, 2 негосударственных вуза и 8 филиалов негосударственных вузов [1, с. 1]. Большое значение имеют традиционные связи вузов Иркутской

области и вузов КНР. Их совместная деятельность развивается по двум направлениям: подготовка кадров для социально-экономической сферы обеих стран и научно-техническое сотрудничество.

Анализ уровня развития российско-китайского сотрудничества в образовательной сфере между Иркутской областью и провинциями КНР основан на результатах социологического исследования, которое проводилось методом анкетного опроса, а также результатах экспертного опроса. Объектами анкетирования выступали китайские студенты, обучающиеся в вузах Иркутской области. Объектами экспертного опроса выступали руководители и сотрудники международных отделов при вузах Иркутской области (6 человек). Предметом анкетного опроса выступал процесс участия студентов, обучающихся или проходящих практику в вузах Иркутской области, в расширении российско-китайского сотрудничества в образовательной сфере. Предметом исследования экспертного опроса являлся процесс организации и реализации различных форм сотрудничества в образовательной сфере с вузами КНР на уровне международных отделов вузов Иркутской области. Анализируя степень изученности проблемы, необходимо отметить, что при большом количестве публикаций, посвящённых межгосударственному российско-китайскому сотрудничеству, современным особенностям развития института образования в России и Китае, практически отсутствуют работы, в которых использованы результаты социологических исследований, позволяющих провести комплексный анализ форм российско-китайского сотрудничества в образовательной сфере на уровне отдельных российских и китайских регионов. Использование результатов социологического исследования, проведённого нами в 2012 г., позволяет комплексно проанализировать состояние международного взаимодействия ведущих образовательных учреждений Иркутской области и провинций КНР.

Вузы КНР год от года расширяют формы образовательного сотрудничества с вузами Иркутской области. Развитие образовательного сотрудничества между вузами Иркутской области и провинций КНР направлено на расширение совместной образовательной и научно-исследовательской работы, что в конечном итоге должно способствовать обмену передовыми научными достижениями, инновационными методиками в области образования, расширению языковых обменов и научных стажировок. Расширение образовательного сотрудничества между Иркутской областью и провинциями КНР способно укрепить и вывести на новый уровень образовательные контакты между отдельными регионами. Спрос на учёбу в вузах Иркутской области стимулируется интенсивно развивающимся двусторонним экономическим сотрудничеством, порождающим потребность в хорошо подготовленных кадрах, владеющих техническими, экономическими, юридическими специальностями и плюс к этому русским языком. С учётом формирующегося рынка образовательных услуг, вузы Иркутской области проводят работу по открытию новых, актуальных для области и региона специальностей. Существенно и то, что при поступлении в образовательные учреждения Иркутской области не требуется сдавать экзамен по русскому языку: достаточно предъявить свидетельство об окончании в КНР средней школы или высшего учебного заведения, после чего можно начать учёбу в высшем учебном заведении. Эти обстоятельства и играют решающую роль для определённого числа молодых китайцев при выборе места учёбы.

В период с января по апрель 2012 года нами было организовано социологическое исследование в форме анкетного опроса студентов из КНР, обучающихся в вузах Иркутской области, чтобы выявить степень их вовлечённости в различные формы российско-китайского сотрудничества в образовательной сфере на уровне Иркутской области и провинций

КНР. Было опрошено 137 студентов, обучающихся в вузах Иркутской области, что обеспечило более высокую репрезентативность выборки по отношению к генеральной совокупности. При этом Иркутская область определяет границы выборки, студенты – основное свойство изучаемой генеральной совокупности, а 137 студентов – это количество единиц генеральной совокупности.

Характеристика выборки - распределение респондентов по полу: мужчины – 23%, женщины – 77%. По возрасту: 18 лет – 5 %, от 19 до 21 года – 25 %, старше 22 лет – 70 %. Это свидетельствует о том, что большинство граждан КНР приехали в Россию после окончания вуза в КНР. Этот факт подтверждается тем, что большинство опрошенных нами респондентов имеют высшее образование (72%), только 28% студентов указали, что имеют законченное среднее образование. Как показал опрос, основным «поставщиком» студентов для России остался Северо-Восточный Китай, который имеет тесные экономические, гуманитарные, научные и образовательные связи с Иркутской областью. В целом, китайские студенты, обучающиеся в Иркутской области, прибыли из следующих провинций КНР: Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин, Хэбэй, Внутренняя Монголия, Хэнань. Подавляющее число респондентов указало, что основной в настоящий момент деятельностью является освоение русского языка. При ответе на вопрос: «На каком курсе Вы учитесь?», было выявлено, что в нашей выборке присутствуют учащиеся со всех ступеней высшего образования с приблизительным соблюдением пропорций: студентов основных курсов на порядок больше, чем учащихся подготовительных факультетов и аспирантов. На курсах русского языка, на подготовительном факультете обучаются 6% опрошенных, на младших (первом-втором) курсах проходят обучение 26% китайских студентов, на старших курсах (третьем-пятом) обучаются 65% респондентов, в аспирантуре обучается 3% опрошенных.

Мотивация респондентов, побудившая их поехать в Россию, в реальности, разумеется, носит смешанный характер, однако примечательно, что 63 % учащихся назвали в качестве своего мотива желание получить более глубокие знания или приобрести знания по русскому языку. Ещё 14 % опрошенных хотели бы изучить культуру, традиции и обычаи России. Мотивом у 7% опрошенных стала симпатия к России, 9% заявили, что хотели бы в дальнейшем работать с русским языком, у 4% основной причиной поехать в Россию стало желание расширить кругозор, 3% респондентов открыто заявили о любви путешествовать. Из этого можно сделать вывод, что у респондентов имеются различные мотивы поездки в Россию, однако, основной причиной, которая побудила студентов КНР поехать в Россию, в частности в Иркутскую область, стало изучение русского языка.

Значительное количество вопросов в ходе проведённого нами анкетирования касалось оценки китайскими студентами уровня российско-китайского образовательного сотрудничества. 70% респондентов положительно оценивают российско-китайское сотрудничество в образовательной сфере, 20% не удовлетворены нынешним состоянием российско-китайского сотрудничества в данной сфере, ещё 10% затруднились дать ответ на этот вопрос. Это свидетельствует о том, что большинство китайских студентов, приехавших для обучения в вузы Иркутской области, удовлетворены качеством образовательных программ, условиями обучения и проживания, а также степенью вовлечённости в различные формы сотрудничества в образовательной сфере. На вопрос: «Как вы считаете, что включает в себя российско-китайское сотрудничество в образовательной сфере?», нами были получены следующие ответы: сотрудничество в образовательной - это, прежде всего, обмен студентами

и преподавателями, научное и культурное сотрудничество, изучение таких областей, как экономика, искусство, государственное устройство, история, политика, традиции, музыка. Китайские студенты считают, что данное сотрудничество предполагает обмен специалистами, технологиями, взаимопроникновение культур, общение на бытовом уровне, проведение конференций по русскому языку, организацию олимпиад по русскому языку, изучение различных аспектов русского языка, а также указывают на то, что российско-китайское сотрудничество в современный период времени имеет все необходимые условия для дальнейшего развития. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в сознании китайских студентов российско-китайское сотрудничество в образовательной сфере является многопрофильным взаимодействием не только на межгосударственном уровне, но и на уровне отдельных регионов и провинций двух соседних государств.

В ходе анкетирования на вопрос: «За последние 5 лет принимали ли Вы активное участие в совместных российско-китайских мероприятиях в образовательной сфере?», 58% респондентов дали положительный ответ, что свидетельствует о высокой степени вовлечённости китайских студентов в различные формы российско-китайского сотрудничества в образовательной сфере, а также о достаточном количестве мероприятий, организуемых вузами Иркутской области. При этом 75% студентов, которые участвовали в совместных российско-китайских мероприятиях, использовали знания русского языка в процессе их реализации. Следовательно, можно предположить, что в процессе реализации совместных российско-китайских мероприятий китайские студенты совершенствовали свои знания не только по русскому языку, но и расширяли знания о России в целом. 25% респондентов указали, что принимали участие в российско-китайском сотрудничестве в образовательной сфере на территории других регионов России. В основном, это студенты из приграничных районов КНР. 85% китайских студентов хотели бы принять активное участие в совместных российско-китайских мероприятиях в образовательной сфере, что свидетельствует о высоком интересе к участию в мероприятиях, которые позволили бы более качественно изучить язык, культуру и традиции народа.

Анализируя степень владения русским языком, в ходе анкетирования были получены следующие данные. Большинство студентов (75%) в состоянии лишь объясняться по-русски; знают русский язык хорошо или хотя бы могут свободно читать лишь 10% опрошенных, ещё 15% заявили о том, что практически не знают русский язык. Это свидетельствует о том, что китайские студенты приезжают в Россию без языковой подготовки, слабо усваивают русский язык в последующем, чему способствует и скудость контактов с российскими однокашниками. Таким образом, студенты из провинций КНР не смогут должным образом освоить профильные предметы и стать полноценными специалистами.

Особый интерес у китайских студентов вызвал вопрос об основных проблемах сотрудничества в развитии российско-китайского взаимодействия в образовательной сфере. По мнению китайских студентов, основной проблемой является различие культур народов двух стран, разные системы образования, языковой барьер. Студенты КНР считают, что приводится в жизнь очень малое, а также выражают недовольство относительно высокой стоимости обучения и уровня безопасности. Также интересны ответы, затрагивающие организацию учебного процесса. По мнению китайских студентов, в вузах Иркутской области разработан неподходящий учебный план (наличие избыточных дисциплин). Вопросы относительно студентов-иностранцев не решаются в полной мере, что может негативно повлиять на будущее состояние российско-китайского со-

трудничества в образовательной сфере. Китайские студенты указали на то, что не получают достаточного внимания со стороны учителей, сталкиваются с недопониманием и безответственностью с их стороны, выражают недовольство сложной учебной программой. Респонденты обеспокоены тем, что в российско-китайском сотрудничестве в образовательной сфере малое количество школьников принимают участие в программах обмена, а также, что данный аспект сотрудничества плохо освещён в СМИ. Таким образом, сотрудничество в образовательной сфере является важным направлением китайско-российских отношений с позиции китайских студентов. В ходе реализации различных форм российско-китайского сотрудничества в образовательной сфере наличие проблем неизбежно, поэтому для расширения масштабов и улучшения качества сотрудничества в образовательной сфере необходимо учитывать мнение китайских студентов, с должной ответственностью относиться к организации учебного процесса, принимать меры для дальнейшего привлечения студентов из КНР, имеющих заинтересованность обучаться в вузах Иркутской области.

В процессе анкетирования китайские студенты высказали свои предложения по развитию российско-китайского сотрудничества в образовательной сфере. Китайские респонденты предлагают устраивать больше мероприятий, олимпиад и соревнований среди студентов с использованием русского языка. Студенты из КНР хотели бы наблюдать более высокий уровень организации быта и учёбы, а также заинтересованы в увеличении качества и количества программ обмена. Студенты хотели бы проводить больше времени с носителями языками (преимущественно устраивать занятия), получать больше поддержки и помощи со стороны учителей. Респонденты выразили желание заранее знать об образовательной программе. По мнению опрошенных, для дальнейшего развития российско-китайского сотрудничества в образовательной сфере необходимо повышение эффективности решения возникающих вопросов. Нами было выявлено, что китайским студентам не хватает информации относительно основных тенденций в развитии системы российского образования.

Таким, образом, можно сделать вывод о том, что для дальнейшего развития российско-китайского сотрудничества в образовательной сфере следует вести полноценный диалог не только на межгосударственном уровне, но и удовлетворять потребности китайских студентов, которые обучаются в данный момент на территории Иркутской области, а также потенциальных студентов из КНР. Необходимо создавать благоприятные условия для обучения, использовать СМИ и интернет для предоставления достоверных сведений о программе обучения, условиях быта. В настоящий момент требуется проводить больше мероприятий, которые будут способствовать повышению уровня образования китайских студентов, будут улучшать понимание между народами двух стран.

В ходе проведения комплексной оценки российско-китайского сотрудничества на уровне Иркутской области и провинций КНР, нами также был организован экспертный опрос с апреля по май 2012 г. Основными респондентами являлись эксперты – высококвалифицированные специалисты, а именно руководители и сотрудники международных отделов при ведущих вузах Иркутской области. Большинство опрошенных нами экспертов указали, что нынешнее состояние российско-китайского сотрудничества в образовательной сфере находится на среднем уровне. По мнению специалистов, в процессе осуществления различных форм российско-китайского сотрудничества в образовательной сфере между вузами Иркутской области и провинций КНР периодически возникают различные проблемы. Сотрудники ИГЛУ, ИГУ и ИрГТУ, БГУЭП отме-

тили трудности, возникшие в рамках реализации совместных образовательных программ. Проведение семинаров и олимпиад, летних и зимних школ является проблемным вопросом в ИГЛУ. В САПЭУ отметили трудности в проведении семинаров и олимпиад, проблемы также возникали при совместном участии в международных программах, конференциях, научных исследованиях. Кроме того, респонденты отметили, что на уровне их университетов степень реализации форм сотрудничества также находится на среднем уровне. Это свидетельствует о том, что в процессе реализации различных форм российско-китайского сотрудничества в образовательной сфере возникают проблемы, вузы Иркутской области вовлечены не во все формы сотрудничества с вузами КНР, поэтому в дальнейшем необходимо проводить многоплановую работу по улучшению качества образовательных программ; конкретные меры должны касаться организации быта китайских студентов. Деятельность вузов должна быть направлена на увеличение количества мероприятий, способствующих повышению уровня сотрудничества между вузами Иркутской области и провинций КНР.

Респонденты экспертного опроса также отметили наиболее перспективные формы сотрудничества с вузами КНР. Эксперты ИГУ, САПЭУ, ИрГТУ, ИГЛУ, БГУЭП хотели бы и дальше проводить реализацию совместных образовательных программ. Приоритетным направлением развития сотрудничества в образовательной сфере в ИГЛУ является экспорт образовательных услуг. В ИГУ, БГУЭП, БрГУ указали на то, что приоритетной задачей для них является развитие взаимовыгодных партнёрских связей между учебными заведениями. Развитие такой формы сотрудничества, как проведение семинаров и олимпиад, летних и зимних школ рассматривают приоритетной в САПЭУ и ИГУ. Все без исключения специалисты хотели бы, чтобы в рамках их учебных заведений студентам и сотрудникам оказывали содействие в организации стажировок в КНР. Таким образом, можно сделать вывод о том, что руководители международных отделов вузов Иркутской области считают необходимым и в дальнейшем развивать различные формы сотрудничества с вузами КНР, увеличивать академическую мобильность, принимать участие не только в образовательном, но и научном сотрудничестве.

В ходе экспертного опроса нами было предложено оценить нынешний уровень российско-китайского сотрудничества в образовательной сфере. Большинство экспертов считают, что на данный момент уровень сотрудничества в образовательной сфере не является лучшим за всю историю. Что, на наш взгляд, может быть вызвано наличием проблем в вузах в процессе осуществления сотрудничества, трудностью привлечения иностранных студентов, неудовлетворённостью качеством подготовки студентов и преподавания, а также недостаточным финансированием различных форм международного обмена со стороны региональных и федеральных властей. Однако, делая вывод относительно степени вовлечённости вузов Иркутской области в российско-китайское сотрудничество, можно утверждать, что более десяти вузов Иркутской области ведут разноплановое по формам сотрудничество с вузами провинций КНР, между вузами закреплена нормативно-правовая база. Вузы Иркутской области в процессе реализации международного сотрудничества используют различные формы контактов, которые направлены на расширение сотрудничества с вузами провинций КНР. Динамика, возрастающая масштабность и актуальность международной деятельности вузов приводит к убеждению, что она обладает большим и ещё не использованным потенциалом в качестве важного фактора социально-экономического развития территорий, где эти вузы расположены.

Литература

1. Образование и наука / Иркутская область, официальный портал. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.irkobl.ru/society/science>. [Дата обращения: 28 марта 2012].

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Obrazovanie i nauka [Elektronnyj resurs] / Irkutskaya oblast', ofitsial'nyj portal. – <http://www.irkobl.ru/society/science>. (28 marta 2012)

УДК 94(47).08

Колесниченко К.Ю.
Kolesnichenko K.Yu.

Военный фактор в развитии Дальнего Востока России (на примере Приморского края)

The military factor in development of the Russian Far East
(on an example of Primorski Territory)

В статье рассматривается роль вооруженных сил в развитии и освоении Дальнего Востока России, определяются основные характеристики, основные аспекты и проблемы данного процесса. Анализируется влияние военных на социальные, экономические, политические и культурные сферы жизни дальневосточного региона.

Ключевые слова: *Дальний Восток России, вооруженные силы, милитаризация, военное развитие Приморского края*

The article focuses on the role of the Military Forces in exploring and developing of the Russian Far East. It defined main characteristics and aspect of this process and analyses Military Forces influence on the social, political, economical and cultural life of the Russian Far East.

Key words: *Russian Far East, armed forces, militarization, military development of Primorsky kraj*

История освоения и развития Дальнего Востока России неразрывно связана с вооружёнными силами страны: огромные неосвоенные пространства, наличие не всегда дружелюбно настроенных соседних государств, геополитические интересы других держав – всё это делало военное присутствие в регионе объективной необходимостью. Военный фактор на протяжении полутора веков оказывал существенное, а порой и определяющее влияние на социальные, политические, экономические и культурные процессы в данном регионе России.

В работе группы отечественных исследователей, посвящённой опыту взаимодействия силовых структур и общества в России, отмечается, что особую роль играли силовые структуры на окраинах Российской империи, особенно в Сибири. Здесь они стали фактором формирования российской модели государственно-правового развития [14, с. 3-4]. Согласившись с этим мнением, следует отметить, что влияние силовых структур на политические и социально-экономические процессы на Дальнем Востоке было значительно выше, чем в Сибири. Это объясняется более высоким уровнем военной угрозы и геополитическим положением региона.

Приморский край, в этом отношении, представлял собой один из самых высоко милитаризованных не только на Дальнем Востоке, но и в

России вообще. Фактически, экономическое и социально-политическое развитие региона было напрямую привязано к военным вопросам, имевшим первостепенное значение. На этапе освоения региона, в условиях острой нехватки трудовых ресурсов в силу малочисленности населения, военные выполняли целый ряд политических, управленческих, экономических, хозяйственных и социальных функций.

Второй этап военного развития региона (первый приходится на конец XIX – начало XX века) начался в первой половине 30-х гг. XX века. Как отмечается в работе группы дальневосточных исследователей, освоение горно-рудных, лесных и рыбных богатств региона в начале 30-х годов ещё только начиналось, однако главное стратегическое значение дальневосточных территорий для СССР заключалось в обеспечении его выхода к Тихому океану. Как показал опыт Первой мировой войны, это могло иметь критически важное значение, поскольку, при возникновении крупного военного конфликта в Европе, СССР оказывался бы отрезанным от внешнего мира и мог осуществлять с ним связь только через Владивосток. Кроме того, в случае захвата Дальнего Востока, неприятель получал возможность двигаться через Сибирь в сторону Урала, создавая угрозу важнейшим промышленным районам и вынуждая СССР вести войну на два фронта. Ограниченная пропускная способность Транссибирской железной дороги вынуждала держать на Дальнем Востоке в угрожаемый период такую группировку войск, которая смогла бы вести боевые действия вполне самостоятельно [6, с. 77].

19 сентября 1931 г. японская Квантунская армия начала широкомасштабные военные действия в Маньчжурии против китайских войск. 5 февраля 1932 г. японцы заняли Харбин, а к концу 1932 г. они вышли на линию советско-китайской границы...

Численность японских войск в Маньчжурии в 1931–1932 гг. увеличилась более чем в десять раз и достигла почти 100 тыс., а к началу 1935 г. – 180 тыс. человек, что составляло около 80 процентов от численности всей японской армии. Намерения японцев были совершенно очевидны, и ситуация становилась для СССР угрожающей. В этой обстановке высшее политическое руководство страны, оценив военную опасность как наивысшую, стало принимать адекватные меры. До 1932 г. в состав Забайкальской и Приморской группы войск ОКДВА входило шесть стрелковых дивизий, две кавалерийские бригады и небольшое количество авиационных и танковых частей общей численностью до 42 тысяч человек. Однако за первые пять месяцев 1932 г. численность войск увеличили в 2,5 раза, самолётов в 3 раза, танков в 20 раз, артиллерии в 2 раза. В состав ОКДВА теперь входило 10 стрелковых и 2 кавалерийские дивизии [6, с. 80].

В 30-е годы параллельно со строительством укрепленных районов СССР продолжал наращивать группировку войск на Дальнем Востоке. В мае 1935 г. Забайкальская группа войск ОКДВА была выделена в самостоятельный Забайкальский военный округ. К январю 1937 г. войска ОКДВА имели уже 13 стрелковых и 1 кавалерийскую дивизии, а также 2 механизированные бригады. В составе Забайкальского военного округа имелось 4 стрелковые и 2 кавалерийские дивизии, механизированный корпус и мотоброневая бригада. Всего на Дальнем Востоке была уже сосредоточена четвертая часть всех сухопутных войск СССР... 1 июля 1938 г. войска ОКДВА были преобразованы в Дальневосточный Краснознамённый фронт в составе 1-й и 2-й Краснознамённых армий [6, с. 85–86].

К началу 1938 г. общая численность войск на Дальнем Востоке составляла 250 тыс. человек, а к началу 1939 г. уже 479 тыс. человек [6, с. 112].

С началом Великой Отечественной войны численность военной группировки на дальнем Востоке СССР практически не изменилась, несмотря на отправку ряда соединений и частей в действующую армию. Фактически весь период войны численность группировки советских войск на Дальнем Востоке была близкой к численности японских войск и даже несколько превосходила её. Помимо чисто военных задач на вооружённые силы легла и значительная экономическая нагрузка – значительный отток квалифицированной рабочей силы делал дальневосточную группировку войск практически безальтернативным источником дополнительных трудовых ресурсов для сельского хозяйства и промышленности.

Как отмечает Г.А. Ткачева, характеризуя дальневосточное общество в годы Великой Отечественной войны, руководители краевых партийных организаций систематически обращались с просьбами о массовом выделении военнослужащих (от 3,5 тыс. до 8,5 тыс. чел.) для уборки урожая, заготовки сена, ремонта материально-технической базы МТС и строительных работ. Распоряжения военных советов армий, изданных на основе директив командующих дальневосточной группы войск, обнаруженные среди документов территориальных партийных организаций, свидетельствуют, что ежегодно в проведении сельскохозяйственных работ в Приморском крае участвовали от 7 до 22 тыс., а в Хабаровском – от 15 до 35 тыс. военнослужащих [12, с. 157]. Если сопоставить эти цифры с приводимыми Г. Ткачевой данными о том, что в сельскохозяйственных работах в Приморье в 1943 году принимало участие 47,7 тыс. колхозников и 14 тыс. мобилизованных, а в 1944 году – 41 тыс. человек и 10,8 тыс. мобилизованных [12, с. 158], то становится очевидна роль военных в сельском хозяйстве региона. Г. Ткачева пишет по этому поводу: «Предположительно, военнослужащие убрали не менее одной трети выращенного урожая. Лишь при их непосредственном участии дальневосточная деревня справлялась с возросшими нагрузками...» [12, с. 158].

Наибольших же масштабов военный аспект развития Дальнего Востока и Приморья достиг в период «холодной войны», в особенности в 60-е-80-е годы. Географическая близость вероятных противников СССР – Китая, с которым имелась общая граница, Японии, Южной Кореи, где имелись военные базы США, выход к морю и необходимость наличия эффективной системы противовоздушной обороны для прикрытия границ и главной базы Тихоокеанского флота (ТОФ) во Владивостоке вынуждали иметь здесь мощные и многочисленные воинские контингенты ВМФ, ВВС, войск ПВО, Сухопутных войск, Пограничных войск КГБ, Внутренних войск МВД, а также объекты военной инфраструктуры. Вся сухопутная граница была прикрыта сетью укрепрайонов, кроме того, создавались мощные оборонительные рубежи вокруг Владивостока и в ряде ключевых пунктов по побережью.

Как отмечает в своих мемуарах командующий ТОФ Н.А. Амелько: «Шестидесятые годы были периодом значительного роста... На флоте появилось новое оружие – крылатые корабельные, береговые, авиационные с обычными и атомными зарядами баллистические ракеты. Всё это требовало спецхранов, мастерских приготовления и пунктов специальной отработки, дезактивации, хранения отходов, и всё это хозяйство, повторяю, должно обустроиться в необжитых таёжных местах без дорог и даже без подходов с воды».

«На флоте было развёрнуто колоссальное строительство. Чтобы не распылать строительные части и технику, флоту передали всех военных строителей Дальнего Востока, возложив обязанности по строительству объектов на побережье и островах для войск ПВО, РВСН, стратегической и дальней авиации. И вот этой «армией» строителей в 110 тысяч человек

руководил на флоте генерал-лейтенант Виктор Иванович Иванко. За 10 лет на флоте были построены: база надводных кораблей с причальным фронтом, учебными классами в бухте Абрек; база дивизии атомных подводных лодок со всеми необходимыми сооружениями, складами, хранилищами, казармами для рядового состава, учебным центром в бухте Павловского; завод ремонта и достройки атомных подводных лодок в посёлке Большой Камень; база подводных лодок в бухте Постовая в Советской гавани; место базирования бригады подводных лодок в Магадане; ракетно-техническая база и хранилище атомного оружия в посёлке Советский на Камчатке; в бухте Сельдевая – завод ремонта кораблей и атомных подводных лодок; в бухте Завойко, тоже на Камчатке, – городок и причальный фронт кораблей ОБРа с жилым городком; на окраине Петропавловска-Камчатского – позиция берегового ракетного полка тоже с жилым городком, расширены и модернизированы базы подводных лодок в бухте Улисс и Крашенинникова. Построен городок в бухте Стрелок для семей офицеров, служивших на кораблях и подводных лодках, базирующихся в бухтах Павловского и Абрек; отличный городок дивизии морской пехоты; современный хорошо оборудованный защищённый командный пункт флота; закончено строительство аэродрома в Большом Камне, удлинены полосы в Кневичах, Постовом, Елизове; вновь построены аэродромы в Преображенье, Большерецке. Была также построена база подлодок в бухте Бечевинская. Да всего не перечесть» [1, с. 75-80].

Известный историк – дальневосточник И.В. Безик в своей работах, посвящённых периоду «оттепели» в Приморье, приводит интересные факты о военном развитии края на рубеже 50-х – 60-х годов, отмечая, в частности, что в «60-е годы вокруг Владивостока и Находки (как и вокруг Минска, Киева, Риги и ряда других городов) были созданы глубоко эшелонированные комбинированные системы ПВО, включавшие в свой состав по 14 – 16 ракетных дивизионов, имевших на вооружении ракеты различных типов – С-75, С-125, С-200 ...» [3, с. 35]. «В крае ускоренно возводились новые базы подводных лодок, в том числе сверхсекретных атомных... к концу семилетки (1965 год. Прим. Авт.) была построена база атомных подводных лодок, включающая судоремонтный завод в бухт Чажма ...» [3, с. 77], «продолжалось обширное строительство военных объектов в бухте Большой Камень ...» [3, с. 78].

В крае в начале 60-х гг. развернулось также масштабное строительство уникального командно-измерительного комплекса военно-космических сил в селе Галенки Октябрьского района для управления космическими аппаратами различного назначения. В том числе в «дальнем» космосе (станции для исследования Венеры, Марса) [3, с. 78].

Наиболее же масштабным проектом в развитии военной инфраструктуры на территории Приморского края периода конца 50-х – середины 60-х гг. стало строительство и развитие военно-морской базы в посёлке Промысловка.

И.В. Безик пишет: «... можно по праву считать, что именно с лёгкой руки Н.С. Хрущева посёлок (Тихоокеанский-Шкотово-17-Фокино) превратился в 60-е – 80-е годы в мощную военно-морскую базу и благоустроенный военный гарнизон-город».

Как вспоминает ветеран флота В.И. Ткачев, Н.С. Хрущев говорил в Промысловке, отвечая на жалобы жён моряков на неустроенность быта и проблемы с обеспечением продовольствием: «Товарищи женщины! Я вам гарантирую, что здесь будет настоящий город. С перспективой развития наших военно-морских сил. Будет сделано всё, чтобы вы не чувствовали никаких неудобств» [3, с. 80].

Генерал-майор-инженер В.И. Манойлин, участвовавший в строительстве базы в Промысловке, отмечает, что новая база начала строиться по заранее разработанным зональным схемам и генеральным планам отдельных площадок. Зональная схема включала не только гавань для стоянки кораблей, специальные площадки, жилые и казарменные городки, судоремонтный завод, дороги автомобильные и железные. Перед началом строительства строилась сперва промбаза, а потом на её основе приступали к строительству основных объектов. Промбаза по тем временам была просто шикарная. Завод сборного железобетона, карьеры каменные песчаные, база механизации, автобаза [8, с. 107].

Всего же в 1960 – 1991 годах только для Тихоокеанского флота было построено 75 военных городков [9, с. 125].

Наличие такой мощной группировки Вооружённых сил на территории края жёстко привязывало экономическое и социальное развитие края к военной сфере. Как уже упоминалось, в Приморье в 60-е годы появилось несколько городов и посёлков, полностью зависимых от военной сферы или ВПК. В данной статье они условно обозначаются как «военные». К ним относятся закрытые населённые пункты – посёлки городского типа Фокино (главная база надводных кораблей ТОФ), Большой Камень (Судоремонтный завод «Звезда» с общей численностью работников завода более 8000 человек), город Арсеньев (авиационный завод «Прогресс»), «военные» посёлки, преимущественно развивавшиеся за счёт расположенных рядом гарнизонов и имевшие численность населения до нескольких тысяч человек (Раздольное, Тимофеевка, Кремово, Павловск, Дунай, Воздвиженка, Барабаш, Славянка, Смоляниново, Шкотово, Николаевка, Романовка и т.д.). Кроме того, военная сфера также играла определённую роль в развитии практически всех крупных городов края – Артём, Спасск-Дальний, Дальнереченск, Лесозаводск – расположенные в непосредственной близости или в городской черте воинские части также стимулировали развитие населённых пунктов.

Владивосток – крупнейший город Дальнего Востока – десятки лет был главной военно-морской базой России на Тихом океане, здесь в разное время находились многочисленные военные объекты – штаб Сибирской флотилии, Морских сил Дальнего Востока и Тихоокеанского флота (ТОФ), в городе базировались соединения и части ТОФ, ВВС, ПВО, Сухопутных войск и т.д., военные учебные заведения, склады, госпитали и т.д. Обороноспособности Владивостока как главной базы военно-морского флота и важного порта уделялось повышенное внимание со дня его основания в июле 1860 г. и на протяжении всей дальнейшей истории города. Например, последнее сооружение Владивостокского оборонительного района были построены в 1991 г. [2, с. 246]. Таким образом, оборонительное строительство велось во Владивостоке на протяжении почти 140 лет. Владивосток до начала 90-х годов носил статус закрытого города, являясь главной базой Тихоокеанского флота. Военные практически всегда составляли существенную часть населения города – в разные периоды их количество составляло 15 – 20% от общего числа жителей, а в первые несколько лет существования поста Владивосток они составляли абсолютное большинство.

Военный аспект составлял значительную часть экономики Приморья, причём он начинает играть всё более значимую роль с начала 60-х гг. Именно в этот период происходит значительное расширение объёмов военных заказов, создаются новые предприятия ВПК и модернизируются уже действующие, растёт численность рабочих и служащих на предприятиях ВПК, развиваются социальная инфраструктура вокруг градообразующих предприятий.

Как отмечает И.В. Безик, в этот период значительно укрепился научно-технический и производственный потенциал авиационного завода в г. Арсеньеве. Благодаря этому мощному градообразующему предприятию, развивавшемуся высокими темпами, генеральный план развития г. Арсеньева на 1959 – 1979 гг., был реализован за десятилетие, т.е. вдвое быстрее.

После визита Н.С. Хрущева в 1959 – 1961 гг. новые образцы оборонной продукции были освоены и на других «номерных» заводах. Судоремонтный завод в бухте Большой Камень стал профильным в ремонте атомных подводных лодок, приступив к этим работам в 1963 году [4, с. 78].

Большие программы судоремонта, модернизации и достройки кораблей в интересах ТОФ осуществляли в 1959 году Дальзавод, заводы 92 и 178, сдаточные базы Комсомольского – на Амуре судостроительного завода во Владивостоке и в Заливе Стрелок [4, с. 79].

Для обеспечения нужд только военно-морского флота в Дальневосточном регионе было задействовано 35 крупных промышленных предприятий, многие из которых являлись градообразующими (например, завод по ремонту атомных подводных лодок в п. Большой Камень Приморского края), либо играли значительную роль в экономике региона [10, с. 7-8]. Так, крупнейшее предприятие г. Владивостока – Дальзавод, занимавшее 11-е место в списке из 20 ведущих судостроительных и судоремонтных предприятий СССР и имевшее в 1991 г. 10 800 работников, было в первую очередь ориентировано на военные заказы, всегда хорошо финансировавшиеся [7, с. 461]. Кроме того, в городе находилось и предприятие военного судостроения (в настоящее время «Восточная верфь»). Аналогичная ситуация складывалась и в другом крупнейшем городе Приморья – Уссурийске, где находился танкоремонтный завод, военный авторемонтный завод, высшее военное автомобильное училище, Суворовское училище, а также несколько воинских частей.

Оценить точную численность военнослужащих на территории Приморского края начиная с 50-х гг. XX в. довольно сложно. Как отмечает американский историк Джон Стефан: «Дальний Восток оставался военным лагерем на протяжении сем лет после вывода советских войск из Манчжурии в мае 1946 года. 400 тысяч военнослужащих, 40 000 военных моряков и 50 000 чекистов... каждый седьмой житель региона был в военной форме» [15, с. 243].

Если рассматривать период 70-х – 80-х гг. XX века, то здесь есть ряд конкретных цифр, хотя целостной картины также нет. Заместитель командующего 5-й Краснознамённой общевойсковой армии, дислоцированной на территории Приморского края в 1972 – 1973 гг. В. Брюхов в своих мемуарах отмечал: «Армия большая – 60 000 человек, больше Киевского военного округа!» [5, с. 374]. По зарубежным данным (ежегодник The Military Balance) в 1989 – 1990 гг. численность Тихоокеанского флота составляла около 140 тысяч человек [13, с. 482], а в 1993 году – 100 тыс. человек [10, с. 476]. Значительная часть из этого числа находилась на территории Приморского края. Если предположить, что в крае находилось не менее 70-80 тыс. военнослужащих из состава ТОФ, 60 тыс. – Сухопутные войска (5-я армия), то это даёт цифру в 130 – 140 тысяч человек. Кроме того, в крае базировалось значительное количество частей ВВС и ПВО из состава 1-й Воздушной армии ВВС и 11-й отдельной армии ПВО, общей численностью около 10 авиационных полков, а также зенитно-ракетные и радиотехнические войска ПВО и т.д. Их численность можно приблизительно оценить в 10 – 15 тысяч человек. Здесь же дислоцировались части пограничных войск КГБ и внутренних войск МВД. Таким образом, общую численность военнослужащих, дис-

лоцированных на территории Приморского края в 70 – 80-е гг. XX века, можно приблизительно оценить в 180 – 200 тысяч человек. Численность работников предприятий ВПК в Приморье в указанный период может быть оценена в 40 – 45 тыс. человек.

Таким образом, общая численность военнослужащих и работников предприятий ВПК на территории Приморского края в 70 – 80-е гг. XX века может быть очень приблизительно оценена в 230 – 250 тыс. человек. Безусловно, значительную часть военных составляли военнослужащие срочной службы, но при этом в этих показателях не учтены члены семей военнослужащих и работников ВПК.

Граждане, проживающие в таком гипермилитаризованном регионе, пусть даже напрямую и не связанные с военной службой, частично воспринимали элементы военной субкультуры. В советские времена военные наглядно символизировали силу и мощь государства, так же относительную стабильность и благополучие. Как отмечает уже упоминавшийся Д. Стефан: «Ни один путешественник по Дальнему Востоку в 1960-е- 1980-е годы не мог упустить очевидные признаки пограничного общества... Города, улицы, колхозы, рыбные заводы, траулеры и железнодорожные станции носили имена пограничников. Каждый Дальневосточный город празднует день пограничника (28 мая) парадом и салютами... На протяжении десятилетий дальневосточники слышали лозунги «Граница охраняется всеми советскими людьми», «Граница проходит по сердцам людей». Массовое участие населения началось в 30-е годы через кампании по поддержанию бдительности и мобилизацию «бригад помощников» из жителей приграничной зоны... в 60-е гг. КГБ поднял статус таких бригад до уровня «Добровольной народной милиции»- они патрулировали границу, проверяли документы ... Граница пронизывала дальневосточное общество через литературу, музыку, фильмы, географические названия, памятники и ритуалы» [15, с. 282-283] (перевод авт.).

Предприятия военной торговли снабжались всегда намного лучше. Кроме того, в области здравоохранения, торговли, культурно - досугово-го и бытового обслуживания военные предприятия и организации зачастую оказывались единственными, и гражданское население активно пользовалось их услугами, особенно в отдалённых регионах. Например, в конце 80-х – начале 90-х гг. только Тихоокеанскому флоту принадлежали 107 лечебных учреждений (включая санатории), 343 магазина, 55 домов быта, 16 домов офицеров, 20 средних школ, несколько десятков дошкольных учреждений, 20 базовых матросских клубов и 160 библиотек, пять стадионов, 25 спортивных учреждений (спортзалов, бассейнов, спортклубов), яхтклуб, 15 пошивочных мастерских, 20 ателье по ремонту одежды и обуви. [11, с. 476; 13, с. 477].

Население активно взаимодействовало с личным составом различных частей и соединений – широко практиковалось участие военных в патриотическом воспитании молодёжи, шефство экипажей кораблей и частей над школами и классами, активно практиковались экскурсии школьников и студентов на корабли и в воинские части.

Безусловно, такая гипермилитаризация региона помимо положительных аспектов (стабильное и объёмное финансирование, развитие инфраструктуры) имело и ряд ярко выраженных отрицательных моментов – прежде всего, значительная часть военнослужащих и членов их семей не стремились остаться на Дальнем Востоке, воспринимая жизнь в регионе как нечто временное.

Кроме того, экономическое и технологическое развитие промышленности жёстко привязывалось к военной отрасли, что гарантировало

стабильное функционирование в советский период, но обернулось масштабным кризисом в постсоветское время.

Военные далеко не всегда заботились о развитии городов и посёлков, полагая, что это не их основная задача, а этим должны заниматься гражданские власти.

Кроме того, активная деятельность военных приводила к нанесению значительного ущерба экологии (авария на атомной подводной лодке в бухте Чажма).

С распадом Советского государства и нарастанием кризисных явлений в обществе и экономике, аналогичные процессы возникли и в вооружённых силах, что привело к резкому снижению жизненного уровня военнослужащих, масштабным сокращениям военных гарнизонов с последующим разграблением оставшегося имущества, и общему падению обороноспособности государства. В этих условиях у значительной части населения вышеупомянутых регионов, имевшего возможность наглядно видеть все проблемы в оборонной сфере, возникало, с одной стороны, чувство недовольства военной политикой государства, и сочувствие к военным – с другой. Кроме того, в значительной степени пострадали сотрудники оборонных предприятий из-за массового сокращения военных заказов, что также привело к существенному снижению уровня жизни данной категории военного электората и отразилось на социально-экономическом положении городов, где предприятия оборонной сферы являлись градообразующими.

ЗАТО в той или иной степени испытали на себе резкое сокращение финансирования военной сферы в 1990-е гг., что также оказало негативное воздействие на все аспекты функционирования военных городов данного типа - падение уровня жизни, отток населения, в первую очередь наиболее активной его части, сокращение объектов социальной инфраструктуры, рост преступности и т.д.

Так, например, командующий Тихоокеанским флотом И. Хмельнов в интервью газете «Владивостокское время» в октябре 1994 года отмечал, что нужды флота в 1994 году ежемесячно финансируются не более чем на 30%, а это значит, что средства в основном идут на выплату денежного содержания военнослужащим и заработной платы рабочим и служащим [13, с. 602].

Таким образом, военный фактор, давший значительный стимул стабильному и интенсивному развитию Приморского края, включая экономику, социальную и культурную сферы, обеспечивший приток значительного количества населения, после распада Советского государства породил множество проблем во всех вышеупомянутых сферах, причём их последствия во многих случаях не преодолены и по настоящее время.

Литература

1. Амелько Н.А. В интересах флота и государства : воспоминания адмирала. М.: Наука, 2003. 181 с.
2. Аюшин Н.Б., Калинин В.И., Воробьев С.А., Гаврилкин Н.В. Крепость Владивосток. СПб., 2001. 256 с.

3. Безик И.В. Октябрь 1959 года: Н.С. Хрущев в Приморье. Ретроспективный взгляд через сорок лет. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун.-та, 2000. 149 с.
4. Безик И.В. Приморье: времена «оттепели» 1953–1964 гг. Книга первая. Владивосток: Мор. гос. ун-т, 2007. 189 с.
5. Брюхов В. П. «Бронебойным, огонь!». Воспоминания танкового аса. М.: Яуза: Эксмо, 2009. 384 с.
6. Воробьев С.А., Калинин В.И., Сталь и бетон против Микадо. Береговая оборона и укрепленные районы сухопутной границы на Дальнем Востоке СССР. 1932–1945 гг./ Крепость Россия: Историко-фортификационный сборник. Вып. 3. Владивосток: Дальнаука, 2005. 252 с.
7. Кузин В., Никольский В. Военно-морской флот СССР в 1945–1991. СПб., 1996. 492 с.
8. Манойлин В.И. Базирование военно-морского флота СССР. СПб.: Издательский дом «Нева», 2004. 225 с.
9. Митичкин Н.С., Кулагин В.В., Муратов В.Н. Тихоокеанский флот России 1731–2006. Исторический очерк (к 275-летию). Владивосток: Дальнаука, 2006. 280 с.
10. Павлов А.С. Военно-морской флот России. Якутск: 1996. 134 с.
11. Приморский край. Краткий энциклопедический справочник. Владивосток, 1997. 596 с.
12. Ткачева Г.А. Дальневосточное общество в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) / Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Владивосток: Дальнаука, 2010.
13. Хмельнов И.Н. Российский флот: доблесть и нищета. М.: АСТ, 2003, 502 с.
14. Черных В.В., Санников А.П. Силовые структуры и общество: опыт взаимодействия в условиях Сибири// Материалы научно-теоретического семинара. Иркутск: 2003. 123 с.
15. Stephan John. The Russian Far East. Stanford University Press, 1994.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Amel'ko N.A. V interesakh flota i gosudarstva: vospominaniya admirala. М.: Nauka, 2003. 181 s.
2. Ayushin N.B., Kalinin V.I., Vorob'ev S.A., Gavrilkin N.V. Krepost' Vladivostok. SPb., 2001. 256 с.
3. Bezik I.V. Oktyabr' 1959 goda: N.S. Khrushhev v Primor'e. Retrospektivnyj vzglyad cherez sorok let. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un.-ta, 2000. 149 s.
4. Bezik I.V. Primor'e: vremena «ottepeli» 1953–1964 gg. Kniga pervaya. Vladivostok: Mor. gos. un-t, 2007. 189 s.
5. Bryukhov V. P. «Bronebojnym, ogon'!». Vospominaniya tankovogo asa. М.: YAuzza: EHksmo, 2009. 384 s.
6. Vorob'ev S.A., Kalinin V.I., Stal' i beton protiv Mikado. Beregovaya oborona i ukreplyonnye rajony sukhoputnoj granitsy na Dal'nem Vostoke SSSR. 1932–1945 gg./ Krepost' Rossiya: Istoriko-fortifikatsionnyj sbornik. Vyp. 3. Vladivostok: Dal'nauka, 2005. 252 с.
7. Kuzin V., Nikol'skij V. Voенно-morskoj flot SSSR v 1945–1991.SPb., 1996. 492 s.
8. Manojlin V.I. Bazirovanie voенно-morskogo flota SSSR. SPb.: Izdatel'skij dom «Neva», 2004. 225 s.
9. Mitichkin N.S., Kulagin V.V., Muratov V.N. Tikhookeanskij flot Rossii 1731–2006. Istoricheskij ocherk (k 275-letiyu). Vladivostok: Dal'nauka, 2006. 280 s.
10. Pavlov A.S. Voенно-morskoj flot Rossii. YAkutsk: 1996. 134 s.

11. Primorskij kraj. Kratkij ehntsiklopedicheskiy spravochnik. Vladivostok, 1997. 596 с.
12. Tkacheva G.A, Dal'nevostochnoe obshhestvo v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945) / Institut istorii, arkhologii i ehtnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN. Vladivostok: Dal'nauka, 2010.
13. KHmel'nov I.N. Rossijskij flot: doblest' i nishheta. M.: AST, 2003, 502 с.
14. CHernykh V.V., Sannikov A.P. Silovye struktury i obshhestvo: opyt vzaimodejstviya v usloviyakh Sibiri// Materialy nauchno-teoreticheskogo seminar. Irkutsk: 2003. 123 s.
15. Stephan John. The Russian Far East. Stanford University Press, 1994.

УДК 355:930

*Старгородцева В.В.
Starogorodtseva V.V.*

**Фактологические ошибки и разночтения
в регионоведческих исследованиях
военно-исторического характера:
необходимость и проблема их выявления**

**Factual errors and inconsistencies in regional military-historical studies:
the need and the problem of detecting them**

Статья посвящена проблеме выявления фактологических ошибок и различного рода разночтений в регионоведческих исследованиях военно-исторического характера. На примере работ в области истории пограничной деятельности на Дальнем Востоке в целом, и в Приморье, в частности, автор показывает, насколько порой излагаемый в трудах материал отличается от реальности и как это отражается не только на общей интерпретации истории, но и на существующей действительности.

Ключевые слова: *Азиатско-Тихоокеанский регион, Приморский край, национальная безопасность, пограничные органы, пограничная деятельность, историческая наука, пограничная история, историография, историографический факт, историческая действительность*

The article is devoted to the identification of factual errors and inconsistencies in regional military-historical studies. An example of works on the history of the border in the Far East, in general, and in Primorsky Territory, in particular, the author shows how often material expounded in the writings is different from reality, and how this is reflected not only in the general interpretation of history, but also on the existing reality.

Key words: *Asia-Pacific region, Primorye territory, national security, border forces, border activities, history as science, border history, historiography, historiographic fact, historical reality*

XXI век – это время коренных изменений в мире: период переоценки ценностей и расстановки приоритетов. На данном этапе наша страна имеет не только кардинально другой, по отношению к XX веку, государственный строй. Изменилась в целом расстановка сил в мире, появились новые вызовы и угрозы безопасности России, как в целом, так и отдельным её регионам, в частности.

Сегодня, когда вектор внешнеполитического развития постепенно смещается в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона, Дальневосточному краю отводится особая роль в экономическом, политическом и военном отношениях. Подобная ситуация несёт в себе не только положительный импульс для развития края, но и комплекс определённых угроз.

Необходимость изучения деятельности российского государства по защите его национальных интересов в регионе, в том числе Погра-

СТАРОГОРОДЦЕВА Виктория Витальевна, адъюнкт заочной формы обучения докторантуры и адъюнктуры Пограничной Академии ФСБ России (г. Владивосток). **E-mail:** vstarogorodtseva@inbox.ru

ничной службы ФСБ России в рассматриваемый период, обусловлена пристальным вниманием руководства страны к региону, а также увеличением интереса субъектов международной деятельности к процессам, происходящим в пограничном пространстве России.

В данном контексте всё большую значимость приобретает вопрос обеспечения пограничной безопасности региона и выработки новых теоретических подходов к деятельности пограничной службы с целью повышения её эффективности в современных условиях с учётом имеющихся исторических реалий. Поэтому научно-теоретическое обобщение опыта пограничной деятельности государства способно привести к качественным изменениям, как в сфере межгосударственного сотрудничества, так и при решении вопросов парирования угроз России в пограничном пространстве.

Решение этих задач во многом зависит как от учёта исторического опыта становления и развития пограничной службы, так и от изучения того, каким образом происходил процесс накопления и совершенствования знаний в этой области. Ведь новое всегда не настолько сильно, чтобы быть превалирующим, а старое не настолько слабо, чтобы не оставлять следов.

Изучение историографии вопроса, в данном контексте, играет немаловажную роль. И дело здесь не только и не столько в вышеуказанных изменениях. Потребность в подобных историографических исследованиях появилась в ответ на следствия этих изменений: на хлынувший поток различного рода публикаций, порой не имеющий ничего общего с реальным положением дел; на постоянно учащающиеся попытки переписать историю под новые политические условия. Кроме того, в истории деятельности сегодняшней пограничной службы есть и свои «белые пятна», которые необходимо изучить и дать им объективную оценку. Все эти задачи и призвано решить историографическое исследование.

Кроме того длительное отсутствие критического анализа накапливаемого постепенно пласта работ приводит в итоге к тому, что выходящие в свет труды, не опираясь на предшествующий опыт, зачастую посвящены одним и тем же темам, а целый ряд вопросов остаётся до сих пор не изученным, что, в свою очередь, негативным образом влияет на правильное восприятие истории.

Если рассматривать эту проблему в рамках обозначенной темы, одним из малоизученных является вопрос деятельности пограничных комиссаров в сложный период освоения и закрепления дальневосточных земель за Российской империей, но много говорится о казаках, участвовавших в охране государственной границы. Это приводит к искажению истории и утверждению, что главная роль в освоении Дальнего Востока, его закреплении за Россией, а затем и в охране государственных рубежей, принадлежит именно казакам, тогда как роль целого института пограничного комиссариата упускается. И таких примеров немало.

Главное, при таком подходе исследователей, нарушается преемственность в самом процессе изучения пограничной истории, что негативно сказывается на формировании новых теоретических знаний и необходимых для дальнейшей деятельности выводов. Ведь процесс накопления знаний имеет поступательный характер, и, поднимаясь, образно, по лестнице познания вверх, мы не можем перепрыгивать через отдельные ступени.

Под историографией в данном случае мы понимаем совокупность исследований, посвящённых истории пограничной деятельности. Изучая эти работы, мы можем выявить этапы развития и становления историографии вопроса, провести оценку значимости трудов в рамках изучения и практического обобщения истории пограничной деятельно-

сти; выявить, чему уделялось особое внимание, а что было оставлено без должного рассмотрения. Кроме того на основе данных работ мы имеем возможность проследить, как строилась организация пограничной деятельности, как менялись задачи и приоритеты в её формировании а, соответственно, сделать определённые выводы, касающиеся современного положения дел.

Именно эту задачу и решают военно-исторические исследования. Главным образом, они выполняют функции накопления, систематизации и анализа знаний о событиях военной истории в целом, и пограничной в частности. Кроме того, они позволяют лучше представить процесс становления и развития самой системы защиты и охраны границ государства.

Но в данном случае необходимо понимать, что историческая наука, как никакая другая, связана с политическими реалиями того или иного периода. Политика всегда отражалась в исторических исследованиях. И сегодня, открыв тот или иной труд, можно с определённой долей вероятности судить о происходящем в общественно-политической жизни общества в момент его написания.

В 1990-е годы, когда идеологический контроль власти был снят, всплыли многие, ранее умалчиваемые факты, были открыты архивные документы, и вышло множество различных исследований. Вопрос лишь в том, насколько изложенная в них информация соответствовала действительности.

Ещё древнегреческий историк Фукидид, считал, что в отличие от поэтов, воспевающих исторические события «с преувеличениями и прикрасами», и прозаиков, сложивших «свои рассказы в заботе не столько об истине, сколько о приятном впечатлении для слуха», историк должен искать истину [16, с. 15-16].

Особенно это касается исследований в области пограничной истории. Так как объект её исследования, всегда находился на острие пограничной политики.

Если рассматривать проблему научно-теоретического обобщения истории пограничной деятельности в Приморье как регионе, который сегодня приобрёл особую важность, то следует отметить, что эти вопросы находили и находят определённое освещение в публикациях. Однако, на наш взгляд, главным условием дальнейшего повышения научности процесса изучения вопроса, является обобщение и критическая оценка всего существующего пласта работ по пограничной деятельности в Приморье. И как бы мы сегодня не относились к своему советскому прошлому и партийным деятелям того времени, довольно логичным будет здесь привести слова В.И. Ленина, который был не только советским политическим и государственным деятелем мирового масштаба, но и человеком, на наш взгляд, широких взглядов и интересов. Именно ему принадлежит научная разработка вопроса о государственных границах, всестороннее обоснование принципов установления границ советского государства. В частности, В.И. Ленин справедливо отмечал необходимость «...подводить итоги, делать выводы, почерпать из опыта сегодняшней истории уроки, которые пригодятся завтра...» [7, с. 208].

Выполнению этой задачи в области пограничной истории, как раз и способствуют историографические исследования, которые, отметим, по данной проблематике практически отсутствуют.

Историография истории пограничной деятельности в Приморье, развиваясь в рамках общей историографии, начинает свой отсчёт с XIX в. и неразрывно связана с рассмотрением вопросов, касающихся времени освоения Дальневосточного края и установления здесь государственных границ Российской империи. Именно к этому периоду следует отнести

не только создание специальных институтов, осуществляющих пограничную деятельность в этом регионе, но и зарождение историографии вопроса, как первой попытки зафиксировать и осмыслить происходящие события в пограничной сфере.

Революция и гражданская война принесли с собой новый этап в развитии историографии, получивший у историков название «советский». Несмотря на присущий ему догматический подход в освещении основных проблем истории деятельности пограничников Приморья, именно в это время сложилась методология их научного исследования, была определена основная тематика.

В итоге, к началу нового и, как его часто называют исследователи, российского этапа, отсчёт которого ведётся с 1991 г., историография истории пограничной деятельности в Приморье подошла с новыми научными и более основательными подходами в плане научно-теоретического осмысления своей проблематики.

Но, несмотря на существующий огромный пласт работ по нашей теме, столь необходимое сегодня историографическое исследование отсутствует. Более того, продолжает углубляться противоречие между увеличивающимся потоком публикаций и практически полным отсутствием их критической оценки, за исключением изредка появляющихся рецензий на отдельные работы [8]. Основной минус подобных рецензий – явный крен в сторону подчёркивания лишь положительных сторон рассматриваемых трудов. По сути, критическая статья не выполняет свою основную задачу – дать объективную оценку работы, с указанием не только плюсов, но и минусов, тем более что указать есть на что.

Историческая реальность, по разным причинам, порой весьма отличается от того, что излагается в литературе. В нашем случае подобных примеров немало. Наиболее ярким является факт гибели одного из первых Героев Советского Союза, пограничника-приморца, военного инженера В. Виневитина, погибшего летом 1938 г. во время вооружённого конфликта на озере Хасан.

Долгое время, как историографический факт (то есть именно так он излагался в исследованиях различных авторов) [4; 17] существовало утверждение, что Герой Советского Союза, военный инженер В. Виневитин погиб, сражаясь в боях у озера Хасан. Но факт исторический говорит совсем о другом – он, к сожалению, был убит своими же бойцами 2-го батальона 115 стрелкового полка, когда не ответил на оклик часового: «Стойте! Кто идёт!», возвращаясь с очередного обхода с проверкой заградительных инженерных сооружений. Это следует из политдонесения 59-го пограничного отряда НКВД политрука Игнатова от 18.8.38: «8.8.38 года начальник инженерной службы 59 ПО тов. Виневитин, один из героев обороны высоты Заозёрная, представленный к награде, возвращался в 4.00 с высоты Заозёрная вместе с двумя инженерами 40-й СД. По званию один из них капитан, второй майор, один красноармеец 40-й СД - связной. Направляясь на КП 40-й СД на высоту 62.1 и не доходя 100 м до КП, последовал оклик «Стойте! Кто идёт!» и одновременно было произведено два выстрела из винтовки с юго-западной стороны высоты 62.1, где находились в окопах красноармейцы 2-го батальона 115-го СП. В результате был убит лучший командир пограничник т.Виневитин. Особым отделом ведётся расследование, но уже предварительно установлено, что стреляли именно из окопов бойцы 2-го батальона 115-го СП» (АМ ПУ ФСБ ПК. НВ. 185. Ф.1. Оп.1. Ед.хр. 73. Л.3).

Из донесения также становится понятным, почему так произошло: «1. Среди отдельных командиров действующих частей на указанных участках царит преступная паника, трусость, граничащая с изменой Родине, эта паника передаётся и на бойцов. В результате чего срывается

операция, производятся бесцельные стрельбы и убийства бойцов своим же оружием» (АМ ПУ ФСБ ПК. НВ. 185. Ф. 1. Оп. 1. Ед.хр. 73. Л. 1).

Сегодня с этих документов уже снят гриф секретности, и поэтому мы можем выявить это несоответствие.

Вопрос о том, почему умалчивается этот факт и практически не упоминается сегодня, на наш взгляд, риторический. И он ни в коем случае не умаляет заслуги В. Винеvitина, и не ставит под сомнение факт присвоения ему столь высокого звания. В данном случае дело в объективности, которая необходима в исторических трудах.

Подобная ситуация сложилась и вокруг событий на острове Даманский (март 1969 г.).

В 2011 г. были рассекречены журналы боевых действий 57-го пограничного отряда, которые велись во время боевых действий на о. Даманский. Информация, содержащаяся в них, носит официальный характер.

В своих воспоминаниях, Герой Советского Союза генерал-майор запаса и непосредственный участник боёв на о. Даманский, В.Д. Бубенин пишет: «В 17.10 по позициям огневых средств и живой силе противника на острове и по китайской территории на всю глубину был проведён десятиминутный огневой налёт артиллерийским полком и дивизионом «Град» 135-й мсд с привлечением миномётных батарей» [2, с. 211].

В Выписке из журнала оперативного дежурного Краснознамённого Тихоокеанского пограничного округа за 15 марта 1969 г. приведена несколько другая информация: «16.15. Приказ командиру 135-го мсд: «Реактивному дивизиону подавить огневые средства и живую силу противника западнее о. Даманский, а также на флангах. Можно вести огонь по китайской территории...Лосик... С 17.00 до 17.10 произведён 10 минутный огневой налёт по огневым позициям и живой силе китайцев на их территории» (АМ ПУ ФСБ ПК. НВ. 558. Ф. 1. Оп. 1. С. 23).

Кроме того, выписка из журнала оперативно-боевых действий войск Краснознамённого Тихоокеанского пограничного округа с 10.00 2 марта по 4.30 25 марта 1969 г. свидетельствует и о так называемом «дружественном огне»: «17.10. 15.3.69 г. Константинов – Сечкин. Наша минбатр по данным с НП кмсд ведёт огонь по своим. Просим немедленно перенести огонь на китайскую территорию. Огонь минбатр перенесён на китайский берег» (АМ ПУ ФСБ ПК. Д. 604. Ф. 1. Оп. 3. С. 30).

Следовательно, примерно один и тот же временной отрезок боевых действий в разных источниках описан по-разному. Это также необходимо учитывать при изучении различного рода источников и литературы.

Кроме того, важно учитывать и тот факт, что материал порой излагался в удобном для руководства русле и некоторые подробности намеренно замалчивались. Особенно это касалось советских работ открытого характера, предназначенных для широкой общественности.

Так, например, всё в той же книге В.Д. Бубенин отмечает, что уже после 2 марта был определён порядок взаимодействия пограничных и воинских формирований, о чём мы не найдём ни малейшего упоминания в трудах более раннего периода. Подтвердить информацию помогает Выписка из того же журнала: «Боевой распоряжение... 2. Привести в полную боевую готовность резервы погранотрядов и отряды поддержки, от соединений 5-й армии и 45-го армейского корпуса, а также резервов округа» (АМ ПУ ФСБ ПК. Д. 604. Ф. 1. Оп. 3. С. 2). На тот период времени о том, что Армия принимала участие в вооружённом конфликте, по определённым соображениям упоминать было запрещено.

Ещё один весьма показательный пример – это тема участия пограничников-приморцев во взятии погранполицейских кордонов во время войны с Японией летом 1945 г. В литературе в течение длитель-

ного периода проходила информация лишь о том, что всё было сделано гладко и быстро. И только в последние годы стали появляться работы обобщающего характера, где разбираются факты и неудачных действий, на конкретных примерах объясняются причины [5]. И это важно.

Но есть в истории моменты, когда закраившаяся историографическая ошибка оказывает влияние и на существующую действительность.

И здесь дело не только в неверном изложении исторического факта, но и в самом факте, когда звание Герой Советского Союза было по ошибке присвоено не тому человеку. Именно выявление этого факта в книге дало основание с некоторых пор не считать данного военнослужащего героем.

Речь идёт об офицере запаса, старшем лейтенанте Шакирове Германе Закировиче, 1925 г.р. В книге «На тихоокеанских рубежах» читаем: «При форсировании Днепра в составе 188-го Аргунского полка 106-й стрелковой дивизии отличился пограничник-тихоокеанец Шакиров Саду (Герман Закирович). Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 октября 1943 г. ему присваивается звание Героя Советского Союза» [13, с. 163]. Далее идёт описание подвига, за который ему было присвоено звание Героя.

И действительно, если мы откроем послужной список Шакирова Германа Закировича, в п. «Награды и поощрения» мы найдём следующую запись: «Указ Президиума Верховного Совета СССР от 31 октября 1943 г. рядовому 188-го Аргунского стрелкового полка 106-й стрелковой дивизии присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (АМ ПУ ФСБ ПК. НВ. 496. Ф. 1. Оп. 2. Ед.хр. 115). Это исторический факт. Казалось бы, противоречия с фактом историографическим нет.

Но вот в чём дело. Шакиров Саду и Шакиров Герман Закирович – это два разных человека, служивших в одно и тоже время в 188-м Аргунском стрелковом полку, 106-й стрелковой дивизии, получивших звание Героя Советского Союза. Только Герман Закирович, к сожалению, не совершал того подвига, за который был «удостоен» столь высокой награды и который был описан в вышеуказанной работе. Его, согласно данным наградного листа совершил Шакиров Саду. В п. «Имеет ли ранения и контузии в Отечественной войне» указано: «Пал смертью храбрых в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 октября 1943 г. присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (АМ ПУ ФСБ ПК. НВ. 474. Ф. 1. Оп. 2. Ед.хр. 69). Но так как его ошибочно считали павшим, свою награду он получил в Кремле только 2 июня 1944 г.

Если мы откроем второй том краткого биографического словаря «Герои Советского Союза», мы прочитаем следующее: «Шакиров Саду, 20.10.1922 г.р. в Действующей Армии с 1943 г. Рядовой Шакиров одним из первых 15.10.43 г. переправился через Днепр в районе пгт. Лоев (Гомельская обл.), ворвался в опорный пункт противника и водрузил красный флаг. Звание Героя Советского Союза присвоено 30.10.43 г.» [3, с. 751].

Факт этой ошибки вскрылся после долгой переписки с Чабаненко В.Е., исследователем, занимавшимся поисками пограничников, удостоенных высшей степени воинского отличия (АМ ПУ ФСБ ПК. Ответ Чабаненко В.Е. Вх. № 29 от 2.05.2001 г.) и соответствующих запросов в архивы.

Здесь налицо, с одной стороны, было умалчивание факта, с другой стороны, недостаточная скрупулёзность в проверке существующей информации.

Но бывает и так, что ошибка закрадывается в сами документы, и

тогда выявить истину сложно. Например, такое зачастую происходит с датами рождения.

В 2010 г. прошло празднование 100-летия со дня рождения Героя Советского Союза, легендарного следопыта Н.Ф. Карацупы. Согласно многим книгам, написанным о нём, он родился 25 апреля 1910 г. Например, в одной из последних работ о нём, читаем: «Н.Ф. Карацупа родился 25 апреля 1910 г. в селе Алексеевка Днепропетровской области» [14, с. 3]. Но что интересно: если мы откроем копию его личного дела, то в партийной характеристике будет указано: «1911 г.» (АМ ПУ ФСБ ПК. НВ. 16. Ф. 1. Оп. 1). В своей же автобиографии Никита Фёдорович указывает на 1910 год (АМ ПУ ФСБ ПК. НВ. 15. Ф. 1. Оп. 1). И дальше идёт та же путаница. В некоторых документах указан 1910 год, в других 1911 год. А ведь всё это – официальные документы.

Таким образом, из вышеизложенных примеров можно сделать вывод, что к изучению материалов любого рода, тем более при использовании их в написании научных трудов, стоит подходить внимательно и осторожно. Эта работа не терпит суеты и предвзятости. Здесь нужен взвешенный, и по возможности, объективный подход.

Очень хорошо по этому поводу высказывался генерал армии В.А. Матросов. Он говорил, и здесь мы с ним согласимся, что факты могут знать только очевидцы событий. К сожалению, некоторые исследователи пытаются восполнить недостающую информацию домыслами и догадками.

«Требуяют правды? – спрашивал Матросов и сам отвечал: – Историческая правда – вскрытие глубинных процессов этого периода, в тех условиях, тех людей, а не нынешних. Историю нельзя изменить. Каждый её факт был и остаётся таким, каким был. То, что принадлежит истории, не может быть ни отнято у неё, ни перекрашено...» [1, с. 8].

Единственное, что хотелось бы добавить – не просто не может, но и не должно быть отнято. Иначе теряется сам смысл изучения истории, и обращение к предшествующему опыту становится в этом случае совершенно бесполезным.

Литература

1. Боярский В.И. Генерал армии Матросов: портрет на фоне границы. М.: Граница, 2002. 368 с.
2. Бубенин В. Д. Кровавый снег Даманского. События 1966–1969 гг. Владивосток: Русский остров, 2009. 218 с.
3. Герои Советского Союза: краткий биографический словарь. В 2 т. Т. 2. М.: Воениздат, 1988. 863 с.
4. Деревянко А.П. Пограничный конфликт в районе озера Хасан в 1938 году. Материалы к 60-летию хасанских событий. Владивосток: Уссури, 1998. 84 с.
5. Испытанные войной. Пограничные войска (1939–1945 гг.) М.: Граница, 2008. 712 с.
6. Историография античной истории: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1980. 415 с.
7. Ленин В.И. Полн.собр.соч. В 55 т., Т. 9. М.: Издательство политической литературы, 1979. 580 с.

8. Макаренко В. Рожденный на Усури / Литературный Владивосток. Альманах. Владивосток: Русский остров, 2008. С.243-245. Рец. на кн. Смирнов А. Рожденный на Усури. К 85-летию Уссурийского Краснознаменного ордена Трудового красного Знамени пограничного отряда имени В.Р. Менжинского. Владивосток: Русский Остров, 2007. 240 с.

9. Наумова Г.Р. Историография истории России: учеб. пособие для студ. высш. учеб. Заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2009. 480 с.

10. «О федеральной службе безопасности» // ФЗ «О федеральной службе безопасности» от 3 апреля 1995 г., [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fsb.ru/> [Дата обращения: 16.11.2010 г.].

11. «О государственной границе Российской Федерации» // Закон РФ от 01.04.1993 г. №4730-1, [Электронный ресурс]. URL: <http://ps.fsb.ru/> [Дата обращения: 10.11.2010 г.].

12. Пограничный словарь. М.: Академия ФПС России, 2002. 280 с.

13. Петров И.И., Катунцев В.И. На тихоокеанских рубежах. Краткий исторический очерк. Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1990. 608 с.

14. Смирнов А.Г. Пограничный следопыт /под ред. В.В.Комисарчука. Владивосток: Русский Остров, 2010. 128 с.

15. Советская историческая энциклопедия. В 16 т. Т. 6. М.: Советская энциклопедия, 1965. 522 с.

16. Фукидид. История. В 2 т. Т. 1. История /Пер. Ф.Г.Мищенко. В переработке С.А. Жебелева. М.: Сабашниковы, 1915. 404 с.

17. Шкадов И.Н. Озеро Хасан. М.: Воениздат, 1988. 96 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Boyarskij V.I. General armii Matrosov: portret na fone granitsy. М.: Granitsa, 2002. 368 s.

2. Bubenin V. D. Krovavij sneg Damanskogo. Sobytiya 1966–1969 gg. Vladivostok: Russkij ostrov, 2009. 218 s.

3. Geroi Sovetskogo Soyuz: kratkij biograficheskij slovar'. V 2 t. Т. 2. М.: Voenizdat, 1988. 863 s.

4. Derevyanko A.P. Pogranichnyj konflikt v rajone ozera KHasan v 1938 godu. Materialy k 60-letiyu khasanskikh sobytij. Vladivostok: Ussuri, 1998. 84 s.

5. Ispytannye vojnoj. Pogranichnye vojska (1939–1945 gg.) М.: Granitsa, 2008. 712 s.

6. Istoriografiya antichnoj istorii: uchebnoe posobie. М.: Vysshaya shkola, 1980. 415 s.

7. Lenin V.I. Poln.sobr.soch. V 55 t., Т. 9. М.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1979. 580 s.

8. Makarenko V. Rozhdennyj na Ussuri / Literaturnyj Vladivostok. Al'manakh. Vladivostok: Russkij ostrov, 2008. S.243-245. Rets. na kn. Sмирнов А. Rozhdennyj na Ussuri. K 85-letiyu Ussurijskogo Krasnoznamennoгo ordena Trudovogo krasnogo Znamenі pogranichnogo otryada imeni V.R. Menzhinskogo. Vladivostok: Russkij Ostrov, 2007. 240 s.

9. Naumova G.R. Istoriografiya istorii Rossii: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. Zavedenij. М.: Izdatel'skij tsentr «Akademija», 2009. 480 s.

10. «O federal'noj sluzhbe bezopasnosti» // FZ «O federal'noj sluzhbe bezopasnosti» ot 3 aprelya 1995 g., [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.fsb.ru/> [Data obrashheniya: 16.11.2010 g.].

11. «O gosudarstvennoj granitse Rossijskoj Federatsii» // Zakon RF ot 01.04.1993 g. №4730-1, [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://ps.fsb.ru/> [Data obrashheniya: 10.11.2010 g.].

12. Pogranichnyj slovar'. М.: Akademiya FPS Rossii, 2002. 280 s.

13. Petrov I.I., Katuntsev V.I. Na tikhookeanskikh rubezhakh. Kratkij istoricheskij ocherk. Vladivostok: Dal'nevostochnoe knizhnoe izdatel'stvo, 1990. 608 s.

14. Smirnov A.G. Pogranichnyj sledopyt /pod red. V.V.Komisarchuka. Vladivostok: Russkij Ostrov, 2010. 128 s.

15. Sovetskaya istoricheskaya ehntsiklopediya. V 16 t. T. 6. M.: Sovetskaya ehntsiklopediya, 1965. 522 s.

16. Fukidid. Istoriya. V 2 t. T. 1. Istoriya /Per. F.G. Mishhenko. V pererabotke S.A. ZHebeleva. M.: Sabashnikovy, 1915. 404 s.

17. SHkadov I.N. Ozero KHasan. M.: Voenizdat, 1988. 96 s.

От редактора рубрики

Наш журнал открывает новую рубрику. Называется она «Философский меридиан» и посвящена актуальным проблемам философского знания и истории философии. Необходимость регулярного освещения философской проблематики обусловлена не только отрядным ростом зрелости дальневосточных философских школ, которые ныне обрели способность достойно представить наш регион на общероссийском уровне, но и самим уникальным геокультурным положением Дальнего Востока. Нам выпало жить на меридиане встречи различных традиций мироощущения и миропонимания, традиций, каждая из которых, имея за своими плечами внушительную историю и развитую методологию, сумела сформироваться в своей идейной и духовной целостности. Эта встреча традиций происходит на наших глазах и являет собой базис для философского поиска, равно как и открывает неравнодушному взору целые комплексы историко-философских проблем, которые у нас в стране ещё ждут своего исследователя. Известно, что именно границы геокультурных сред всегда служили местом не только идейных баталий, но и, что гораздо более ценно, идейных прорывов. Сама история дала мыслителям нашего региона дополнительные шансы оправдать своё призвание, не единожды испытав это счастливое, нехватное переживание соприкосновения с Истиной.

Мы убеждены в том, что новая рубрика станет достойной трибуной для дальневосточных, да и не только для дальневосточных, философов и историков философии. Приглашаем на эту трибуну тех, кто желает поделиться с учёной общественностью Дальнего Востока результатами своей философской работы.

Д.В. Конончук

УДК 299.512

*Конончук Д.В.
Kononchuk D.V.*

Конфуцианская культурная парадигма

The Confucian cultural paradigm

В статье на основании разработанной авторским коллективом концепции культурных парадигм производится анализ конфуцианской культурной парадигмы и определяются её основные культурные паттерны.

Ключевые слова: *Конфуций, конфуцианство, китайская философия, культурная парадигма, культурный паттерн, смысл, Чжоу-гун*

In the article, using group of authors' cultural paradigms concept as basis, was carried out an analysis of Confucian cultural paradigm, and also were identified its major culture patterns.

Key words: *Confucius, Confucianism, Chinese philosophy, cultural paradigm, cultural pattern, meaning, Zhou Gong*

«孔子是我们的耶稣»
(樊志辉, 中国哲学史学家)¹

Эта статья продолжает тему культурной парадигмы, которая была поднята в прошлом номере журнала в статье С.Е. Ячина и Д.В. Конончука [14]. Мы постарались обосновать подход к осмыслению культурной динамики, согласно которому в качестве смыслового ядра культуры может рассматриваться культурная парадигма – живой пример (событие и/или лицо), который становится образцом решения жизненно важных задач для носителей данной культуры (формулировка С.Е. Ячина). В статье мы попытаемся показать, как работает концепт культурной парадигмы на материале конфуцианства, которое являет нам яркий и очень типичный пример культурной парадигмы *per se*, раскрывающий все основные её характеристики.

Наша уверенность в типичности конфуцианской культурной парадигмы основана на исторической логике её становления. Этот процесс обнаруживает следующие признаки: конфуцианская культурная парадигма 1) базировалась на солидном основании уже существовавшей, достаточно разработанной парадигмы, исходной для данной культуры; 2) не отрицала эту парадигму, но претендовала на более точное понимание её паттернов; 3) получила своего основателя в лице обладающей харизмой личности, ориентированной в первую очередь на коммуникативное

КОНОНЧУК Дмитрий Васильевич, к.ф.н., доцент кафедры философии Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток) **E-mail:** Novymladshy@yandex.ru

¹ «Конфуций – это наш Иисус». Фань Чжихуэй, историк китайской философии.

общение с учениками, а не на теоретизирование и создание текстов; 4) имела достаточное количество способных и энергичных последователей, осуществивших её доктринизацию с учётом исторического опыта и первичную идеализацию образа Учителя; 5) в качестве доктрины пережила этап конкуренции с другими сильными и популярными доктринами, пока 6) однажды не получила официальную поддержку власти и все привилегии государственной идеологии. Легко заметить, что все эти черты могут быть отнесены сразу к целому ряду парадигм, например, к христианской.

Парадигмальный образ. На одной из двух стел, стоящих на могиле Учителя в лесу Кунов в Цюйфу, стилизованным под чжоуское письмо чжуаншу начертано:

Здесь лежит великий совершенный достигший святости наречённый культурой царь. (大成至聖文宣王墓).

Ещё до этого, в III веке при династии Цзинь впервые появляется зафиксированный в «Записях о трёх царствах» титул «Учитель и Образец десяти тысяч поколений» (萬世師表) [16], оказавшийся в посмертной жизни Конфуция наиболее распространённым. Позже сунский автор Чжоу Хуэй писал:

О сколь велик [ты], совершенный в святости! В тебе – сама культура. Эталон для императоров и царей, учитель для прошлого и настоящего! [22].

Чжоу Хуэю вторит торжественное песнопение во время жертвенного поминания Учителя в посвящённых ему храмах:

О, сколь велик [ты], учитель Кун! О, сколь прекрасен [ты], учитель Кун! Прежде не было подобного тебе, после тебя уже не повторить. Твой Путь (дао, 道) венчает прошлое и настоящее, твоя благодать (дэ, 德) слилась с Небом и Землёй. О, Учитель десяти тысяч поколений, несущий спасение миру!... Эталон для всего человечества, в тебе – сама культура. Солнце и Луна озаряют тебя своим светом, Небо и Земля приветствуют тебя, Достигший святости первоучитель, тебя славят все люди! [23]¹

Само собой разумеется, внешность Конфуция была тоже под стать более ранним «анатомическим» образцам. Сыма Цянь описывает это так: «У восточных ворот стоит человек. У него лоб, как у великого Яо. Его голова, как у мудрого Гао Яо. Его плечи, как у Цзы Чаня. От поясицы и ниже – он короче Великого Юя [лишь] на 3 цуня» [13, с. 135-136; подробнее на эту тему см: 4].

Приведённые примеры лишний раз напоминают о том, что парадигмальный статус Конфуция в китайской культуре общеизвестен. Эвфемизация имени Учителя, особенно в форме вечного присвоения ему его титула – яркий признак торжества парадигмы. Посмертный титул Конфуция, как и, например, Иисуса, слился с самим его именем. *Фуцзы*, как и *Христос*, – сразу понятно, о ком это. На протяжении веков китайцы упорно сами создавали себе культурный эталон, возведя скромного любителя древности из Цюйфу в ранг *Учителя десяти тысяч поколений и Совершенного в святости*. В сопровождении титулов «образец» (бяо, 表), «эталон» (ши, 式), префиксов «совершенно-» (сюань, 宣), «перво-» (сянь, 先) Учитель веками предстал перед поколениями китайцев. Каждое занятие в начальной школе неизменно начиналось с поклонов Конфуцию и

¹ Перевод Д.В. Конончука

своему собственному учителю, этим же и заканчивалось [12, с. 407-409]. Сложность в постижении иероглифики, даже на школьном уровне, приводила к тому, что каждый учитель, может быть, ещё в большей степени, чем в Европе, выступал в качестве образца, за которым необходимо было повторять по принципу «делай, как я». Что же до самого материала для изучения и повторения, то начиная с сунского времени стал знаменитый «Сань цзы цзин», или «канон трёх иероглифов»¹, уже первые строки которого содержат тезис о необходимости учиться и – его доказательство в виде конкретных примеров и образцов для подражания². «При каждом Училище находится храм учёных (храм культуры, вэнь мяо – Д.К.), в котором Кун-цзы занимает первое место» [1]. В 1313 г. при юаньском императоре Жэнь-цзуне³ знание Четвёрокнижия и особенно «Лунь юя» стало в Китае основой системы *кэцзюй*, государственных экзаменов на управленческие должности и сохранялось в таком качестве до 1905 г. До XX века китайцы вполне официально упорно придерживались образцов древности.

Конфуцию китайцы обязаны прецедентами самого разного рода. Однажды во время странствий, Конфуция, направлявшегося в царство Вэй, задержали у крепости Пу, однако согласились выпустить с условием (согласно Сыма Цяню): «Если Вы не направляетесь в Вэй, то мы отпустим Вас». Так они договорились, и Конфуций был выпущен через восточные ворота. Однако Конфуций всё же отправился в Вэй. Цзы-гун сказал ему: «Разве можно было нарушать договор?» На эти слова Конфуций ответил: «Соглашению, заключённому под угрозами, духи не следуют». [13, с. 135-136]. По словам В.В. Малявина, «Поведение учителя Куна в этом случае оказало сильное влияние на традиционную мораль китайцев: нарушить слово, данное неискренне, вовсе не считалось в Китае прегрешением» [8, с. 272]. Действительно, эпизод, произошедший с Конфуцием в Пу, китайцы помнят и поныне, храня его в арсенале своей парадигмы.

Истоки и основные паттерны конфуцианской культурной парадигмы. Под паттернами мы будем подразумевать конкретные смысло-жизненные схемы, структурирующие Бытие носителя парадигмы, его конкретные *тревогу и заботу*.

¹ В переводе И. Бичурина, «троесловие».

² Эту схему иллюстрируют первые строки «Сань Цзы цзина»:

«Природа человека от рождения –
В своей сущности, добрая.
[Хотя] по этой природе [люди] близки,
[Но] далеки друг от друга по умениям.
[Значит,] если не учиться,
Мы только лишь изменяем своей природе.
[Поэтому] путь учения
Обладает исключительной ценностью.
В прежние времена мать Мэн-цзы
Выбирала место жительства по соседям,
[Когда однажды] сын не захотел учиться,
Она перерезала основу ткани [, которую ткала].
Доу Яньшань
Знал должный метод:
[Он] выучил пятерых своих детей,
[И] имена [их] всех прославлены»

(Перевод Д.В. Конончука).

³ Символично, что храмовое имя императора содержало в себе одну из важнейших конфуцианских категорий – *жэнь* (человечность).

Паттерны в рамках парадигмы, как правило, имеют свои аналоги в виде категорий в рамках соответствующей доктрины. Однако между первыми и вторыми есть существенное различие. Парадигма, в отличие от доктрины, всегда практична (даже если и не прагматична). В рамках учения категории способны структурироваться исходя из самых различных мотивов, часто весьма субъективных и обусловленных самой индивидуальностью автора учения. Например, решающим фактором во взаимоотношениях категорий в рамках учения может быть их логическая связность в рамках целого. Парадигма же, как правило, мифологична, а значит, последнее для неё совершенно не обязательно. Парадигма, для того, чтобы выжить и распространиться, должна отвечать на жизненные запросы как можно большего числа адептов применительно к как можно большему количеству жизненных ситуаций. Адепты парадигмы – её тело. Философская или религиозная доктрина сама по себе может в достаточно аутентичном виде существовать и без адептов, но парадигма без адептората мертва. Мы можем неплохо реконструировать феноменологию, скажем, манихейства или моизма, но ни манихеев, ни моистов как таковых сегодня на свете нет. Парадигма призвана что-то объяснить лишь в тех рамках, которые обусловлены основной её задачей: указать людям Путь и Цель, т.е. Смысл их Бытия **[подробнее см.: 15]**. Как правило, парадигма – это сильно модифицированное под воздействием жизненных реалий учение того или иного великого Учителя; при этом, модификации, как показывает конкретный исторический опыт жизни парадигм, не только не дискредитируют изначальный образ Учителя, но наоборот, часто производятся его же именем. Парадигма рождается как рефлексивное предприятие, но именно в силу указанных модификаций рефлексивность в ней обречена всегда и только убывать. Учение – это бездна. Парадигма – бездонная бочка. Поэтому если доктрину того или иного Учителя можно уподобить сосуду с цветами, при соприкосновении с которым доминирует переживание прекрасного, то парадигма, созданная именем этого Учителя – это тот же сосуд, но только на словах. Фактически это давно уже ящик с инструментами, в котором можно отыскать всё, что нужно на любой случай жизни, и неважно, если для одной и той же задачи в ящике имеется сразу несколько совершенно разных по духу инструментов. Как правило, важна цель, которую преследуют адепты парадигмы в том или ином конкретном жизненном случае, задача, которую они решают. «Цель оправдывает средства», – принцип не учения, но парадигмы.

В жизни инструменты чаще всего нужнее цветов. Но цветы всё же имеют одно преимущество: они, в отличие от инструментов, живые. А инструменты полностью зависят от своего очередного хозяина.

На протяжении веков конфуцианская парадигма модифицировалась в соответствии с меняющимся ритмом жизни Китая. Её история – тема для многотомного издания. Вехами на этом долгом пути являются Цзэн-цзы, возглавивший конфуцианскую школу после смерти Конфуция; Мэн-цзы, творивший в условиях «войны ста школ»; прагматик Сунь-цзы, внёсший в парадигму здоровую долю легистских положений; Дун Чжуншу, главный деятель т.н. «ханьского синтеза», при котором конфуцианство сумело вобрать в себя наиболее выгодные идеи других школ и впервые стать общекитайским учением; Хань Юй, провозвестник неоконфуцианства в условиях гегемонии буддизма; Чжу Си, создатель нового канона конфуцианских текстов, и сотни, тысячи других, известных и неизвестных людей, реальных творцов парадигмы, стоящих за широкой и вечной спиной «Учителя и Образца десяти тысяч поколений».

Более того, Конфуций был не только не последним, но, разумеется, и не первым в числе творцов собственной парадигмы. К моменту возник-

новения конфуцианства вполне сложившаяся китайская культурная парадигма насчитывала уже несколько столетий реальной истории (и ещё больше – легендарной). Конфуцианство настолько органично вписалось в эту древнюю мудрость, что стало даже не превращённой формой предыдущей парадигмы, а её развитием. И в «Лунь юе», и в других источниках Конфуций постоянно цитирует как произведения литературы (в первую очередь, стихи «Ши цзина»), так и разного рода безымянные изречения, что уже свидетельствует о солидной традиции, стоявшей за его учением. Если христианская парадигма несла в себе значительный заряд революционности и отрицания, то конфуцианская разделяла основные принципы традиции, и, в отличие от христианской, претендовала на её защиту и выражение её интересов без конфликта с ней самой. Прямая параллель принципу Иисуса об исполнении, но не отрицании прежних установлений из Мф. 5:17-18, принцип Конфуция из «Лунь юя» 7.1 «передать, но не создавать, верить [древнему] и любить древнее» (*шу эр бу цзо, синь эр хао гу* 述而不作, 信而好古) вкупе с принципом из 2.11 «повторять древнее, но узнавать [в нём] новое» (*вэнь гу эр чжи синь* 溫故而知新) задают один из важнейших горизонтов конфуцианской парадигмы – отношение к своей предшественнице. «Поднебесная имеет [свой] Путь, и не мне, Цю, пытаться изменить его (*тянь ся ю дао, цю бу юй и е* 天下有道, 丘不與易也)», – говорит Конфуций у Сыма Цяня [26; 12, с. 140-141].

Ко времени жизни Конфуция китайская парадигма не только лишь обладала системной целостностью, более того, у этой парадигмы, собственно, даже был исторический автор, которого Конфуций глубоко почитал. Это был Чжоу-гун, один из основателей чжоуской династии, известный своей добродетельной мудростью создатель чжоуского ритуала, святой святых будущего конфуцианского учения. Как следует из «Цзо чжуани», именно «первоправитель Чжоу-гун, создавая чжоуский ритуал, сказал: через это мы открываем [в людях] добрую силу (德 *дэ*), с помощью доброй силы строим дела [управления], с помощью [так выстроенных] дел [управления] мы предвидим результаты, [этими] результатами народ живёт в достатке» [25, 6.18]. По-видимому, прав В.В. Малявин, предполагающий, что Чжоу-гун был любимым героем Конфуция [8, с. 75]; вероятно, этот человек, живший в сходную с конфуциевой эпоху жёстких политических перемен, стал и образцом для Конфуция. Конфуций хорошо знал существовавший в его время древнейший вариант «Шу цзина», одним из самых ярких героев которого был Чжоу-гун. Л.С. Васильев утверждает, что слой современного «Шу цзина», повествующий о воцарении династии Чжоу, относительно аутентичен, и в нём «конфуцианская этика присутствует лишь в том виде и настолько, в каком и насколько она существовала до Конфуция» [2, с. 19]. Если это так, то парадигмальность образа Чжоу-гуна для Конфуция имеет высокую вероятность. Конфуций отчего-то считал себя избранным Небом наследником Вэнь-вана, реальным сыном которого был Чжоу-гун [19, 9.5; 19.22]. Известно, что Конфуций имел с Чжоу-гуном «ментальную связь», регулярно общаясь с ним во сне [19, 7.5]. Как тонко подмечает В.В. Малявин, «Возможно, самому Конфуцию казалось, что не столько он выбрал своим кумиром Чжоу-гуна, сколько Чжоу-гун сам определил его быть наследником первых царей Чжоу» [8, с. 76].

Чжоугунова культурная парадигма, подобно моисеевой или гомеровской, может считаться своего рода «Ветхим заветом» своей цивилизации. В чжоугуновой парадигме, по которой Китай жил несколько столетий до Конфуция, мы, собственно, уже можем наблюдать главное положение конфуцианской парадигмы: посредством ритуала (*ли* 禮) пробуждать в человеке добрую силу или благодать (*дэ* 德). Конечным результатом

должно стать устойчивое равновесное состояние всякой системы, основанное на взаимодополняющей симфонии разнородных элементов (*хэ* 和). Мы полагаем, что за эти три понятия репрезентируют основные паттерны конфуцианской культурной парадигмы.

Лексикология и грамматика китайского языка структурирует Бытие-в-мире таким способом, что мир, подобно иероглифическому тексту, феноменологически являет собой целостную структуру, доминирующую над своими частями. Характерная для западных парадигм схема «единое»/«многое» для китайской культуры неадекватна. Интенция китайского языка и письменности – это «целое»/«часть» [подробнее на эту тему см. 10; 5]. Для Китая был абсолютно чужд ближневосточный по своему происхождению образ мира как погрязшей во грехе испорченности или обречённой на страдание сансары. Китайский Мир изначально добр и упорядочен, Небо выступает гарантом порядка и стабильности в мире, этот порядок нужно не завоёвывать, а поддерживать в форме стабильности (*хэ* 和). По словам М. Гране, для китайцев «призванием человеческого мышления является не чистое познание, а цивилизаторская деятельность: его роль заключается в установлении всеобщего и действенного порядка» [3, с. 23]. Добрая природа человека есть онтологическая данность, она укоренена в самом Мире. Гармонию *хэ* возможно поддерживать лишь особым способом Бытия-в-Мире: *хэ* достигается только тогда, когда человек актуализирует заключённую в нём добрую силу-благодать (*дэ* 德) и излучает её в Мир, тем самым одновременно проживая его и гармонизируя. Однако, как утверждает, например, конфуцианский текст «Да сюэ», «пресветлая благодать» (*мин дэ* 明德) сама нуждается в том, чтобы её свет был зажжён. Именно «воссияние пресветлой благодати» (*мин мин дэ* 明明德) выступает в этом тексте целью всякого усовершенствования [17]. Ну а ключевым способом усовершенствования людей в конфуцианстве являлся ритуал (*ли* 禮). Как нам сообщает другой текст «Ли цзи», «Жу син»: «Гармония (*хэ* 和) становится ценностью посредством ритуала (*ли* 禮)» [18, 12] Эту же идею мы обнаруживаем и в [18, 1.12]: «Ю-цзы сказал: «Гармония (*хэ* 和) становится ценностью, [когда] применяют ритуал (*ли* 禮). [Установленная] древними царями Правда (*дао* 道) этим была превосходна, и большие, и малые исходили из неё. Если кто-то не следовал [Правде], то приобщаясь к гармонии (*хэ* 和), [сам] становился гармоничным (*хэ* 和). Не формируя себя посредством ритуала (*ли* 禮), невозможно следовать [Правде] (*дао* 道)». Ли являет конкретный образец действия, конкретный паттерн поведения в той или иной ситуации, но он призван ориентировать своего носителя на актуализацию («сияние») *дэ*. Результат являет себя в виде гармонической стабильности *хэ*.

Модель повседневного поведения, ориентированного не на собственную исключительность, а на гармоничность во взаимоотношениях является базовой в культуре всего конфуцианского культурного региона. «Не в том дело, что азиаты плохо думают о своих качествах; скорее у них нет культурного позыва чувствовать себя исключительными или одарёнными. Их цель в обществе – не укрепиться в собственной уникальности и превосходстве, а достичь гармонии внутри сети социальных отношений и сыграть свою роль в достижении коллективной цели» [10, с. 83]. Китайская модель *золотой середины* (*чжун юн* 中庸) прочно связывается с именем Конфуция [19, 6.29]. Устойчивое и гармоничное состояние (*чжунхэ*, 中和) – главный мотив поведенческих стратегий в сфере образования, в экономике, юриспруденции¹ всей конфуцианской

¹ «Обыкновенно недовольные передают дело на рассмотрение третьему лицу, цель которого – не установление справедливости, а устранение вражды путём поиска среднего в притязаниях оппонентов» [10, с. 106].

цивилизации [10, с. 99-109], и в первую очередь Китая, страны, эндоним которой, как известно, в переводе означает *Срединное государство* (Чжунго 中国) [7, с. 113].

Схема хэ – дэ – ли может считаться основой китайской культурной парадигмы. Её легитимизацию произвёл в XII в. до н.э. Чжоу-гун, а новое содержание в неё в соответствии с принципом *вэнь гу эр чжи синь* в VI-V в. до н.э. вложил Конфуций. Истинная заслуга Конфуция, как и всякого великого Учителя, состоит в том, что он сумел гениально прочувствовать дух своей эпохи, прожить эту эпоху в себе, прочувствовать её чаяния, проблемы и заботы, то, что мы называется эпистемической тревогой, и – переформулировать прежнюю парадигму в новых условиях¹. Точнее всего суть этой заслуги понял Мэн-цзы, назвавший Конфуция «мудрецом, соответствовавшим времени» (*шэнь чжи ши чжэ шэнь-шэнь-шэнь* 聖之時者) [20, 10.10]. Это были не просто время, а Осевое время, когда на историческую арену выходила Личность с ценностью её самостоятельно и творческого внутреннего мира. Именно поэтому философия самого Конфуция обусловлена уже не только и даже не столько ритуалом (*ли* 禮), сколько внутренним феноменологическим переживанием близости с окружающими людьми (*жэнь* 仁). Интересно, что когда конфуцианство обрело государственную поддержку, что стало решающим шагом на пути превращения его в доминирующую парадигму китайской культуры, оно скорее неминуемо продемонстрировало возврат к чжоугуновым ценностям посредством учения Сунь-цзы с обусловленным его собственным громадным политическим опытом неверием в человека и явным приоритетом ли перед *жэнь*. Но при этом парадигмальными образцами в виде пяти конфуцианских святых-шэнов обречены были стать не прагматики «линии ли», а гораздо более привлекательные в таковом качестве, добрые и высокоморальные предшественники «линии жэнь» – Янь Юань, Цзэн-цзы, Цзы Сы, Мэн-цзы. Возглавлял эту пятёрку парадигмальный образ *Учителя и Образца десяти тысяч поколений*. Иного и быть не могло.

Литература

На русском языке

1. Бичурин И. Взгляд на просвещение в Китае // Его же. Собрание сочинений [Электронный ресурс]. URL: <http://baike.baidu.com/view/166159.htm>
2. Васильев Л.С. Древний Китай. Т. I: Предыстория, Шан-Инь, Западное Чжоу (до VIII в. до н.э.). М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. 379 с.
3. Гране М. Китайская мысль от Конфуция до Лао-цзы. М.: Алгоритм, 2008. 528 с.

¹ Стоит заметить, что реальное влияние «ветхозаветных» парадигм – гомеровой, моисеевой, чжоугуновой, по сравнению с «осевыми» – платоновской, христианской, конфуцианской – на наш сегодняшний способ Бытия нами самими явно недооценивается. Реальные практические принципы мировой политики и экономики и сегодня демонстрируют нам, что в некоторых наиболее консервативных паттернах, касающихся жизнеобеспечения социума, нынешняя цивилизация по-прежнему скорее наследница первых, чем вторых.

4. Кобзев А.И. Категория «философия» и генезис философии в Китае // Универсалии восточных культур. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 431 с. С. 200-219
5. Кобзев А.И. Китай и взаимосвязи иероглифики с континуализмом, а алфавита с атомизмом // Общество и государство в Китае: ХLI научная конференция. М.: Вост. лит., 2011. 440 с. С. 314-325.
6. Конфуцианское «Четвёркнижие» («Сы шу»). М.: Вост. лит., 2004. 431 с.
7. Линь Юйтан. Китайцы: моя страна и мой народ. М.: Вост. лит., 2010. 335 с.
8. Малявин В.В. Конфуций. М.: Молодая гвардия, 2010. 357 с.
9. Малявин В.В. Сумерки Дао. Культура Китая на пороге Нового времени. М.: ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография» и др., 2003. 436 с.
10. Нейсбит Р. География мысли. М.: Астрель, 2012. 285 с.
11. Переломов Л.С. Конфуций и конфуцианство с древности по настоящее время (V в. до н.э. – XXI в.). М.: Стилсервис, 2009. 704 с.
12. Сидихменов В.Я. Китай: страницы прошлого. Смоленск: Русич, 2003. 464 с.
13. Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). Т. VI. Пер. с кит. Р.В. Вяткина. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1992. 483 с.
14. Ячин Д.В., Конончук Д.В. Культурная парадигма: опыт концептуального осмысления // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2012, № 2. С. 7-13.
15. Ячин С.Е., Конончук Д.В., Поповкин А.В., Буланенко М.Е. Дао и Телос в смысловом измерении культур восточного и западного типа. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2011. 324 с.

На китайском языке

16. Ван ши ши бяо (Учитель и Образец десяти тысяч поколений) [Электронный ресурс]. URL: <http://baike.baidu.com/view/166159.htm>
17. Ли цзи. Да сюэ [Электронный ресурс]. URL: <http://ctext.org/liji/da-xue>
18. Ли цзи. Жу син [Электронный ресурс]. URL: <http://ctext.org/liji/ru-xing>
19. Лунь юй [Электронный ресурс]. URL: <http://ctext.org/analects>
20. Мэн-цзы [Электронный ресурс]. URL: <http://ctext.org/mengzi>
21. Сань цзы цзин [Электронный ресурс]. URL: <http://baike.baidu.com/view/10702.htm>
22. Сюань шэн (Совершенный в святости) [Электронный ресурс]. URL: <http://baike.baidu.com/view/3967081.htm>
23. Хуаньюань вэнь мяо (Хуаньюаньский храм культуры) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.huangyuannews.com/system/2009/04/27/002731690.shtml>
24. Ли цзи. Чжун юн [Электронный ресурс]. URL: <http://ctext.org/liji/zhong-yong>
25. Чуньцю Цзо чжуань [Электронный ресурс]. URL: <http://ctext.org/chun-qi-u-zuo-zhuan>
26. Ши цзи. Кун-цзы ши цзя [Электронный ресурс]. URL: <http://ctext.org/shiji/kong-zi-shi-jia>

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

На русском языке

1. Bichurin I. Vzgl'yad na prosveshhenie v Kitae // Ego zhe. Sbornik sochinenij [Электронный ресурс]. URL: <http://baike.baidu.com/view/166159.htm>

2. Vasil'ev L.S. Drevnij Kitaj. T. I: Predystoriya, SHan-In', Zapadnoe CHzhou (do VIII v. do n.eh.). M.: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 1995. 379 s.
3. Grane M. Kitajskaya mysl' ot Konfutsiya do Lao-tszy. M.: Algoritm, 2008. 528 s.
4. Kobzev A.I. Kategoriya «filosofiya» i genezis filosofii v Kitae // Universalii vostochnykh kul'tur. M.: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 2001. 431 s. S. 200-219
5. Kobzev A.I. Kitaj i vzaimosvyazi ieroglifiki s kontinualizmom, a alfavita s atomizmom // Obshhestvo i gosudarstvo v Kitae: XLI nauchnaya konferentsiya. M.: Vost. lit., 2011. 440 s. S. 314-325.
6. Konfutsianskoe «CHetvyoroknizhie» («Sy shu»). M.: Vost. lit., 2004. 431 s.
7. Lin' YUjtan. Kitajtsy: moya strana i moj narod. M.: Vost. lit., 2010. 335 s.
8. Malyavin V.V. Konfutsij. M.: Molodaya gvardiya, 2010. 357 s.
9. Malyavin V.V. Sumerki Dao. Kul'tura Kitaya na poroge Novogo vremeni. M.: IPTS «Dizajn. Informatsiya. Kartografiya» i dr., 2003. 436 s.
10. Nejsbit R. Geografiya mysli. M.: Astrel', 2012. 285 s.
11. Perelomov L.S. Konfutsij i konfutsianstvo s drevnosti po nastoyashhee vremya (V v. do n.eh. – XXI v.). M.: Stil'servis, 2009. 704 s.
12. Sidikhmenov V.YA. Kitaj: stranitsy proshlogo. Smolensk: Rusich, 2003. 464 s.
13. Syma TSyan'. Istoricheskie zapiski («SHi tszi»). T. VI. Per. s kit. R.V. Vyatkina. M.: Nauka. Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura», 1992. 483 s.
14. YAchin D.V., Kononchuk D.V. Kul'turnaya paradigma: opyt kontseptual'nogo osmysleniya // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2012, № 2. S. 7-13.
15. YAchin S.E., Kononchuk D.V., Popovkin A.V., Bulanenko M.E. Dao i Telos v smyslovom izmerenii kul'tur vostochnogo i zapadnogo tipa. Vladivostok: Izd-vo DVFU, 2011. 324 s.

На китайском языке

16. Van shi shi byao (Uchitel' i Obrazets desyati tysyach pokolenij) [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://baike.baidu.com/view/166159.htm>
17. Li tszi. Da syueh [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://ctext.org/liji/da-xue>
18. Li tszi. ZHu sin [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://ctext.org/liji/ru-xing>
19. Lun' yuj [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://ctext.org/analects>
20. Mehn-tszy [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://ctext.org/mengzi>
21. San' tszy tszin [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://baike.baidu.com/view/10702.htm>
22. Syuan' shehn (Sovershennyj v svyatosti) [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://baike.baidu.com/view/3967081.htm>
23. KHuan"yuan' vehn' myao (KHuan"yuan'skij khram kul'tury) [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.huangyuannews.com/system/2009/04/27/002731690.shtml>
24. Li tszi. CHzhun yun [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://ctext.org/liji/zhong-yong>
25. CHun'tsyu TSzo chzhuan' [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://ctext.org/chun-qiu-zuo-zhuan>
26. SHi tszi. Kun-tszy shi tszya [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://ctext.org/shiji/kong-zi-shi-jia>

УДК 1(091)(520)

*Матвеевко В.А.
Matveenko V.A.*

Специфика японского понимания истины (макото) и феномен истинного сердца (магокоро)

The specificity of Japanese understanding of truth (makoto)
and the concept of True Heart (magokoro)

В статье производится феноменологический анализ японской философской категории истины (макото), выявляется системообразующая роль макото в эпистемическом пространстве японской философской культуры, а также раскрывается значение концепта Мотоори Норинага истинное сердце (магокоро).

Ключевые слова: японская философия, истина, искренность, сердце, гармония, Мотоори Норинага, Ито Дзинсай, кокугаку, ва, котодاما, макото, магокоро, моно-но аварэ

The article tells about a phenomenological analysis of Japanese philosophical category of truth (makoto). A backbone role of makoto in Japanese philosophical culture's epistemic space is described and the meaning of Motoori Norinaga's concept of True Heart (magokoro) is explained as well.

Key words: Japanese philosophy, truth, sincerity, heart, harmony, Motoori Norinaga, Itō Jinsai, kokugaku, wa, kotodama, makoto, magokoro, mono-no aware

Как известно, японская мысль не имеет, в отличие от европейской, чётких метафизических понятий, как не имеет, собственно, и текстов их раскрывающих и определяющих, оставляя нам лишь множество намёков и подсказок, которые помогают обнаружить смысл, как категорий философских, так и категорий культуры.

Отсюда и возникает проблема аутентичности перевода различных понятий с японского языка, связанная с отсутствием в культуре Запада смысловых значений, заложенных в единице языка оригинала. Понятия японской философии никогда не ориентировались на понимание разумом: напротив, они описывали феномены, предназначенные к интуитивному постижению.

В современном японоведении сложилась точка зрения, что категория истинность-макто 真 и правильность-тадасуса 正しさ «являются чуть ли не единственными категориями, которые с определёнными оговорками можно отнести к числу чисто японских или сформировавшихся в Японии» [8, с. 178].

Исследуя письменную философскую традицию Японии на предмет присутствия в ней понятия истины, как уже было сказано, трудно найти

тексты, подробно описывающие и раскрывающие читателю данную категорию, что, конечно, не свидетельствует о её незначимости.

Так, казалось бы, не тождественные между собой понятия *истина*, *прямота*, *прямотушие*, *искренность*, *правдивость*, *верность* и *истинность* по-японски будут обозначаться одним и тем же словом – *макото*. Объясняется это многоликостью японской истины, которая, несмотря на своё единство, предстаёт перед нами в различных образах.

Дело в том, что звукоформе *макото*, помимо силлабического まこと, присущи четыре различных иероглифических написания, которые равнозначно фигурируют в текстах и соотносятся с четырьмя различными отношениями сопричастности к миру:

- 1) 真 (*макото*, *син*) – истина, раскрываемая *подлинностью*;
- 2) 実 (*макото*, *дзицу*) – истина, раскрываемая *правдивостью*;
- 3) 信 (*макото*, *син*) – истина, раскрываемая *верностью*;
- 4) 誠 (*макото*, *сэй*) – истина, раскрываемая *искренностью*.

Таким образом, размышляя о понятии истины-*макото*, стоит учитывать его слабое сходство с нашим словом *истина* или, к примеру, английским *truth*.

Поэтому целью *настоящей* работы является рефлексивный анализ японской культурной и философской категории *макото* и её взаимосвязи с другими категориями японской философии и культуры.

Прежде всего, стоит сказать о том, что в японской культуре сложилось представление, что подлинная суть вещей расположена в их эмпирической данности. Если следовать этой сложившейся со времён «Кодзики» и «Манъёсю» культурной традиции, то истина-*макото* – это то, что мы *видим* и *слышим*, то, что мы ощущаем. Это данность. И этот видимый образ бытия переживается как самотождественный и его не стоит нарушать и усложнять.

Известно, что само слово *ма-кото*¹ происходит от биномов: истинные слова-*сингон* 真言 и истинные дела-*синдзи* 眞事, оба из которых по нижнему чтению читаются как *макото*. Это следует из синтоистского представления о душе слов-*котодама* 言霊, то есть, слова и дела имеют душу-*тама*; слово так же реально существует, как и событие [5, с. 43]. Это вера в то, что в своём звуковом облике язык кроет духовную силу, раскрывающую вещи-*моно* и способную влиять на ход всех вещей в мире.

Полагая *котодама* проявлением искренности человеческого сердца, сам язык становится преисполненным искренности-*макото* [11, с. 1013], то есть становится способным быть понятным вне всяких преград. Таким образом, искренность является основным принципом, создающим слову-*кото* (言) условие возможности стать поступком-*кото* (事).

То есть истинные слова-*сингон* есть не что иное, как правдивые и правильные слова, передающие истину, к которым в старину приписывалось наличие магической силы. В последствии в синто-буддийской традиции под *сингон* понимались мантры – истинные слова Будды, обращённые к его ученикам, воплощённое в слове духовное начало, которое способно воздействовать на человека, вызвать просветление. А под истинными делами-*синдзи* понимаются дела, не противоречащие истинной природе вещей, то есть, *макото* [5, с. 282]. Под прямой противоположностью *макото* мыслится понятие *магакото* (*магагото*) まがこと (まがごと) – *искривлённость*, *криводушие* и *лживость*. Словообразование которого происходит от дурных слов-*кагэн* 禍言 и дурных дел-*кадзи* 禍事.

¹ *Кото* (こと・言・事) – общий термин, который понимает под собой: вещи, события, ситуации и даже слова (*котаба* ことば). Говоря философским языком, он обозначает неразличённость, что лежит в основе различий между субъективности именованного и объективностью вещи, смыслом и референцией. Иногда противопоставляется вещам-*моно* (もの) как объектам окружающего мира [10, с. 1256]

Подобно учению Аристотеля, содержащему представление об истинствующей душе и нескольких способах её истинствования [1, с. 174-175 (Eth. Nic. VI 3, 1139 b 15-18)], японская культура также полагала макото как истинствование души-сердца *kokoro* 心 и истинного сердца *магокоро* 真心 – то есть сердца простого, правильного, не лживого, правдивого и искреннего; сердца, готового к самопожертвованию во благо других.

Концепт *магокоро* был предложен одним из ведущих теоретиков школы *Кокугаку* (Национальная наука 国学) Мотоори Норинага (1730–1801), которое он противопоставил китайскому рационалистскому понятию *карагокоро* (китайское сердце 漢心), основанному на видении единого принципа устройства всего мира. Извращённые и сбитые с толку «китайщиной» сердца были не в состоянии постичь «Истинный Путь» и истину-*макото*. Норинага видел суть японского Пути в «очищении» (чему, к слову, в синтоистской традиции придаётся одна из ведущих ролей), что и послужило основой его стремления возродить Путь древних, изначально присущий истинному сердцу.

«Изначально японцы полагались не столько на доводы разума, сколько на зов «истинного сердца» (*магокоро*), чистого и светлого, на сердечное знание, интуицию, более, чем на знание книжного, логику. Не идея, а образ лежит в основе их мышления. Священный текст «Кодзики»... не поучает, а приучает видеть во всём богов (*ками*) наглядным описанием их поступков», – пишет Т.П. Григорьева [4, с. 102-103]. Об этом свидетельствуется и в многочисленных указах японских императоров с древних времён: в 645 году в указе о вступлении на престол императора Котоку приводятся его слова: «править Поднебесной надо не иначе как обладая правдивостью-*макото*». В 697 г. император Момму напомнил подданным о высшем смысле «сердца чистого, светлого, правдивого, прямого». Император Сёму в 724 г. издал высочайший Указ о «сердце чистом, светлом, правильном, прямом» как высшем достоинстве человека [8, с. 178-179]. В последних двух случаях мы наблюдаем чёткое указание на сердце *чистое, светлое и прямое*, что предстаёт перед нами как некоторая синтагма, обозначающая свободу от загрязнений-*кэгарэ* 穢れ.

Так как в японской культуре материальный аспект практически не отделяется от духовно-этического (за исключением истины-*макото*, которую можно отнести к категории морально-этических представлений без «материальных» ассоциаций [5, с. 179].), для понимания содержания этого единства мы используем образ светящейся души-*тама* 霊, предложенный А. Накорчевским: «Если её [души – В.М.] поверхность «чиста», то свет ярок и душа «светлая». Коль нет никаких препятствий для прохождения света, то лучи его – прямые, т.е. не преломляются злом, что является зримым свидетельством отсутствия каких-либо отступлений от нормы (искривлений). А если так, то душа «правдивая» – в первом случае, или «правильная» – во втором, то есть, другими словами, не обманывающая, не лживая».

В то же время в «Словаре древних слов» говорится: «В литературе главное – передать *макото*, но это не значит изображать действительные вещи как есть, нужно передать их небытийность, таинственную Красоту», ведь японцы, по словам Т.П. Григорьевой, с древних времён отождествляли истину-*макото* с красотой – *би* 美, сущностью мира. Той красотой, от которой нельзя отступать, чтобы не сделать «прямое» кривым».

Таким образом, японская культура фиксирует наличие двух комплексов феноменов, отражающих экзистенциальную вариативность проживания человеком состояния истины, или истинствования сердца:

(1) Первый комплекс включает в себя подлинность 真, правдивость 実, верность 信 и искренность 誠;

(2) Второй комплекс обобщил в себе те характерные для японской культуры экзистенциальные понятия, которые выражены иными, нежели *макото*, словами: красота-*би*, прямое-*тадаси* и чистое-*харэ* в противоположность кривому-*магаси* и загрязнённости-*кэгарэ*.

Указанная вариативность истинствования сердца лишь подчёркивает тот факт, что истина-*макото*, понимаемая как истинствование души-сердца-*кокоро* 心 посредством любого из способов своего раскрытия в конечном счёте позволяет пережить гармонию-*ва* 和 мироздания, приобщиться к участию в ней, к хранению её (*ва-о мамору* 和をまもる).

В некотором смысле заботливое участие в гармонии мира (*ва-о мамору*) мы можем прочесть как восточный вариант хайдеггеровского Бытия в мире (Dasein). Более того, фактически японская культура выработала для этого свою, специфическую форму рефлексии – печаль-очарование-*аварэ*.

Именно *магокоро* способно пережить моно-но аварэ (печаль вещей もののあわれ). *Моно-но аварэ* заключается в соприкосновении человеческой души с *ками*, заключёнными в вещах-*моно*, достижении истинной и искренней гармонии-*ва*, сохранении этой гармонии мира – и в итоге постижение *аварэ* красоты самой *ва* – то, на что была не способна душа, искажённая мудростью конфуцианского учения. К слову, именно это и послужило причиной отказа Норианага от конфуцианского или буддийского толкования синтоистских текстов, для постижения и осознания которых было необходимо пережить их *аварэ*.

На вопрос о том, почему человеческая мысль настолько глубока, Норианага отвечал только одно: «Причина тому – *моно-но аварэ*». Это именно то, что, по его мнению, заставляет сердце «двигаться», то есть жить. И познание *моно-но аварэ* есть взволнованность (как радость, так и тревога) по окружающему миру, что и является пониманием природы вещей [14]. Поэтому мы можем предложить, что в нашем контексте моно-но аварэ может быть интерпретировано как «печаль о мире». Суть моно-но аварэ – есть подтверждение искренности верной *макото* человеческой души, проявление её истинных и искренних чувств и её гармония с Единым посредством ощущения истины-*макото*. Подтверждением чему может служить девятая глава древней конституции Сётоку, где сказано: «Основа человеческого Пути – это искренность-*макото*¹».

Об этом же спустя тысячу лет говорит философ и крупнейший японский комментатор Конфуция Ито Дзинсай (1627–1705), утверждавший, что «Путь мудреца заключается в Искренности²», а так же, что «Искренность есть воплощение Пути». Под самой же Искренностью он понимал Истину свободную от [её] приукрашенности и умаления [10].

Таким образом, с точки зрения японской культуры, истина – это не только глубинный внутренний смысл гармонии, но и участие в ней. Ведь именно благодаря проживанию *ва* – гармоничному сосуществованию Небесного и Земного – рождается это ощущение нерушимой целостности, существующей раньше времени и являющейся воплощением Пути, рождается Истина. *Макото* не является сокрытостью и пределом, а напротив, это то, что явно, и одновременно проживание этой явленности, проживание подлинной природы вещей, проживание их таковыми,

¹ В переложениях конституции на современный японский язык имеются варианты, где кандзи 信 *макото* (верность, искренность) трактуется как *магокоро*.

² Здесь слову *макото* (как, в общем, и во всей конфуцианской традиции) так же соответствует синографы 信 и 誠

каковы они есть. *Мамото* открывается каждому, кто искренен по отношению к своему миру и живёт в гармонии с ним.

Как мы могли убедиться, категория макото способна выступить в качестве смыслового центра всего комплекса основных категорий японской культуры (*ва-о мамору, моно-но аварэ, камии, тама, би*). Переживание *макото*, путь постижения гармонии мира и со-участие в ней можно понять как смысловое средоточие *синто* (Путь Богов 神道) – общего названия японской культурной традиции.

Литература

1. Аристотель. Никомахова этика // Его же. Сочинения в четырёх томах. Т.4 / Аристотель. М.: Мысль, 1984. С. 53-294.
2. Бачурин А.С., Трубникова Н.Н. История религий Японии М.: Наталис, 2009. 560 с.
3. Боги, святилища и обряды Японии: Энциклопедия синто / Под. ред. И.С. Смирнова. (Труды Института восточных культур и античности; вып. 26) М.: РГГУ, 2010. 310 с.
4. Григорьева Т.П. Япония: путь сердца М.: Культурный центр «Новый Акрополь», 2008. 392 с.
5. Григорьева Т.П. Японская художественная традиция М.: Наука, 1979. 366 с.
6. Дао и телос в смысловом измерении культур восточного и западного типа: Монография / С.Е. Ячин и [др] Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2011. 324 с.
7. Нагата Х. История философской мысли Японии М.: Прогресс, 1991. 416 с.
8. Накорчевский А.А. Синто СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 448 с.
9. Fujitani Mitsue. On kotodama // Japanese philosophy: a sourcebook / edited by J.W. Heisig, T.P. Kasulis, J.C. Maraldo University of Hawai'i press, 2011 499-503 pp.
10. Ito Jinsai. A lexicon of philosophical terms // Japanese philosophy: a sourcebook / edited by J.W.Heisig, T.P. Kasulis, J.C. Maraldo University of Hawai'i press, 2011. 348-359 pp.
11. Japanese philosophy: a sourcebook / edited by J.W.Heisig, T.P. Kasulis, J.C. Maraldo University of Hawai'i press, 2011 1341 p.
12. Mark McNally. Who Speaks for Norinaga? Kokugaku Leadership in Nineteenth-Century Japan // Japanese Journal of Religious Studies, 2011. 38/1: 129-159 pp.
13. Motoori Norinaga. In defense of the Japanese way // Japanese philosophy: a sourcebook / edited by J.W.Heisig, T.P. Kasulis, J.C. Maraldo University of Hawai'i press, 2011. 474-492 pp.
14. Motoori Norinaga. Mono no aware // Japanese philosophy: a sourcebook / edited by J.W.Heisig, T.P.Kasulis, J.C. Maraldo University of Hawai'i press, 2011. 1176-1177.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Aristotel'. Nikomakhova ehtika // Ego zhe. Sochineniya v chetyryokh tomakh. T.4 / Aristotel'. M.: Mysl', 1984. S. 53-294.
2. Bachurin A.S., Trubnikova N.N. Istoriya religij YAponii M.: Natalis, 2009. 560 s.
3. Bogi, svyatilishha i obryady YAponii: EHntsiklopediya sinto / Pod. red. I.S. Smirnova. (Trudy Instituta vostochnykh kul'tur i antichnosti; vyp. 26) M.: RGGU, 2010. 310 s.
4. Grigor'eva T.P. YAponiya: put' serdtsa M.: Kul'turnyj tsentr «Novyj Akropol'», 2008. 392 s.
5. Grigor'eva T.P. YAponskaya khudozhestvennaya traditsiya M.: Nauka, 1979. 366 s.
6. Dao i telos v smyslovom izmerenii kul'tur vostochnogo i zapadnogo tipa: Monografiya / S.E. YAchin i [dr] Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. federal. un-ta, 2011. 324 s.
7. Nagata KH. Istoriya filosofskoj mysli YAponii M.: Progress, 1991. 416 s.
8. Nakorchevskij A.A. Sinto SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2003. 448 s.
9. Fujitani Mitsue. On kotodama // Japanese philosophy: a sourcebook / edited by J.W. Heisig, T.P. Kasulis, J.C. Maraldo University of Hawai'i press, 2011 499-503 pp.
10. Ito Jinsai. A lexicon of philosophical terms // Japanese philosophy: a sourcebook / edited by J.W.Heisig, T.P. Kasulis, J.C. Maraldo University of Hawai'i press, 2011. 348-359 pp.
11. Japanese philosophy: a sourcebook / edited by J.W.Heisig, T.P. Kasulis, J.C. Maraldo University of Hawai'i press, 2011 1341 p.
12. Mark McNally. Who Speaks for Norinaga? Kokugaku Leadership in Nineteenth-Century Japan // Japanese Journal of Religious Studies, 2011. 38/1: 129-159 pp.
13. Motoori Norinaga. In defense of the Japanese way // Japanese philosophy: a sourcebook / edited by J.W.Heisig, T.P. Kasulis, J.C. Maraldo University of Hawai'i press, 2011. 474-492 pp.
14. Motoori Norinaga. Mono no aware // Japanese philosophy: a sourcebook / edited by J.W.Heisig, T.P.Kasulis, J.C. Maraldo University of Hawai'i press, 2011. 1176-1177.

От редактора рубрики

Продолжая знакомить читателя с учёными и направлениями работы Дальневосточного отделения РАН, в рубрике «Академия» мы обратились к такой, казалось бы, всем знакомой науке как география. Одновременно с этим, можно поспорить, что большинство в хорошем смысле слова обывателей имеют поверхностное представление о корпусе географических наук. География близка как гуманитарным наукам (например, ни одно серьёзное исследование по истории или этнологии не обходиться без оценки географического фактора в исследуемой социальной системе), так и целому спектру естественнонаучных дисциплин. Она – одна из древнейших наук, берущая свои истоки в античности, прошла большой путь и подразделяется сегодня на два ствола – физическую (включая такие отрасли как общее землеведение и ландшафтоведение, а также смежные группы физико-географических наук, изучающих отдельные компоненты природной среды: палеогеография, геоморфология, климатология, гидрология суши, океанология, гляциология, геокриология, география почв, биогеография) и социально-экономическую (экономическая, социальная, политическая, историческая и культурная география). Помимо названных особое место занимает географическое картографирование.

Для такой огромной страны как Россия географическая наука важна не только с теоретической, но и практической точки зрения, здесь же добавим, что если бы к экспертизе географов относились со всей серьёзностью, то последствия многочисленных неумелых, а порой и преступных хозяйственных практик, можно было свести к минимуму.

Ведущим научным учреждением Дальнего Востока России в области географии является Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, который был основан членом-корреспондентом АН СССР А.П. Капицей 1 октября 1971 года. В настоящее время коллектив института насчитывает порядка 200 сотрудников. В разные годы в институте работали известные учёные-географы: академик К.К. Марков, член-корр. Г.И. Худяков, доктора наук В.Я. Сергин, Б.И. Втюрин, В.В. Никольская, Ю.Г. Пузаченко, Б.В. Поярко и др.

Мы обратились с просьбой к председателю Совета молодых учёных ТИГ ДВО РАН, Кириллу Сергеевичу Ганзею – познакомить читателей нашего журнала с одним из перспективных научных направлений – геоинформационным картографированием, он любезно согласился, предоставив нам данный материал.

Ю.В. Латушко

УДК 910.3

*Ермошин В.В., Ганзей К.С., Мишина Н.В., Егидарев Е.Г.
Ermoshin V.V., Ganzej K.S., Mishina N.V., Egidarev E.G.*

Геоинформационное картографирование природных комплексов Дальнего Востока России

Geoinformation mapping of natural complexes of the Far East Russia

В статье рассмотрены направления развития картографических исследований в Информационно-картографическом центре Тихоокеанского института географии ДВО РАН. Раскрыты этапы формирования единого геоинформационного пространства для бассейна реки Амур, результаты работы по анализу и тематическому картографированию природных и природно-антропогенных комплексов Дальнего Востока России.

Ключевые слова: геоинформационное пространство, картографирование, природопользование, функциональное зонирование, река Амур, Курильские острова

In article the directions of development of cartographical researches in the Center of Information and Cartography of the Pacific Geographical Institute FEB RAS are considered. Stages of formation of geoinformation space for the Amur River Basin, results of work on the analysis and thematic mapping of natural and natural-anthropogenous complexes of the Far East Russia are opened.

Key words: geoinformation space, mapping, land use, functional zonation, Amur River, Kurile Islands

Особое значение в географических исследованиях принадлежит картографическому методу. Карта является источником тематической информации об исследуемой территории, а при помощи картографирования становится возможным изучить закономерности и пространственное размещение географических объектов. 70-е гг. XX в. – период интенсивного развития картографического метода исследований, что связано с внедрением ЭВМ и использованием космических (КС) и аэрофотоснимков. Первым заведующим и организатором лаборатории картографии

ЕРМОШИН Виктор Васильевич, к.г.н., заместитель директора Тихоокеанского института географии ДВО РАН (г. Владивосток). **E-mail:** yermoshin@tig.dvo.ru

ГАНЗЕЙ Кирилл Сергеевич, к.г.н., научный сотрудник Тихоокеанского института географии ДВО РАН (г. Владивосток). **E-mail:** kganzey@tig.dvo.ru

МИШИНА Наталья Васильевна, к.г.н., научный сотрудник Тихоокеанского института географии ДВО РАН (г. Владивосток). **E-mail:** mishina@tig.dvo.ru

ЕГИДАРЕВ Евгений Геннадьевич, младший научный сотрудник Тихоокеанского института географии ДВО РАН (г. Владивосток). **E-mail:** egidarev@yandex.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке МНТЦ (4008), РФФИ (12-05-00202) и интеграционного проекта ДВО-СО РАН (12-11-СУ-09016).

ТИГ был Александр Владимирович Кошкарев – молодой кандидат наук, выпускник научной школы МГУ. Последнее обстоятельство сразу обеспечило соответствующий академизм исследованиям, проводившимся в лаборатории. Небольшой (5-7 человек) коллектив, кроме выполнения своих задач всегда обеспечивал высококвалифицированное картографическое сопровождение практически всех проектов и тем в Институте. Кстати говоря, эта функция сохранилась и по нынешний день. Передовые позиции картографической науки в 80-е годы определялись освоением новых технологий анализа пространственной информации, результатом чего было создание различных ЭВМ-атласов, а позднее – разработка подходов к созданию геоинформационных систем (ГИС) [9]. Необходимо также отметить большую роль Л.А. Усольцевой, которая успешно занималась автоматизированным составлением карт растительности на основе графической обработки аэрофотоизображений. Размеренная академическая жизнь прервалась в конце 80-х, в связи с попыткой создания в ТИГ ГИС-Центра в составе 4 лабораторий. Энергичная, но не всегда понятная деятельность Л.И. Новака по организации такого Центра привела, в основном, к существенному обновлению парка различной ЭВМ-техники, но мало что дала в содержательном и теоретическом аспектах. Через некоторое время от Центра осталась одна лаборатория, которая была переименована в Информационно-картографический Центр (ИКЦ) – правопреемник Лаборатории картографии.

Сегодня в ИКЦ трудятся 8 сотрудников. Половина из них развивает картографическое направление в ТИГе уже более 20 лет. Вторая половина – исследователи младше 35 лет. Трое сотрудников имеют степень кандидата географических наук. Ещё двое недавно закончили аспирантуру и близки к завершению диссертационных работ. Исследования охватывают достаточно широкий спектр проблем современной картографии и *геоинформатики*: от анализа космоизображений до геоинформационного моделирования с использованием ГИС-технологий.

Важнейшим направлением работы сотрудников Центра было геоинформационное обеспечение *геоэкологических исследований* в бассейне р. Амур. В первую очередь, это относится к исследованиям, связанным с изучением и картографированием особенностей природной среды и соотноению земель бассейна реки. Работа, о которой идёт речь, стартовала как совместный Российско-Китайско-Японский проект AMORE («Амур-Охотский проект»), инициатором и финансовым донором которого был Институт Человека и Природы в г. Киото (Япония). Направление, о котором мы давно мечтали, и для которого уже была создан солидный теоретический фундамент, получило дополнительную финансовую и моральную поддержку. Наша тема в рамках этого проекта «Создание ГИС бассейна реки Амур» была реализована в течение 2006–2008 гг., а далее была расширена и разрабатывалась при поддержке грантов РФФИ, ДВО РАН и, естественно, при бюджетном финансировании нашего Института.

В соответствии с положениями о *трансграничных территориях* [1], бассейн р. Амур, охватывающий территории трёх стран, рассматривается нами в качестве единой субрегиональной *трансграничной геосистемы* с присущими ей *эмерджентными* свойствами. Исследования, связанные с изучением географических объектов, расположенных на территориях нескольких стран, сталкиваются с большими трудностями и отличаются своей спецификой. Бассейн р. Амур в этом плане представляет собой очень хороший пример для отработки методик исследования географических структур трансграничных бассейнов как *геосистем региональной размерности*. Общая площадь бассейна около 2 млн. кв. км, при этом 50% – расположено в России, 42% – в Китае, 8% – в Монголии.

Планирование и реализацию сбалансированной хозяйственной и природопользовательской политики необходимо проводить с учётом аналогичных действий на сопредельных приграничных территориях прилегающих государств. Взаимосвязанность процессов природопользования в приграничных районах сопредельных стран делает необходимым их анализ в рамках единой трансграничной территории – геосистемы региональной размерности [1]. Информационным базисом для адекватного отражения географического пространства может служить единое структурированное и открытое геоинформационное пространство территории – компьютерная многомерная модель строения региона с унифицированными базами данных [7].

Исследования включают четыре логически последовательных этапа. Первый этап – формирование принципиальной блочной схемы; построение информационной структуры блоков; определение последовательности согласования информационных слоёв и блоков. Второй этап – построение векторных базовых общегеографических информационных слоёв; построение векторных базовых информационных тематических слоёв; унификацию классификаций и легенд; согласование пространственной информации вдоль государственных границ. Третий этап – оставление информационных слоёв и электронных карт использования земель и ландшафтных комплексов; анализ изменения экологического и природно-ресурсного состояния. Четвёртый этап – *функциональное зонирование* с определением приоритетов и ограничений хозяйственной деятельности и неистощительному природопользованию; формирование информационного блока планирования и управления. В настоящее время наши исследования находятся в начале четвёртого этапа. Решена задача по выявлению закономерностей организации системы землепользования, её динамики и структурных особенностей в разных частях бассейна [3].

Разработка рамочной структуры геоинформационного пространства бассейна р. Амур определяет логическую последовательность создания единого геоинформационного пространства. Был определён послыльный состав основных информационных блоков: базового географического, базового тематического (природно-географического и экономико-географического), вспомогательного тематического и определены некоторые параметры блока управления [6; 11]. Каждый блок включает пять и более тематических слоёв (рис. 1).

В ходе нашей работы по основным общегеографическим параметрам было проведено согласование с топографическими картами масштаба 1:1000 000, 1:500000 и КС. Также на основе *дешифрирования* КС среднего и высокого разрешения 1990–2005 гг., преимущественно Landsat ETM+, осуществлялась корректировка тематических слоёв и получение новой информации. При этом электронные слои последовательно согласовывались между собой, формируя единую систему – геоинформационное пространство. Начаты работы по зонированию и комплексному планированию хозяйственной деятельности в бассейне р. Амур, которые выполняются в рамках проекта Международного научно-технического центра «Экологические критерии и ограничения в программах устойчивого природопользования бассейна р. Амур».

К законченным также относятся вспомогательные тематические слои: «Использование/состояние земель на рубеже XX-XXI вв.», «Использование/состояние земель 30-40 годы XX в.» «Охраняемые природные территории», «Суббассейны».

Для выявления и анализа динамики использования земель в бассейне р. Амур в XX веке был обработан большой массив фондовых и архивных источников. Всего было проанализировано более 1400 топо-

графических листов разного масштаба, изданных в разных странах на русском, английском и японском языках. Так, например, типы использования земель китайской части бассейна картографировались на основе анализа топографических листов масштаба 1:100000, составленных на территорию Маньчжурии в конце 1920-х и в 1930-е гг. Полученные данные проверялись по топографическим картам масштаба 1:250000, изготовленным в 1949-1952 гг. Генеральным штабом военно-воздушных сил США. Для приграничных лесных районов Китая использовались также топографические листы масштаба 1:100 000 – 1:1000000, изданные в СССР в 40-е годы XX в. Монгольская и российская части бассейна охарактеризованы на основе анализа топографических карт масштаба 1:100000, 1:200000, 1:300000, 1: 1000000, изданных в СССР в 1930-1940-х годах. Часть карт масштаба 1:100000 и 1:300000 издана в 1950-х годах.

Кроме полученных картографических продуктов для бассейна р. Амур был собран и обработан большой объём статистической информации, что позволило раскрыть роль и соотношение внешних и внутренних факторов в освоении лесов, торговле лесотоварами, освоении сельскохозяйственных земель и динамике лесных площадей в бассейне в XX – начале XXI вв. [8; 10]. В результате выполнена периодизация освоения земель в бассейне р. Амур в конце XIX – начале XXI вв., критериями выделения этапов которой стала роль и значимость внешних и внутренних факторов хозяйственного освоения земель, соотношение данных факторов [12].

Возрастающая антропогенная нагрузка в бассейне р. Амур сказывается на значительном преобразовании различных компонентов природы. Так, например, строительство дамб и плотин приводит к тому, что ниже по течению меняется периодичность, длительность, интенсивность паводков, а также полностью или частично пресекается *твёрдый сток*. От паводков во многом зависит динамика растительных сообществ

Рис. 1. Принципиальная блок-схема геоинформационного обеспечения геоэкологических исследований в бассейне р. Амур

поймы. Экспертным дешифрированием с использованием *данных дистанционного зондирования* (ДДЗ) выделены основные массивы пойм в бассейне р. Амур. Учитывая наличие и расположение крупных гидроэлектростанций (ГЭС) в бассейне, рассчитаны массивы пойм, в пределах которых происходит трансформация естественного стока. Дана оценка степени воздействия ГЭС на пойменные комплексы в зависимости от их расположения в речной системе. Расчёты показывают, что 44 % всех выделенных пойм в бассейне Амура имеют сегодня зарегулированный крупными плотинами *гидрорежим* (рис. 2) [5].

В настоящее время в Информационно-картографическом центре выполнена работа по ландшафтному картографированию российской части бассейна р. Амур и применении ландшафтного подхода при планировании устойчивого природопользования. Этому предшествовали комплексные ландшафтные исследования и ландшафтное картографирование Курильских островов, начатые ещё в 2003 г. К.С. Ганзеем. Для данного региона Дальнего Востока России характерны своеобразные природные условия, обусловленные не только проявлением активного вулканизма и землетрясений, но и большой протяжённостью Курильских островов. Отдельно необходимо отметить барьерное положение островов между водами Тихого океана и Охотского моря, изолированность данных территорий от крупных участков суши, что является причиной формирования здесь своеобразного ландшафтного облика.

Изучение ландшафтного строения островов Курильской дуги было основано на использовании принципов и методов классического и современного ландшафтоведения. В работе нашёл своё отражение богатый полевой материал, собранный во время комплексных научных экспедиций с 2002 по 2008 гг. совместно с ИМГиГ ДВО РАН и в рамках Курильского биоконплексного проекта (Kuril Biocomplexity Project, University of Washington, Seattle, USA). Полевые работы были проведены во всех субрегионах Курильских островов и охватывали более 17 островов архипелага. Большие затруднения при полевых ландшафтных исследованиях создавали особенности геоморфологического строения островов, растительного покрова (непроходимые заросли бамбучников и ольховника) и невозможность высадки полевого отряда на многих участках побережья. В связи с этим большое значение в ходе исследований было отведено использованию ДДЗ и материалам аэрофотосъёмки.

Весь проделанный объём работ по изучению ландшафтного строения островов лёг в основу ландшафтного картографирования в масштабе 1:200000. Необходимо отметить, что для данного региона среднемасштабное ландшафтное картографирование проведено впервые. На основе применения ГИС-технологий сформированы электронные базы данных для всех островов Курильской дуги [4]. Также впервые для Курильских островов было выполнено картографирование ландшафтов до и после извержения вулкана. В 2009 г. на о. Матуа произошло одно из крупнейших исторических извержений в Курильском регионе. Ландшафтное картографирование на различные временные срезы для о. Матуа показало особенности изменения ландшафтного облика и показателей ландшафтного разнообразия. В результате удалось установить, что особое влияние на изменение ландшафтного разнообразия на островах-вулканах оказывает частота вулканических извержений. В периоды вулканического спокойствия ландшафтная структура приобретает черты сбалансированности и организованности, что выражается, например, в формировании высотных растительных поясов и развитого почвенного покрова. Ландшафтная структура постепенно приближается к состоянию баланса и показатели ландшафтного разнообразия уменьшаются.

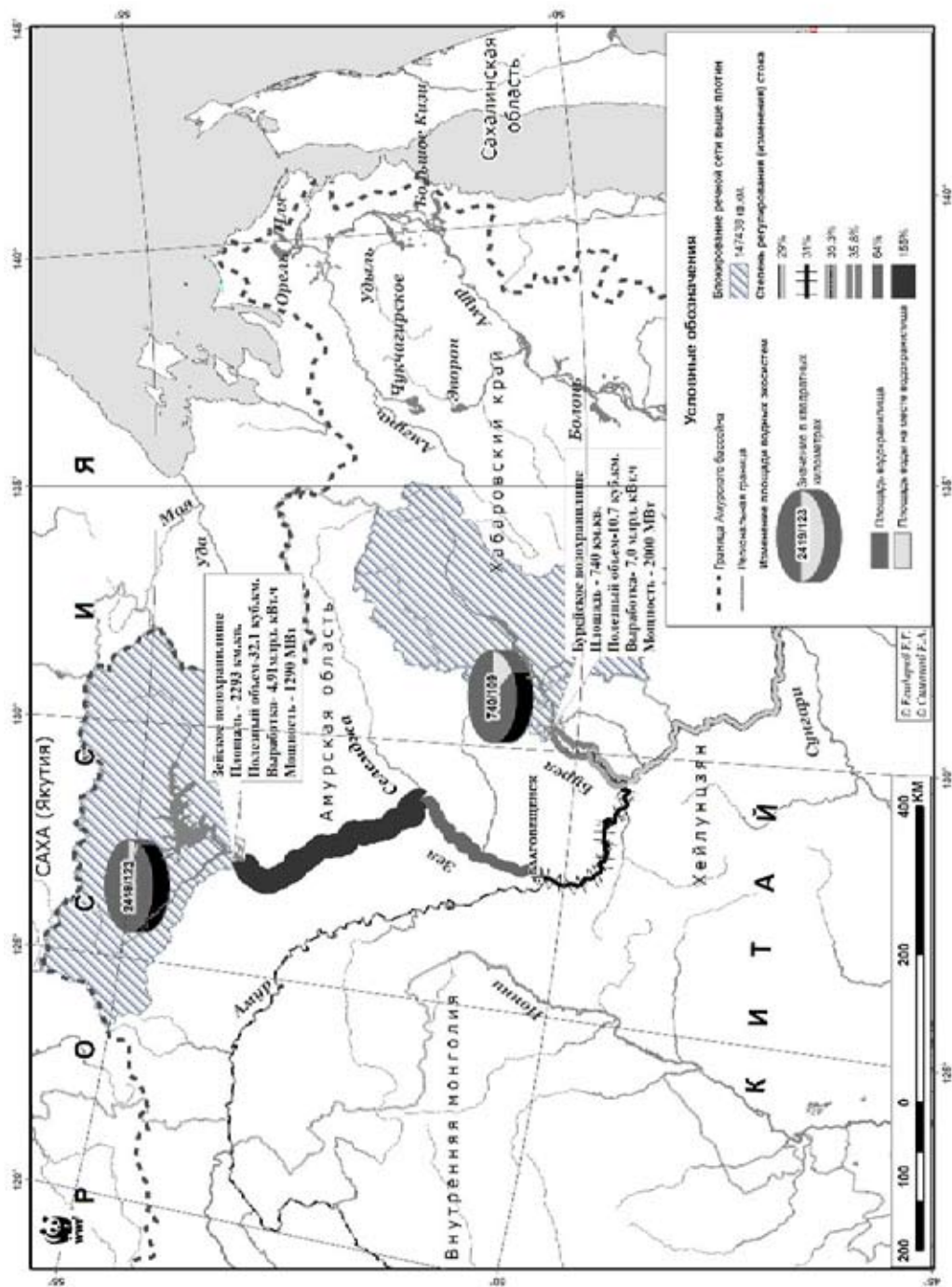

Рис. 2.
 Воздействие ГЭС
 на речные
 экосистемы
 российской
 части бассейна
 р. Амур.

В результате извержения данный процесс прерывается и происходит повышение значений ландшафтного разнообразия [2].

Заключение

Проводимые работы по бассейну р. Амур рассматриваются нами и как информационное обеспечение решения ряда задач по планированию устойчивого природопользования на территорию трёх стран и как формирование геоинформационного пространства целостной трансграничной бассейновой геосистемы региональной размерности. Разработанное и сформированное на единой методологической основе, с использованием унифицированных методик, обобщением имеющихся и получением новых данных по всей территории, геоинформационное пространство бассейна р. Амур послужит корректной информационной базой, как при региональном планировании хозяйственного использования территории, так и при проведении фундаментальных исследований. Соответственно, результаты работы могут быть использованы широким спектром потребителей: исследователями, научными коллективами, администрациями различного уровня.

В дальнейшем необходимо предусмотреть возможность объединения всех пространственных данных, получаемых в процессе реализации геоэкологических проектов в бассейне р. Амур в общую систему на основе стандартных базовых слоёв в виде единого геоинформационного пространства. Это позволит провести разномасштабный сопряжённый анализ разнообразных данных в унифицированном виде, дать более адекватную оценку состояния природопользования и планировать дальнейшие действия по его совершенствованию в регионе, в том числе, в разных странах.

Познание закономерностей формирования ландшафтной структуры территории в переходной зоне континент-океан, изолированность островных территорий, проявление активных геодинамических процессов и различных природных катастрофических процессов позволяет раскрыть особенности развития, динамики, эволюции и природной устойчивости природно-территориальных комплексов островов. Ландшафтные исследования Курильских островов являются первым этапом по анализу особенностей формирования природно-территориальных комплексов на островах расположенных в различных природно-климатических зонах северной части Тихого океана. Необходимо отметить, что дальнейшее хозяйственное освоение островов невозможно без учёта специфики ландшафтной структуры территории, что является условием при разработке научных программ их устойчивого развития.

Глоссарий

Геоинформатика – научное направление по обоснованию, проектированию, созданию, эксплуатации и использованию географических информационных систем, по разработке геоинформационных технологий, по приложению ГИС для практических и научных целей.

Геосистема региональной размерности – крупные и достаточно сложные по строению структурные подразделения эпигеосферы – физико-географические, или ландшафтные, зоны, секторы, страны, провинции и др.

Геоэкологические исследования – изучение взаимодействия географических, биологических (экологических) и социально-производственных систем.

Гидрорежим – изменения во времени расхода воды, уровней воды и объёмов воды в водотоках, водоёмах и в других водных объектах.

Данные дистанционного зондирования – информация, полученная с помощью авиационных и космических аппаратов, оснащённых различными видами съёмочной аппаратуры.

Дешифрирование – метод исследования объектов, явлений и процессов на земной поверхности на основе распознавания объектов по их признакам, характеристикам.

Твёрдый сток – совокупность твёрдых частиц, переносимых водами реки.

Трансграничная геосистема – целостный в структурно-динамическом отношении природный комплекс, разделённый государственными границами, имеет сходные морфоструктурные и почвенно-растительные характеристики, и отражает зональные и аazonальные особенности природной среды региона.

Трансграничная территория – определённая территория, которая является частью геосистемы региональной размерности, разделённой государственной границей и одновременно природно-хозяйственным районом, политическая, экономическая, социальная, культурная и экологическая ситуация в пределах которого в существенной мере зависят от развития прилегающей территории соседнего государства и в свою очередь оказывает влияние на неё.

Функциональное зонирование – определение допустимых и приоритетных видов использования на отдельных территориях в целях обеспечения их устойчивого развития.

Литература

1. Бакланов П.Я., Ганзей С.С. Трансграничные территории: проблемы устойчивого природопользования. Владивосток: Дальнаука. 2008. 215 с.
2. Ганзей К.С., Разжигаева Н.Г., Рыбин А.В. Изменение ландшафтной структуры острова Матуа во второй половине XX – начале XXI вв. (Курильский архипелаг) // Геогр. и природ. ресурсы. 2010. № 3. С. 87-93.
3. Ганзей С.С., Ермошин В.В., Мишина Н.В., Ширайва Т. Современное использование земель в бассейне р. Амур // География и природные ресурсы. № 2. 2007. С. 17-25.
4. Ганзей К.С. Ландшафты и физико-географическое районирование Курильских островов. Владивосток: Дальнаука, 2010. 214 с.
5. Егидарев Е.Г. Картографирование и оценка пойменных комплексов в долине р. Амур // Вестник ДВО РАН. 2012. № 2. С. 9-16.
6. Ермошин В.В. Геоинформационное пространство трансграничной геосистемы бассейна р.Амур. // Проблемы устойчивого использования трансграничных территорий. Материалы международной конференции. Владивосток: ТИГ ДВО РАН, 2006. С.20-23.
7. Ермошин В.В. К развитию концепции геоинформационного пространства в географии (геоинформационное пространство в управлении природопользованием) // Географические исследования на Дальнем Востоке. Итоги и перспективы. 2001-2005. Владивосток: Дальнаука. 2006. С. 161-168.
8. Ермошин В.В. Картографирование природных комплексов и состояния земель бассейна р. Амур // Географическое образование и наука в России: история

и современное состояние. Материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 90-летию отечественного высшего географического образования. Санкт-Петербург, 3-4 декабря 2008. Санкт-Петербург: СПГУ, 2009. С. 901-908.

9. Кошкарёв А.В., Каракин В.П. Региональные геоинформационные системы. М.: Наука. 1987. 126 с.

10. Мишина Н.В. Динамика населения и сельскохозяйственное освоение Маньчжурии в первой половине XX века // Проблемы устойчивого использования трансграничных территорий. Мат-лы международной конференции. Владивосток: ТИГ ДВО РАН, 2006. С. 108-111.

11. Baklanov P.Ya., Ermoshin V.V., Ganzey S.S. Problems of creation of GIS-support for the Amur River basin Project // Report on Amur-Okhotsk Project, No 3. Kyoto, Japan: Research Institute for Humanity and Nature, 2005. P.11-19.

12. Mishina N., Ganzey S. Spatial distribution of Land use/land cover types in the transboundary geosystems of the South of the Russian Far East and North-East China // Land cover and land use changes in North East Asia: problems of sustainable nature management. Proceedings of the International Scientific Conference. Vladivostok: Dalnauka, 2009. P. 92-96.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Baklanov P.YA., Ganzey S.S. Transgranichnye territorii: problemy ustojchivogo prirodopol'zovaniya. Vladivostok: Dal'nauka. 2008. 215 s.

2. Ganzey K.S., Razzhigaeva N.G., Rybin A.V. Izmenenie landshaftnoj struktury ostrova Matua vo vtoroj polovine KHKH – nachale XXI vv. (Kuril'skij arhipelag) // Geogr. i prirod. resursy. 2010. № 3. S. 87-93.

3. Ganzey S.S., Ermoshin V.V., Mishina N.V., SHiraiva T. Sovremennoe ispol'zovanie zemel' v bassejne r. Amur // Geografiya i prirodnye resursy. № 2. 2007. S. 17-25.

4. Ganzey K.S. Landshafty i fiziko-geograficheskoe rajonirovanie Kuril'skikh ostrovov. Vladivostok: Dal'nauka, 2010. 214 s.

5. Egidarev E.G. Kartografirovanie i otsenka pojmennykh kompleksov v doline r. Amur // Vestnik DVO RAN. 2012. № 2. S. 9-16.

6. Ermoshin V.V. Geoinformatsionnoe prostranstvo transgranichnoj geosistemy bassejna r. Amur. // Problemy ustojchivogo ispol'zovaniya transgranichnykh territorij. Materialy mezhdunarodnoj konferentsii. Vladivostok: TIG DVO RAN, 2006. S.20-23.

7. Ermoshin V.V. K razvitiyu kontseptsii geoinformatsionnogo prostranstva v geografii (geoinformatsionnoe prostranstvo v upravlenii prirodopol'zovaniem) // Geograficheskie issledovaniya na Dal'nem Vostoke. Itogi i perspektivy. 2001-2005. Vladivostok: Dal'nauka. 2006. S. 161-168.

8. Ermoshin V.V. Kartografirovanie prirodnykh kompleksov i sostoyaniya zemel' bassejna r. Amur // Geograficheskoe obrazovanie i nauka v Rossii: istoriya i sovremennoe sostoyanie. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferentsii, posvyashhyonnoj 90-letiyu otechestvennogo vysshego geograficheskogo obrazovaniya. Sankt-Peterburg, 3-4 dekabrya 2008. Sankt-Peterburg: SPGU, 2009. S. 901-908.

9. Koshkarev A.V., Karakin V.P. Regional'nye geoinformatsionnye sistemy. M.: Nauka. 1987. 126 s.

10. Mishina N.V. Dinamika naseleniya i sel'skokhozyajstvennoe osvoenie Man'chzhurii v pervoj polovine XX veka // Problemy ustojchivogo ispol'zovaniya transgranichnykh territorij. Mat-ly mezhdunarodnoj konferentsii. Vladivostok: TIG DVO RAN, 2006. S. 108-111.

11. Baklanov P.Ya., Ermoshin V.V., Ganzey S.S. Problems of creation of GIS-support for the Amur River basin Project // Report on Amur-Okhotsk Project, No 3. Kyoto, Japan: Research Institute for Humanity and Nature, 2005. P.11-19.

12. Mishina N., Ganzey S. Spatial distribution of Land use/land cover types in the transboundary geosystems of the South of the Russian Far East and North-East China // Land cover and land use changes in North East Asia: problems of sustainable nature management. Proceedings of the International Scientific Conference. Vladivostok: Dalnauka, 2009. P. 92-96.

*Караман В.Н.
Karaman V.N.*

**Воспоминания З.Н. Мартынова.
«Сучанские красные партизаны.
Перятинский бой 1919 г.»**

**Z.N. Martynov's memoirs. «Red guerrillas of Suchan.
The battle of Perjatino in 1919.»**

Публикация воспоминаний бывшего красного партизана З.Н. Мартынова. В них отражены события Гражданской войны на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.), свидетелем и участником которых он был.

Ключевые слова: *Гражданская война в России, интервенция, белый террор, партизаны*

The publication of memoirs of former red guerrilla Z.N.Martynov. In them events of Civil war are reflected in the Far East (1918–1922), the witness and which participant it was.

Key words: *Civil war in Russia, intervention, white terror, guerrillas*

Вниманию читателя представляются воспоминания бывшего заместителя председателя и члена Ольгинского уездного революционного штаба красных партизан Захара Назаровича Мартынова¹. Данные воспоминания примечательны тем, что в них описываются взаимоотношения России (красной и белой) с американскими войсками из состава сил интервентов на российском Дальнем Востоке в 1919 году. Особенностью этих воспоминаний является то, что в них содержатся сведения, как командир американского отряда полковник Пикельсон² фактически выступил на стороне красных партизан. Это не совсем обычный эпизод Гражданской войны. Воспоминания этого периода чаще пестрят или описани-ем вооружённых стычек русских (чаще красных и сочувствующих им) с американскими военными, или картинами прямых военных действий.³

КАРАМАН Вадим Николаевич, к.и.н., библиотекарь Приморского государственного объединённого музея им. В.К. Арсеньева (*г. Владивосток*) **E-mail:** karaman@mail.primorye.ru

¹ Мартынов Захар Назарович. Родился в 1880 году в д. Ширкове, Смоленской области в крестьянской семье. В 1901 г. Работал в угольных шахтах Донбасса. В 1908 году выехал на Дальний Восток, на Сучанский рудник. До 1918 года работал забойщиком. Январь-июль 1918 года – Председатель Сучанского Совета Рабочих и Солдатских депутатов. С 1918 по 1922 год на разных должностях в партизанских отрядах. (ПГОМ. НВ 3195-2).

² Возможно фамилия полковника Пендельтон, но в воспоминаниях З.Н. Мартынова значится Пикельсон.

³ В частности музей им. В.К. Арсеньева располагает воспоминаниями бывших красных партизан об участии американских офицеров в пытках и изуверских убийствах

Так что поддержка армией США красных партизан – случай не из тривиальных. Хотя, если принять во внимание, что командующий американскими войсками на Дальнем Востоке генерал Уильям Грейвс без особой симпатии относился к белым, а интервенцию вообще назвал военной авантюрой [2] и мало того, в своей переписке с главой британской миссии в России генералом Альфредом Ноксом, фактически оправдывался, что американская политика в России не является пробольшевистской [2, р. 190], то действия полковника Пикельсона на этом фоне не так уж неожиданны. Рядовые американцы (сюда можно отнести и полковника Пикельсона, и генерала Грейвса) не совсем понимали, зачем они на русском Дальнем Востоке. А их верховное командование руководствовалось не личными и даже классовыми симпатиями и антипатиями, а вполне прагматичными задачами усиления влияния США в регионе (в 1919 году он был намного меньше нынешнего) для получения максимально возможной политико-экономической выгоды и оттеснения на второй план всех возможных претендентов (прояпонские отряды Семёнова и Калмыкова, в том числе, отсюда обвинения американцев в пробольшевистской политике). Полковник Пикельсон упоминается также в других воспоминаниях З.Н. Мартынова (ПГОМ. НВ 3453-5). В них о полковнике тоже говорится с определённой симпатией и уважением за его бескорыстную помощь находившимся в зоне боевых действий людям (посылка трёх телег со всем необходимым для лазарета). А его отзыв командованием и замена Ф.Б. Олдердайсом (по воспоминаниям тех же партизан тоже, не особо горевшего желанием бросать американских парней в мясорубку русской гражданской войны (ПГОМ. НВ 3453-5)) рассматривается как явно недружественный акт, особенно в свете последовавшего за этим совместно с белогвардейскими частями японо-американского наступления на Сучанский рудник. События 1919 г. на Сучанском руднике упоминаются П.М. Никифоровым в его «Записках Премьера ДВР» [1, с. 87] и У.С. Грейвсом в «Американской аванюре в Сибири» [2, р. 93, 95, 188].

При публикации архивных источников редколлегией был взят принцип максимально точного воспроизведения источника – без со-

Фото 1. Мартынов Захар Назарович, уполномоченный Дальревкома по Ольгинскому уезду, г. Владивосток. 1925-1926 гг.

красных партизан и членов их семей, совместно белыми (воспоминания бывшего красного партизана А.П. Оленицы. (ПГОМ. НВ 3208)); о совместном японо-американском и белогвардейском наступлении на д. Казанку Сучанского района и последующем расстреле жителей и мародёрстве интервентов (воспоминания бывшего командира партизанских отрядов И.С. Лебедева-Коробкова (ПГОМ. НВ 3341), воспоминания З.Н. Мартынова «О казанском бое Сучанских партизан с бело-интервентами в 1919 г.» (ПГОМ. НВ 3453-5) и другие.

кращений (кроме сокращений автора), в авторской орфографии. Работа с рукописями людей, которые в силу своего образования, профессии и биографии не привыкли писать много и постоянно, представляет ту сложность, что изобилует ошибками, редакторское исправление которых нарушает целостность и точное восприятие документа. Поэтому при публикации все исправления были сведены к необходимому минимуму: устранены разночтения в написании (например: *парт. отряд* и *парто-отряд*, *Владими́ро-Александровск* и *Владими́ро-Александровское* и др.); устранены явные опечатки и восстановлена буква ё; там, где из-за пропуска слов или не выделения прямой речи не совсем ясен смысл предложения, даётся сноска с редакторскими пояснениями или в [квадратных скобках] вставляется пропущенное, но необходимое по смыслу слово.

Воспоминания Захара Назаровича Мартынова (ПГОМ. НВ 3453-2) поступили в Музей имени В.К. Арсеньева в 1970 году. Фотография (ПГОМ. МПК. 2812-4) в 1955 г. из Приморского архивного бюро.

Литература

1. Никифоров П.М. Записки Премьера ДВР. М: Политиздат, 1974. 192 с.
2. Graves W.S. America's Siberian Adventure, New York: Peter Smith Publishers, 1941. 364 p.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Nikiforov P.M. Zapiski Prem'era DVR. M: Politizdat, 1974. 192 s.
2. Graves W.S. America's Siberian Adventure, New York: Peter Smith Publishers, 1941. 364 p.

Сучанские красные партизаны Перятинский бой 1919 г.

После того как вблизи деревень Гордеевка и Бровничи, небольшая группа красных партизан (всего было 38 ч.) сильно потрепала отряд колчаковского генерала Смирнова из 400 ч. в том числе 50 чел. конных, вооружённого автоматическими ружьями (ручной пулемёт) тремя станковыми пулемётами и трёхдюймовой батареей.

Одновременно красными партизанами Цемухинской долины у деревень Вепрыно и Ново-Москва не менее был потрепан также и вооружённый до зубов отряд белых генерала Волкова. Оба белогенералы вынуждены были отказаться от замыслов окружения и уничтожения партизан, которыми, между прочим хвастались не только перед населением районов их действий, но и в печати. Для большей безопасности поспешили укрыться под крылышко интервентов.

Смирнов, предварительно подверг жестоким пыткам, потом расстрелял 10 чел. гордеевских стариков, удирая на Сучанский рудник, где в то время были американцы и японцы. В свою очередь Волков удрал в Шкотово, там находились японцы.

Победа не больших групп красных партизан над двумя крупными белоотрядами вызвали восторг среди населения этих двух долин, в то же время гордеевский расстрел эхом гнева прокатился не только у окружающего населения, но и по всему Приморью. Это обстоятельство усилило приток крестьян в партизанские отряды.

На второй день после гордеевского боя Серебрянская группа с 38 чел. Выросла до 250 бойцов. В д. Серебряную собрались партизаны деревень верхнего и среднего течения р. Сучана. Оказалось жизненным моё коротенькое обращение к Сучанским шахтёрам в котором я напомнил последним, что настала пора снова сменить обушки на винтовки и что теперь мы не одни, с нами всё трудовое крестьянство. Шахтёры группами и одиночками стали вливаться в крестьянские партизанские отряды, внося в них, как мы выражались, рабочий дух.

В низовьях Сучана также в начале действовали несколько мелких групп красных партизан, которые при передвижении белых устраивали засады, делали дневные и ночные налёты на базу белых в Владимиро-Александровском. К концу февраля также, как и средне-сучанские, партизаны низовья вынудили белых окопаться и сидеть в Владимиро-Александровском.

В результате слияния мелких групп и в низовьях р. Сучана образовались два самостоятельных партотряда и назывались 3-й Сучанский и 4-й Сучанский.

Ольго-Тетюхинские партизаны разгромив у себя белых сообщили, что отряд под командой Глазкова движется в Сучанскую долину. Представители отряда прибыли в Фроловку раньше. К тому же времени прибыли представители партотряда Цемухинской долины и района Петровка и Моленный мыс. Собравшиеся представители на собрании решили:

В целях единства действий всех отрядов красных партизан и регулирования жизни населения Ольгинского уезда создать временный уездный революционный штаб красных партизан. На этом же совещании были избраны члены этого штаба в количестве 7 чел. [в числе которых были я. На первом оргзаседании ревштаба я был избран зам. предревштаба и председателем комиссии по конфискации и контрибуции]¹. Гродековское зверство, как заявил начальник американских интервен-

¹ Зачёркнуто

тов на Сучане полковник Пикельсон, возмутило и его.

Полковник Пикельсон от ст. Тигровая до деревни Гродековка 15 км. с одним переводчиком прошёл пешком для того, чтобы лично убедиться на месте и убедившись долго возмущался.

Полковник Пикельсон долго не хотел согласиться с тем, что в бой с хорошо вооружённым в 400 чел. отрядом белых бросилась группа 38 чел.

Ведь газеты писали, что в д. Серебряной скопилось свыше 3000 красной банды. Когда, наконец, убедился всем находящимся в то время по случаю похорон жертв зверства ген. Смирнова пожал руки приговаривая – Олрайт. Тут же в Гродековской школе полковнику Пикельсону был заявлен ультиматум, что до сих пор, пока на Сучанском руднике и узкоколейной ж.д. находятся белые, партизаны будут нападать на ж.д. и на рудник. Пикельсон обещал принять меры к удалению белых с территории рудника и ж.д.

В дальнейшем, с образованием уездного ревштаба, переговоры велись с последним.

Полковник Пикельсон выполнил своё обещание, добился того, что генерал Смирнов с частью своей белобанды эвакуировался во Владивосток, остальная часть была направлена как подкрепление Владимиро-Александровского гарнизона белых.

Первому Сучанскому партотряду нечего стало делать в районе Фроловки и Казанки, последний оставив заставу в Гродековке на тот случай, что если бы японцы со ст. Кангауз или белые со стороны Шкотова вздумали проникнуть в Сучанскую долину, по существу в тыл партотрядам, действующим против белых, засевших во Владимиро-Александровском, ушёл в район Владимиро-Александровского.

Партизаны долго не решались напасть и уничтожить белых по двум причинам:

Численное превосходство было на стороне партизан (белых было около 300 чел.), но вооружены партизаны только винтовками из которых примерно одна треть была бердан и без штыков. Наоборот белые кроме винтовок со штыками имели пулемёты, [лёгкую артиллерию]¹ и гранаты. Кроме этого было полсотни конных.

Второе было то, что партизаны решаясь идти на большие жертвы, а они были неизбежны так как белые сильно окопались, не хотели жертв со стороны населения.

Таким образом партизаны, держа белых в окружении, не давали им покоя, делая со всех сторон дневные и ночные налёты. Рассчитывали, что белые сделают попытку прорваться или в сторону Сучанского рудника или в сторону моря. Но белые этого не сделали.

Наконец у населения Владимиро-Александровского лопнуло терпение, жители стали требовать от партизан, чтобы последние, не считаясь с жертвами со стороны населения, скорей покончили бы с белым произволом.

Точно не помню, 27 или 28 апреля ревштабом был отдан приказ наступать. 29 или 30 апреля в заливе Америка появилась эскадра интервентов в составе семи военных кораблей и открыла артиллерийский огонь по всему окружающему побережью.

Трое суток канонада интервентов оглушала Сучанскую долину. Партизаны не хотели уходить. Командование партизанских отрядов видя, что интервенты не прекращают огня, наоборот пустили в ход тяжёлую артиллерию и стали обстреливать близ лежащие деревни и [командование партизанских отрядов] не имея не только артиллерии, но и пулемётов, для того чтобы воспрепятствовать высадке десанта, решило

¹ Зачёркнуто

отвести партиотряды в зону недосягаемости тяжёлой артиллерии. Как только партизаны оставили берег залива, был высажен десант белых с артиллерией и пулемётами. Генерал Волков пришёл выручать сына капитана Волкова.

Когда разведкой было установлено, что генерал Волков пришёл не только выручить сына, но и намерен идти в наступление с тем, чтобы, разгромив партиотряды, мигом доскакать до Фроловки и разгромить как они привыкли выражаться, гнездо красной банды – уездный ревштаб.¹

Командование партиотрядов решило дать отпор. Местом отпора была избрана д. Перятино. Здесь не было естественных преград, но и здесь река Сучан ближе подходила к сопкам, расположенным по левой стороне течения Сучана. Проход между рекой и сопками был не широкий, это обстоятельство давало возможность партизанам фронтом занять всю долину.

По случаю прошедших в том время дождей и таяния снега на хребтах Сихотэ-Алиня, река Сучан была полноводной, следовательно обход партизан с правого фланга был невозможен. Дорога из Владимиро-Александровского через Екатериновку на Сучанский рудник, по которой можно было сделать заход в тыл партизанам, используя паром для переправы р. Сучан, прикрывалась третьим Сучанским партиотрядом. Обход левого фланга сопками прикрывался Ольга-Тетюхинским партиотрядом. Таким образом белые могли бить партизан только в лоб. Этот удар должен был принять на себя первый Сучанский партиотряд.

Точно не могу восстановить какое было число мая месяца, но хорошо помню, что это были первые дни мая, утром разведка донесла, что белые из Владимиро-Александровского выступили в сторону д. Унаши².

В д. Унаши был оставлен небольшой заслон, в задачу которого входило, как только будет замечено передвижение белых, без выстрелов покиннуть деревню отойти на правый берег реки Ольга и здесь задержаться и при появлении белых на левом берегу реки открыть огонь, что было нужно для того, чтобы стрельбой предупредить 3-й Сучанский и Ольга-Тетюхинский партиотряды о том, что белые продвигаются в сторону Перятино. Ещё до прихода в залив Америка эскадры интервентов, белые, несмотря на то что они находились в окружении партизан не прекращали свои зверства.

Командование американских интервентов на Сучанском руднике с целью убедиться на месте в зверствах чинимых белыми, послало своего офицера в Владимиро-Александровское. Белые, объявив американского офицера шпионом красных, расстреляли его.

Полковник Пикельсон не на шутку возмутился и с небольшим отрядом пеших и конных солдат выехал сам в Владимиро-Александровское. В Перятино полковник прибыл как раз перед началом боя. Так как дальше было ехать некуда полковник попросил разрешения у командования партиотрядов присутствовать на командном посту. Командный пост был на чердаке школы, откуда было видно не только расположение партизан, но и передовые линии белых. Три роты 1-го Сучанского партиотряда цепью заняли в конце деревни растянув эту цепь на всю левобережную ширину долины. Правый фланг упёрся в левый берег р. Сучан. Левый в подножье сопки. При появлении авангарда белых 1-я рота дала залп, заставив авангард белых залечь в опушке кустарника.

Вслед за авангардом подходили и занимали позиции цепи белых. Партизаны изредка постреливали по видимой живой цепи. Кустарники

¹ Так в документе

² Село Унаши Партизанского района Приморского края в 1972 г. было переименовано в Золотую Долину.

позволяли белым занять удобные позиции по опушке и установить пулемёты. Видя, что партизаны стреляют только изредка и у белых уже были убитые и раненные, полковник Пикельсон не выдержал и спрашивает у командира 1-го Сучанского, почему партизаны не открывают сильный огонь и тем самым помешали-бы устанавливать пулемёты. Командир ответил, что мы не настолько богаты чтобы дёшево продавать патроны. Полковник видимо сразу не представил себе, как понимать такой ответ, пожал плечами и прижал бинокль к глазам продолжая наблюдения.

Настоящий бой разгорелся в 12 часов дня. Белые засыпали пулемётным и ружейным огнём позиции партизан. Партизаны почти совсем перестали стрелять, казалось, что все перебиты. Грохотала и трёхдюймовая артиллерия белых. Огонь белой батареи был направлен не по деревне, за всё время боя посреди главной улицы разорвалось только два снаряда и не по цепи партизан, а по уходившим в сопки жителям и кладбищу, могилы и памятники кладбища сильно пострадали.

Произведя подготовку ураганным огнём белые, на самом деле думали, что партизаны по крайней мере половина перебиты пошли в наступление густой цепью по всему фронту.¹ Когда из опушки кустарников поднялась цепь белых, полковник Пикельсон опять не выдержал, опять задал тот же вопрос, но ответ получил посредством бинокля.

Белые вместо того чтобы идти в перебежку с криком «ура» бросились цепью. Полковнику Пикельсону, казалось, что эта лавина пробежит небольшое пространство чистой долины и одним взмахом пригвоздит залётших партизан к земле штыками, он просто ужаснулся, партизаны стреляли не густо, но бегущая цепь быстро редела не пробежав и половины чистой долины вынуждена была залечь, но открытая местность позволяла партизанам метко стрелять и по лежащим. Заработали пулемёты и под их прикрытием остатки белых откатились назад. Полковник Пикельсон, наблюдая эту картинку, то и дело повторял «Олрайт». В стане белых, видимо, [было] замешательство, как только остатки атакующей цепи скрылись, пулемёты прекратили огонь. Передышка была короткой, белые опять открыли ружейный огонь по всему фронту, но в атаку по всему фронту не пошли. Не прекращая огня три цепи одна за другой в перебежку пошли в атаку на правый фланг партизан. Одновременно в обход левого фланга по склону сопки направилась колонна белых, когда обходная колонна забралась уже высоко, по ней открыл огонь Ольго-Тетюхинский отряд. Заметив обход левого фланга партизан Пикельсон начал жестиковать руками и указывая протянутой рукой в сторону обходной колонны по-английски выговаривал: атака за атакой на правый фланг и в обход левого, всё пропало, но когда под обстрелом Ольга-Тетюхинского отряда белые понесли большие потери скатились под гору, а три ожесточённых атаки на правый фланг были отбиты тоже с большими для белых потерями, полковник Пикельсон пожав командиру руку произнёс «Олрайт».²

Около 10-ти часов длился бой. Одной ожесточённой атакой в центр фронта белым немного оставалось для того, чтобы прорвать фронт красных партизан, но своевременно подоспевшее подкрепление исправило положение, атака была отбита. Длительность и ожесточённость боя истощили у партизан патроны. Все командиры рот заявили, что если будет ещё атака отбивать не чем. Командование отдало приказ отступить. Партизаны отступили не под давлением атаки и не ломая фронта. Вдруг по фронту передали, что привезли патроны. Партизаны заняли позиции по горному ключу протекающему поперёк долины и разделяю-

¹ Так в документе

² Так в документе

щему деревню на две части. Белые видя, что партизаны покинули позиции бросились вперёд, но встреченные огнём партизан с новых позиций вынуждены были остановиться. Правофланговая рота под командой т. Петрова-Телегина, видя непрерывную стрельбу перешла в наступление и вскоре вытеснила белых из занятой ими части деревни. Во втором доме от конца деревни ещё не окончательно отстроенном были окружены засевшие больше десятка белых, на предложение сдаться отвечали выстрелами через окна. К тому времени были подвезены впервые изготовленные в Фролове¹ гранаты, когда были брошены одновременно две гранаты, после взрыва которых вместо выстрелов и ругани были слышны только стоны умирающих, взрывом был снесён потолок и кровля.

Наступала темнота [а] ожидаемая вторая подвода с патронами не показывалась, [и] командование решило отвести партотряд в с. Новицкое. Вместе с отрядом отступил и полковник Пикельсон со своей личной охраной. В Новицком в присутствии начальника оперативной части у ревштаба была сделано военное совещание на котором присутствовал и полковник Пикельсон, когда узнал что совещание решило партотряду в час утра выступить и охватить Перятино с двух сторон, дав задание Ольга-Тетюхинскому отряду ударить с тыла белых, 3-му Сучанскому, находящемуся на правом берегу Сучана, ударить с фланга через реку Сучан.²

Полковник Пикельсон высказав свой восторг о геройстве партизан предложил свои услуги совместно выступить против белых. Как только предложение было принято, [он] сейчас же направил верхового на Сучанский рудник с приказом о высылке одной роты пехоты, пулемётной команды и артиллерии в с. Новицкое. Во избежание могущих произойти недоразумений в нашу заставу на переезде через р. Сучан были влиты несколько американских солдат и переводчик.

У меня с полковником Пикельсоном это была уже третья встреча, следовательно я был в числе знакомых ему членов ревштаба.

За чаепитием я спросил полковника Пикельсона, как понимать заявление генерала Гревса³ о невмешательстве во внутренние дела русских и в то же время активное участие американского крейсера в обстреле побережья, занимаемого партизанами. Пикельсон не хотел верить что американский крейсер стрелял, но когда подтвердили это другие командиры, Пикельсон заявил, вероятно, командир крейсера стрелял без разрешения ген. Гревса. Пикельсон не допускал, того чтобы Гревс приказал обстрелять побережье. Вы тоже собираетесь бить белых вместе с нами, не имея на то разрешения г. Гревса. Да, но я уверен, что ген. Гревс одобрит мои действия, так как он против зверств творимых белыми, к тому же они расстреляли моего офицера.⁴

Инцидент на заставе всё-таки произошёл. Из Сучанского рудника американские части выступили и подъезжая к заставе, передовые конные американцев были окликнуты часовым партизаном. Американцы долго не думая не спешиваясь начали стрелять, в свою очередь заставка тоже начала стрелять, стрельба продолжалась пока не услышали американцы бежавшего им на встречу американского солдата-пароля.⁵

Первый Сучанский получив пополнение патронов выступил не в час утра как намечалось накануне, задержался в ожидании подхода амери-

¹ Так в документе, правильно: Фроловке

² Так в документе

³ Так в документе, правильно: Гревса

⁴ Так в документе

⁵ Так в документе

канской пехоты и артиллерии, не дождав последних в два часа утра выступил из Новицкого. В Перятино белых не застали, нашли дымящиеся головёшки догорающих двух домов и кузницы, один из подожжённых белыми домов был тот самый в котором были взорваны гранатами засевшие там белые, в тот же дом белые набросали трупов убитых солдат, оказалось обгоревших 30 трупов. По словам старика, находившегося всё время боя в деревне, что он слышал крики, бросай их в реку.¹ Тот же старик заявил, что белые были в деревне не больше 2-х часов, во второй половине деревне за оврагом совсем не были. Трупов много осталось не убранных, после [их] закапывали крестьяне.

Первый Сучанский усиленным маршем направился в д. Унаши, одновременно было сообщено 3-му Сучанскому, чтобы последний поспешил занять переправу на пароме. Белые так быстро удирали, что первый Сучанский не застал их во Владимиро-Александровском 3-й Сучанский тоже не успел на переправу.

Белые не были достигнуты и на берегу, когда партизаны подходили к бухте, пароход увозивший белых на всех парах удирал во Владивосток.

Во Владимиро-Александровском выяснились некоторые подробности бегства белых и их потери.

Генерал Волков встречая сына поспешил поздравить его с победой, получив в ответ, то что не подобало бы слышать, отцу от сына, генерал всполошился в чём дело, что патронов и снарядов не хватило.² Бери патроны и снаряды и вперёд на Фроловку. Сын Волкова, площадно выругавшись, ответил, вперёд на пароход.³ Немного охладев, сын начал рапортовать отцу: драться с красными это превосходит всякие стратегии, они живучи как крысы, их бей сколько хочешь, а они оказываются живы. Я потерял половину отряда из них 150 офицеров убитыми (солдат он не считает, так как их трупы оставлены в огне и на месте боя или брошены в реку Сучан). Если тебе отец так нужна Фроловка иди сам. Тут же была отдана команда на пароход. Этот разговор происходил на улице многие из крестьян слышали.

В общем по данным собранным на месте боя и по пути бегства белых, было установлено, что потери белых составили: убитыми до 180 чел., [раненых от 180 до 200 чел.]⁴, по американским данным якобы поступившим из Владивостока: убитых 220 ч. раненых 180 ч. без вести пропавших 45 чел.

Потери партизан 6 человек, из которых тяжело раненный через три дня умер.

Перятинский бой Сучанских партизан был первым крупным боем – это был вступительный экзамен, который Сучанские партизаны с честью выдержали для дальнейших героических подвигов в борьбе с белоинтервентами. Перятинским боем была выполнена поставленная перед партизанами задача не оставить ни одного белобандита в Сучанской долине.

Разбитый генерал Волков своим бегством положил конец белому произволу в Сучанской долине.

Бывший заместитель председателя член Ольгинского уездного революционного штаба красных партизан З. Мартынов.

¹ Так в документе

² Так в документе

³ Так в документе

⁴ Зачёркнуто

УДК 343.4

*Жерновой М.В., Сухаренко А.Н.
Zhernovoy M.V., Sukharenko A.N.*

Состояние и прогноз развития наркоситуации в Дальневосточном федеральном округе

Status and prognosis of the drug situation in the DFO

В настоящей статье проанализированы состояние и причины наркоситуации, сложившейся на Дальнем Востоке, а также предложен ряд мер по её стабилизации.

Ключевые слова: *наркотики, преступность, контрабанда*

In the present paper were analyzed the status and causes of drug trafficking on the Far East of Russia, as well as proposed measures to combat it.

Key words: *drugs, crime, smuggling*

Складывающаяся в последние годы в Дальневосточном федеральном округе (ДФО) наркоситуация характеризуется стабильно высокими уровнями наркопреступности и наркозаболеваемости, которые значительно превышают среднероссийские показатели.

Благодаря усилиям всех правоохранительных органов, сконцентрировавших свою деятельность на борьбе с организованными формами наркопреступности, пресечении межрегиональных и международных каналов наркотрафика, подрыве экономических основ наркопреступности, ликвидации сетей наркосбыта и наркопритонов, а также координации деятельности органов власти и общественных организаций в сфере реализации государственной антинаркотической политики с 2008 года в ДФО сохраняется тенденция снижения числа наркопреступлений (2008 г. – 7,9%; 2009 г. – 1,3%; 2010 г. – 2%). По итогам 2011 года зарегистрировано 11,4 тыс. преступлений данного вида, что на 14,3% меньше, чем в 2010. В целом по России количество наркопреступлений снизилось на 3,3%.¹

Из общего числа зарегистрированных наркопреступлений 63% относятся к категории тяжких и особо тяжких, 84% - совершены в крупном и особо крупном размере. Более 56,4% преступлений предусмотрено ст. 228 УК РФ «Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовле-

ЖЕРНОВОЙ Михаил Васильевич, к.ю.н., ведущий научный сотрудник филиала ФГКУ «ВНИИ МВД России» по Приморскому краю (г. Владивосток). **E-mail:** primvnii@bk.ru

СУХАРЕНКО Александр Николаевич, директор АНО «Центр изучения новых вызовов и угроз национальной безопасности» (г. Владивосток). **E-mail:** sukharenko@mail.ru

¹ Здесь и далее использована Ф. 1-НОН ГИАЦ МВД России и отчётность Управления ФСКН по ДФО.

ние, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов; 36,6% – ст. 228.1 УК РФ «Незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов», из которых 93,5% связаны непосредственно со сбытом или 34,1% от всех зарегистрированных наркопреступлений. Кроме того, выявлено 307 преступлений, связанных с притоноводержанием, и 78 фактов контрабанды наркотиков.

В минувшем году практически на 12% сократилось число лиц, совершивших наркопреступления (6,6 тыс. человек, из них 10% женщины). Возраст 80% преступников приходится на 18-39 лет. Из общего числа лиц, совершивших наркопреступления, 98,6% лиц являются россиянами; из них 50,9% ранее совершали преступления, в том числе 8,3% совершали наркопреступления. По социальному статусу 64,6% преступников не имели постоянного источника доходов; 2,6% – безработные, а 3,3% учащиеся или студенты. Из общего числа преступников 356 человек являлись наркоманами, а 808 – совершили их в состоянии наркотического опьянения.

На территории ДФО расположено 67 учреждений исполнения наказаний. По статистике за 2010 год, в исправительных учреждениях округа содержалось более 8 тыс. лиц, осуждённых за совершение наркопреступлений. Основной возраст таких осуждённых составляет 30-40 лет.

Тенденция снижения прослеживается и в количестве изъятых из незаконного оборота наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ. В 2011 году правоохранительными органами округа было изъято более 7,7 тонн подконтрольных веществ, что на 33,7% меньше чем в 2010 году. Несмотря на это, доля изъятых в ДФО наркотиков составляет 21,4% от общего количества изъятого по России в целом.

За последние пять лет доля изымаемых из незаконного оборота наркотиков каннабисной группы составляет 95,5-99,6% от общего количества изъятого. В 2011 году данное соотношение составило 98,3%, или 26,4% от общероссийских изъятий наркотиков каннабисной группы. Из незаконного оборота изъято 7,6 тонн таких наркотиков. В том числе, 7,3 тонн марихуаны, 114 кг гашиша, 143 кг гашишного масла. Каннабиноиды поставляются в основном из Амурской, Еврейской автономной области, Приморского края, реже из регионов Сибири.

Наряду с этим из незаконного оборота изъято 81,4 кг наркотиков опийной группы. В том числе, более 30,7 кг героина, 48,5 кг маковой соломки, 430 г дезоморфина, 421 г опия. Из всех видов наркотиков только изъятия героина увеличились на 33%. Героин и опий на Дальний Восток поставляется из Афганистана, Ирана и Пакистана, транзитом через регионы Сибирского и Уральского федеральных округов.

В минувшем году наибольшее количество героина изъято в Приморском (более 14 кг, + 7,5%) и Хабаровском (более 11,8 кг, + 117,2%) краях. Данный факт обусловлен сложившимися и проходящими через территорию данных регионов каналами поставок наркотических средств и тем, что в этих субъектах РФ проживает более 84% лиц, состоящих на учёте в наркологических учреждениях округа с диагнозом «опийная наркомания».

Кроме того, из незаконного оборота было изъято более 18 кг наркотиков амфетаминовой группы (+121,7%, Россия: -17,7%), прирост отмечен в Приморском и Камчатском краях, Сахалинской области на 54,7%, 208,9% и 3664,6% соответственно; 34 г кокаина и его производных (+3,0%, Россия: +6,0%), изъятие зафиксировано лишь на территории Приморского края; иных наркотических средств более 28,4 кг (+388,6%, Россия: +204,6%), существенный рост отмечается в пяти субъектах округа: При-

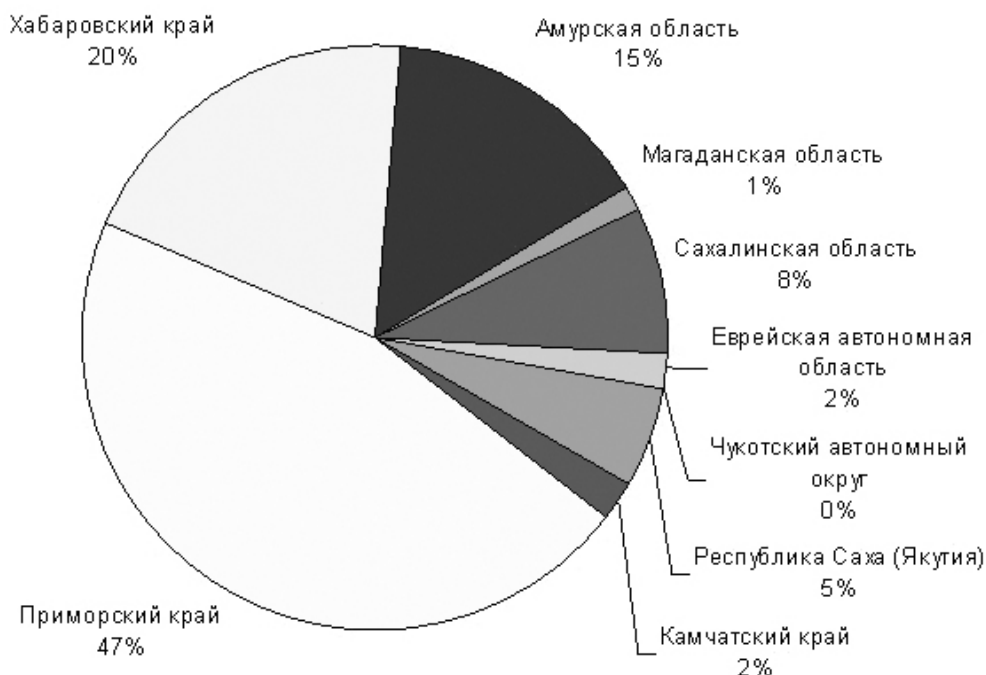

Рис. 1. Соотношение количества больных наркоманией, состоящих на учёте в органах здравоохранения ДФО, в 2011 году

морском (+53255,0%), Хабаровском (30575,0%), Камчатском (45225,0%) краях, Магаданской (1004,8%) и Сахалинской (90,1%) областях; почти 47 кг синтетических наркотиков (+223,8%, Россия: +41,5%); более 8 кг психотропных веществ (+3295,0%, Россия: +3823,2%); более 16 кг сильнодействующих веществ (+43%, Россия: -76%).

Как показывает практика, синтетические наркотики поставляются на территорию округа из городов Москва и Санкт-Петербург, а также Китая.

В последние годы уровень незаконного наркопотребления в ДФО, несмотря на тенденции к улучшению, остаётся стабильно выше среднероссийского (рис. 1).

В 2010 году число потребителей наркотических веществ в округе сократилось на 4,5%, что в абсолютных числах составило 32 290 человек (2009г. – 31553). Из них 18308 человек (56,6%) с диагнозом «наркомания» (-1% к 2009г.); 13982 потребителей наркотиков с вредными последствиями (-8,2% к 2009г.). Число потребителей наркотических веществ, в расчёте на 100 тыс. населения, в среднем по округу составляет 513,3 человек, что на 34% превышает средний Российский уровень (383,4). Наиболее сложная ситуация в расчёте на 100 тыс. населения складывается в Сахалинской области (1022), Приморском крае (685,9), Камчатском крае (557,2), Амурской области (525,4).

В целом по округу число больных наркоманией на 100 тыс. населения (291,0) к уровню 2009 года увеличилось на 1,7% (286,9). Показатель распространённости выше среднего Российского (247,2) на 17,8%. Число больных наркоманией, находящихся на учёте в учреждениях здравоохранения,

ранения, сократилось в Приморском крае (-3,7%), Магаданской области (-3%), Хабаровском крае (-3,2%), Чукотском автономном округе (-37,5%). В других территориях округа отмечалось увеличение числа больных наркоманией: в Сахалинской области (+7,6%), Камчатском крае (+5,6%), Амурской области (+5,5%).

В структуре больных наркоманией наблюдался рост числа больных опийной наркоманией на 1,3%. Эта же категория больных составляет большинство (53,1%) от общего количества больных с наркотической зависимостью, на долю зависимых от наркотиков каннабисной группы приходится 32,1%. Удельный вес психостимуляторов (5,1%) и других наркотиков (9,7%) в структуре наркомании небольшой.

В расчёте на население округа показатель числа больных опийной наркоманией (154,6) меньше, чем в среднем по России (214,3) на 28%. Число потребителей конопли (93,3) в 5 раз выше, чем в среднем по России (16,2).

Основной возраст больных наркоманией приходится на 20-39 лет (80,8%). Самая многочисленная группа риска потребителей наркотических веществ, с которой необходимо проводить превентивное профилактическое лечение, сложилась в Сахалинской области (741,9), Камчатском крае (451,8) Магаданской области (246,5) и Приморском крае (255,3). В 2010 году группа риска в целом по округу (на 100 тыс. населения) уменьшилась на 6,3% (2010г. – 222,3; 2009г. – 237,8). Однако среднеокружной показатель превышает среднероссийский (139) на 63%. Число женщин больных наркоманией (на 100 тыс. населения) сократилось на 1,3% и составило 40,5 (2009 – 41,5), что на 6% меньше среднего Российского уровня (43,5). Число подростков с диагнозом «наркомания» (18,6) в 2010 г уменьшилось на 2,1% (2009 – 19,0). В расчёте на подростковое население показатель на 16% меньше Российского (21,7).

В 2010 году с учёта в наркологических учреждениях снято 2245 потребителей наркотиков, что составляет 6,9% от общего числа состоящих на учёте наркопотребителей. 86% снято с учёта в связи с длительным воздержанием (1964 человека), 14% – в связи со смертью (281 человек). Число умерших потребителей наркотиков в 2010 году на 5% меньше, чем в 2009 году.

Из числа снятых в связи с длительным воздержанием 20% (380 человек) составляют лица с диагнозом «наркомания», 80% (1585 человек) - потребители наркотических средств и психотропных веществ с вредными последствиями.

Основной причиной смертности является смерть от соматического заболевания (44,4%). Обращает на себя внимание рост смертности от передозировки наркотиков с 7,7% в 2009 г до 12,5% в 2010 году.

У 58,2% ВИЧ-позитивных, выявленных в 2011 году, основным фактором риска заражения было указано употребление наркотиков нестерильным инструментарием (2010 г. – 58,8%, 2009 г. – 60,6%, 2008 г. – 61,8%). За весь период наблюдения этот фактор риска заражения был указан у 249 тыс. ВИЧ-инфицированных.

В последнее время наркопотребители всё чаще обращают внимание на лекарственные средства, содержащие наркотические вещества в малых дозах и находящиеся в свободной продаже. Также используются и лекарственные препараты, не подлежащие контролю. Большой спрос на кодеиносодержащие лекарственные средства обусловлен тем, что они используются для изготовления наркотика дезоморфин. Как правило, его употребляют лица, имеющие зависимость от наркотиков опийной группы, в качестве альтернативы героину. Наиболее остро ситуация с распространением дезоморфина сложилась в Республике Саха (Якутия). По данным Республиканской наркологической службы, на диспансер-

ном учёте состоит 409 потребителей дезоморфина, или более 50% от общего количества зарегистрированных наркозависимых лиц. По данным Сахалинского областного наркодиспансера, 95% пациентов, состоящих на учёте с опишной зависимостью, периодически замещают героин кодеиносодержащими лекарствами.

Вследствие того, что в ДФО традиционно широкое распространение имеют производные каннабиса, а дезоморфин употребляют лица с зависимостью от опиоидов, проблема дезоморфиновой наркомании в округе ощущается не так сильно, как в центральных регионах России. Отдельные факты выявляются, как правило, при документировании преступлений, связанных с организацией и содержанием притонов для изготовления и потребления наркотиков опишной группы.

За последние годы в округе возросло потребление ацетилированного опия, получаемого кустарным способом из семян пищевого мака, легально реализуемого на оптовых базах и в розничной торговой сети. На протяжении 2004–2010 гг. семена пищевого мака большими партиями (по 100-150 тонн) поставлялись на территорию Дальнего Востока из Москвы. Химический анализ отобранных образцов показал, что исследованная продукция представляет собой смесь семян мака и маковой соломки (из которой возможно получение наркотического средства).

Наиболее остро этот вопрос обозначился в Сахалинской области, где опиий и героин практически были вытеснены с наркорынка пищевым маком с примесями, содержащимися в его семенах, а также в Амурской области.

Расширению масштабов потребления этих наркотиков способствовали не только возможность легального приобретения сырья и прекурсоров, но и невысокая себестоимость, а также возможность изготовления наркотических средств в домашних условиях с использованием свободно реализуемых сопутствующих ингредиентов.

Задача организации адекватной системы противодействия наркомании и наркопреступности на территории России, и в отдельно взятом субъекте РФ, предполагает регулярное изучение развития ситуации по одной и той же методике, т.е. мониторинг наркоситуации.

Настойчивая позиция Государственного антинаркотического комитета (ГАК) завершилась утверждением в декабре 2011 года «Методики и порядка осуществления мониторинга, а также критерии оценки развития наркоситуации в субъектах Российской Федерации». Оценку наркоситуации предлагается оценивать по 9 критериям, используя 57 параметров.

Мониторинг наркоситуации предложено осуществлять по итогам года путём изучения, сопоставления, оценки и анализа трёх видов информации:

1. Статистических сведений министерств, ведомств и организаций;
2. Экспертных оценок, формируемых сотрудниками организаций, участвующих в мониторинге;
3. Результатов социологических исследований.

По итогам 2011 года во всех субъектах ДФО был проведён мониторинг наркоситуации. Доклады утверждены высшими должностными лицами субъектов РФ. Проводится анализ полученных выводов и вырабатываются соответствующие решения, способствующие снизить напряжённость наркоситуации.

Анализ уровня и динамики наркопреступности, показателей заболеваемости населения наркологическими расстройствами, влияния геополитических и социально-экономических факторов на наркоситуацию в округе, позволяет сделать вывод, что в 2012 году криминальная обста-

новка в данной сфере не претерпит существенных изменений.

Интенсивность попыток доставки наркотиков в ДФО останется на прежнем уровне, при этом будут расти объёмы поставок наркотиков опийной группы, прежде всего героина, из регионов, расположенных на границе со странами Центральной и Средней Азии, а также синтетических наркотиков амфетаминовой группы из Китая.

География распространения в округе героина может расширяться, однако, доминирующее положение на «наркорынке» традиционно займут наркотики каннабисной группы.

Прогнозируется дальнейшее распространение на территории округа новых видов психоактивных веществ, как включённых, так и не включённых в списки перечня наркотических средств, подлежащих контролю, появление каналов поступления этих веществ из Китая.

Прогнозируется рост числа потребителей наркотиков с вредными последствиями (профилактический учёт), прежде всего, за счёт увеличения их выявляемости. Этому будут способствовать принимаемые меры по совершенствованию наркологической помощи населению, совершенствование оборудования химико-токсикологических лабораторий.

Проведённый анализ показал, что, несмотря на некоторые предпосылки к стабилизации, в 2012 году наркоситуация в ДФО будет оставаться напряжённой, и требовать скоординированных действий всех правоохранительных органов, подразделений других заинтересованных министерств и ведомств, органов исполнительной власти субъектов Дальневосточного федерального округа.

Осуществляя разработку общей системы подходов и ключевых механизмов реализации Стратегии государственной антинаркотической политики, автором для стабилизации наркоситуации в субъектах ДФО предлагаются следующие способы:

1. Повышение социально-экономического уровня жизни в субъектах округа. Создание новых рабочих мест, повышение занятости населения, а также правовая регламентация процесса трудоустройства и профессионального становления молодых специалистов, которая будет препятствовать вовлечению жителей округа в наркоманию и наркопреступность.

2. Обеспечение своевременного финансирования региональных целевых антинаркотических программ в объёмах, предусмотренных при их принятии, а также освоение выделенных финансовых средств.

3. Организация системы комплексного мониторинга наркоситуации.

4. Повышение эффективности профилактической работы с населением. Смещение приоритетов в этой работе на подростков и молодёжь как на главный стратегический потенциал страны.

5. Развитие инфраструктуры и улучшение материально-технического оснащения и финансирования наркологической службы, приведение штатов и коечной мощности наркологических учреждений в соответствие с нормативами, рекомендованными Минздравом России.

6. Укрепление российско-китайского участка государственной границы РФ. Современное высокоэффективное техническое оснащение пограничных пунктов пропуска, способствующее предотвращению контрабанды наркотических веществ и сильнодействующих веществ.

7. Активизация работы по уничтожению очагов дикорастущей конопли, а также по предотвращению незаконного культивирования наркосодержащих растений.

8. Реализация комплекса мер по возвращению земель сельскохозяйственного назначения, не используемых сегодня по прямому назначению, в сельскохозяйственный оборот.

9. Повышение эффективности деятельности правоохранительных органов по противодействию наркопреступности, прежде всего, организованной и трансграничной.

*Барбенко Я.А.
Barbenko J.A.*

Хартленд на ладони: «Сибирь. Атлас Азиатской России»¹

Heartland at a glance: «Siberia. Atlas of Asian Russia»

Разумеется, на ладони Хартленд не поместится, и обсуждаемое издание, даже в облегчённом варианте, изрядно весит, и в раскрытом виде занимает чуть ли не полстола. Книга оформлена очень ярко. Цветные карты сами по себе являются украшением любого издания, но здесь карты сопровождаются очень богатым набором иллюстраций: фотографиями и прорисовками археологических и этнографических артефактов, воспроизведениями рисунков и карт, взятых из исторических источников, наконец, впечатляющими фотографиями сибирских ландшафтов, сочно передающими красоту этой земли: от масштаба считанных сантиметров до спутниковых снимков, охватывающих десятки километров.

Издание масштабно не только по тематическому охвату, но и по количеству и географии научных заведений, участвовавших в проекте. На контртитule издания отмечено три (Уральское, Сибирское и Дальневосточное) отделения РАН, шесть академических институтов и факультет МГУ; кроме того, в подготовке Атласа приняли участие ещё семь научных организаций плюс Федеральное агентство по образованию (первая редакция Атласа вышла в свет в 2007 году), а также русский издатель журнала «ГЕО». Атлас подготовлен внушительным коллективом научных работников – так, в списке авторов младшей редакции значится больше сотни фамилий сотрудников научных учреждений, две трети из них имеют учёные степени. Наконец, публикацией этого труда занимались два специализированных издательства и книготорговая фирма. Такой заслуживающий уважения коллектив вполне способен свернуть горы и окинуть единым взглядом необъятную Сибирь! Что же они позволяют нам увидеть?

Название атласа явно отсылает нас к Атласу Азиатской России 1914 года издания [2], вершине русской дореволюционной картографии, более того – фрагменты этого атласа использовались при подготовке обсуждаемого издания в качестве сравнительного материала. Оценка двух изданий, разделённых столетием, затрудняется, пожалуй, тем, что старинный атлас был частью крупного научного и политического проекта «Азиатская Россия», выпустившего иллюстрированный трёхтомник [1] в связке с атласом.

Объект нашего рассмотрения издан в трёх редакциях, различающихся количеством страниц (864 [7], 664 [8], 480 [9]) – старшая, флагманская,

БАРБЕНКО Ярослав Александрович, к.и.н., доцент кафедры государственного и муниципального управления Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (г. Владивосток). **E-mail**: prohist@narod.ru

¹ См. [9]

редакция данного труда включает наибольшее количество страниц [6], а также отчасти и структурой (большая по размеру редакция имеет и более развёрнутый план). В данном обзоре я буду опираться на самую краткую редакцию [9] – к сожалению, флагманский том я достать не смог; с другой стороны – самый демократичный вариант (а стоят эти книжки заметных денег) должен получить самое широкое распространение, так что опора именно на него вполне оправдана.

Младшая редакция Атласа включает обзорную вводную часть и две несущие: географическую и историко-культурную. Вводная часть «Страна Сибирь» очерчивает горизонт предстоящего путешествия по региону, встраивая его в исторические, географические, политические рамки мира. Часть «География» включает три раздела: «Природа», «Общество», «Регионы», и даёт развёрнутую характеристику современного положения Востока России, локально используя и исторические данные для сравнения, но больше, по-моему, для украшения. Часть «История и культура» включает три раздела: «Древняя Сибирь», «Азиатская Россия», «Народы Сибири»; здесь последовательно раскрывается прошлое Сибири и народов, её населяющих. Старшая редакция Атласа имеет несколько более развёрнутое введение, структура основной части включает три раздела – географический, исторический и культурный. Все значимые расхождения в содержании редакций будут рассмотрены ниже.

Вводная часть Атласа содержит обзор Сибири, её природных и исторических условий, той роли, которую он сыграл в истории человечества. Трансформация образа Сибири и её роли в жизни соседей (в нашем случае – России) связана с её познанием, поэтому основная часть материалов вводной части посвящена русскому изучению Сибири: сначала практическому – экспедициям, а затем и теоретическому – картографированию и составлению атласов. По замыслу авторов, Россия перенимает эстафету изучения Сибири у иных европейских и азиатских народов, с XVIII века активно изучая этот регион. Уже во введении можно видеть разницу старшей и младшей редакций издания – в последнюю не попали материалы по картографированию Сибири. В целом разница количества статей в разделах составляет примерно тридцать процентов. В рамках введения ставится вопрос, что же такое Сибирь. Определённого ответа авторы не дают, отмечая относительность проведения границ исторической области «Сибирь». Например, взять вопрос о положении Дальнего Востока относительно Сибири. Физическая география выделяет Дальний Восток в отдельную природную область, исторически же в понятие Сибири укладывались не только современные Западная и Восточная Сибирь вкупе с Дальним Востоком России, но также и Средняя Азия (с. 17).

Вводная часть завершается разделом «Геополитическое положение», заявленным только в старшей редакции, но фактически присутствующим и в младшей. Здесь даётся характеристика экономического и политического потенциала Сибири, причём оценивается он весьма неоднозначно. С одной стороны, восточные федеральные округа в начале 2000 х имели в рамках страны хороший показатель ВВП на душу населения, но малая заселённость и соседство быстрорастущего Китая представляют для Сибири и России в целом опасность. Характеризуя положение Востока России, авторы используют понятие «демографического контраста», существующего между Сибирью и Китаем, для того, чтобы сформировать крайне тревожное настроение. Чего только стоит врезка с названием «Претенденты на заселение» (с. 18), хотя содержание её достаточно сдержанно и раскрывает дисбаланс количества населения между субъектами ДФО и пограничными провинциями КНР. Думаю, что опасность соседства с густонаселённым Китаем нам действительно

грозит в том случае, если те самые 100 миллионов северо-восточных китайцев не смогут найти у себя на родине работу и пропитание; о китайских реалиях, крайне значимых в рамках разговора на данную тему, авторы почему-то умалчивают.

Раздел «География» в обеих редакциях имеет одинаковую структуру, различаясь количеством и порядком статей в подразделах. Подраздел «Природа» даёт комплексную характеристику естественных условий региона, от тектоники до природных достопримечательностей. Флагманская редакция включает дополнительно описание некоторых типов ландшафтов. Именно в этом разделе впервые встречаешься со сравнительно-историческим материалом – картами Атласа Азиатской России 1914 года, и первое, что бросается в глаза, – это не изменения в природных условиях, а разница в исследовательских приёмах, способах отображения информации на карте и, пожалуй, степень изученности территории. Наиболее показательно сравнение почвенных карт – очень подробной (при выбранном масштабе в 1:20000000) современной карты (с. 60-61) и схематичной из Атласа 1914 г. (с. 62-63). Вопросы вызывает разноречивость в терминах – на разных страницах используется то «вечная мерзлота» (с. 56), то «многолетняя мерзлота» (с. 65), что нежелательно ни для научных, ни тем более для популярных изданий.

Интерес вызывает использование в естественнонаучном разделе социально-исторических данных, например, при общей характеристике географического положения Сибири (с. 34) описание водохранилищ (с. 58 – 59), характеристики земельных угодий (с. 64). Это придаёт содержанию Атласа многомерный характер, делает его более познавательным.

Подраздел «Общество» даёт общую характеристику современного состояния и путей как исторического, так и перспективного развития Сибири. В тематику данного раздела входят обзоры населения, промышленности, коммуникаций, сельского хозяйства, науки и искусства.

Одной из особенностей расселения в Сибири является его неравномерность и малая плотность, а также концентрация: доля малых населённых пунктов уступает среднероссийской. Достоинство серии материалов о расселении – исторический подход: демонстрируется динамика городского и сельского населения, генезис населённых пунктов (два последних – в старшей версии). Сравнивая современную географию плотности населения с данными Атласа Азиатской России 1914 года, можно указать на плавный характер перемен – в общих чертах рисунок плотности населения в начале XX и в начале XXI веков вполне сопоставим. Приводимые данные указывают на основополагающую роль государства в формировании населения азиатской части страны на протяжении большей части XX века.

Промышленность в обеих редакциях Атласа представлена одинаковыми статьями. Характеристика современного положения производства сопровождается сравнительными историческими данными, для многих отраслей приводятся карты из советских атласов 30 х годов. Рассказ о территориально-производственных комплексах (с. 120-121) включает не только экономико-географические данные, но также и материалы из истории науки, истории организации производства в СССР и собственно в Сибири; наконец, приводятся планы создания силами государства нового Нижне-Ангарского ТПК.

Основу описания системы коммуникаций Востока России составляют материалы, посвящённые железной дороге. При этом большая часть материалов имеет исторический характер, связанный с прошлым развитием транспорта – железнодорожного, водного, воздушного, автомобильного. Интересна интерпретация особенностей развития связи в регионе (с. 134): высокая степень телефонизации связана с относительной urba-

низированностью территорий и оттоком населения, то есть технологический фактор не имеет здесь решающего значения. Старшая редакция Атласа, помимо указанного, делает больший акцент на истории путей сообщения, более широко освещает положение воздушного транспорта.

Интересно решена подача состояния сельского хозяйства: здесь практически отсутствует историческая составляющая – думаю, что сравнительные данные 1990 года, на фоне подчас многостраничных воспоминаний о прошлом транспорта и промышленности, роли не играют. Несмотря на относительно невысокую обеспеченность земельными ресурсами, Сибирь даёт значимую в национальных масштабах долю сельскохозяйственной продукции, сочетая в себе черты нескольких хозяйственных укладов. Также предпринимается попытка заглянуть в будущее отрасли (с. 138-139), исходя из местных сочетаний природных и социальных условий.

При отборе материалов в младшую редакцию Атласа заметно пострадал блок культуры-искусства-образования: было исключено более половины сюжетов. Оставшиеся статьи «Высшие учебные заведения» и «Культурное наследие» только в самых общих чертах передают положение в гуманитарной сфере нашей жизни. Исключены оказались сюжеты, связанные с академической наукой, музеями и театральной жизнью. Сильное впечатление производит статья о культурном наследии Сибири (с. 142-143), в рамках которой характеризуется очень пёстрая картина историко-культурных ландшафтов региона: на территории Сибири авторами выделяется три культурных общности – «Русская Азия», «многонациональная Южная Сибирь» и «многонациональная Северная Евразия», отражённых на карте «Историко-культурные ландшафты», стр. 143. Естественно, границы, проведённые между этими общностями и отдельными ландшафтами в их составе, условны. На мой взгляд, в данном случае авторам не стоило ограничиваться территорией Российской Федерации в Азии, поскольку границы, например, Русской Азии далеко не совпадают с современными государственными границами, что, правда, будет отражено в других разделах старшей редакции Атласа.

Подраздел «Регионы» даёт обзор территорий, входящих в состав Азиатской России и открывается материалом, разъясняющим историю и варианты районирования Сибири: физико-географическое, часовые пояса, административно-территориальное, экономическое. На стр. 156-157 находится схема размещения географических карт, помогающая ориентироваться в последующем содержании подраздела. В данном подразделе используются в основном два типа карт – а) общегеографические для отображения крупных регионов или местностей, имеющих познавательную важность: Урал, Западная Сибирь, Плато Путорана, Приамурье и т. п. и б) экономические для демонстрации отдельных субъектов федерации. Карты первого типа сопровождаются комплексными очерками, раскрывающими черты природы и истории данного региона, характеризующими его роль в жизни Сибири и России в целом. Карты второго типа сопровождаются чаще всего диаграммами, раскрывающими социально-экономические показатели территорий: сравнительный уровень жизни, доля региона в общероссийских показателях, отраслевая структура ВРП, отраслевая структура промышленности, структура посевной площади. Чередование и сочетание разнотипного материала позволяет создать многомерное видение Сибири сначала в масштабе её субрегионов, а затем и отдельных краёв и областей. В обеих рассматриваемых редакциях Атласа подраздел «Регионы» за небольшим исключением идентичен, в глаза бросается разный порядок представления регионов.

Раздел «История и культура» в старшей редакции имеет аналогию в виде двух разделов, собственно «История» и «Культура», исторический

блок младшей редакции включает два подраздела – «Древняя Сибирь» и «Азиатская Россия», в то время как раздел «История» старшей редакции три: «Древняя история Сибири», «Эпоха степных империй», «Азиатская Россия». Количество исторических статей в рассматриваемых редакциях разнится в два раза. Если во вводной части и в первом разделе разница объёмов материала старшей и младшей редакций не превышала тридцати процентов, то здесь мы видим пятидесятипроцентную разницу.

Ранние этапы истории Сибири раскрываются в ключе начального заселения и освоения человеком этих бескрайних территорий. Авторы отмечают общность черт культур верхнего палеолита (с. 244), что позволяет говорить о культурном единстве Сибири на самых ранних этапах её истории. Интересно отметить, что до времени письменной истории в содержании статей данного раздела преобладает информация на темы технологий, социального и экономического строя, искусства (собственно, и описываются, главным образом, археологические эпохи и культуры), однако со времени хунну и тюркских каганатов в содержании материалов преобладают сюжеты политической истории, истории войн и захватов (происходит переход к истории государственных образований). Это касается основного текста статей, текстовые же врезки, как мы можем видеть на примере «Сибирского ханства» (с. 282-283), могут содержать информацию о социальном строе, верованиях и т. п.

«Азиатская Россия» – подраздел, имеющий собственный стиль подачи материала, непохожий на общий стиль текстов Атласа. Если в эпохи, описываемые предыдущим подразделом, Сибирь так или иначе имеет собственный исторический смысл, то с момента прихода сюда русских она становится частью русского государства, попадает в орбиту русской истории. Именно незримое (незримое, поскольку рассчитано на информированного читателя) присутствие контекста русской истории и придаёт особенность изложению материала в данном подразделе. Самый яркий пример такого подхода – статья «Русско-японская война» (с. 330-331): причины и следствия войны, имевшей очень важные последствия для внутренней политики на Дальнем Востоке, не указаны, раскрыт только её ход.

«Азиатская Россия» последовательно раскрывает рост русского присутствия в Сибири – расширение географии русских владений, усложнение жизни региона в связи с новыми социальными порядками и технологиями, идущими с запада. Но также указывается и на особенности жизни Сибири: институт заводской колонизации (с. 300-301), некоторая самостоятельность верхушки аборигенов (с. 306) и т. п. Интересно отслеживать по материалам Атласа постепенное включение Сибири в структуры жизни России: походы XVII в. – покорение Сибири (с. 306), организационная работа в Сибири и по её границам в XVIII в. – «включение восточных окраин в единую политическую и экономическую структуру империи» (с. 306), административные реформы конца XIX в. – включение в общую систему управления (с. 324), столыпинское переселение начала XX в. (надо полагать, вкупе с развитием транспортной системы) – «превращение Сибири в часть России» (с. 321).

В данном подразделе составители Атласа возвращаются к практике размещения сравнительного историко-картографического материала: можно отметить карту Азии Делиля 1723 г. (с. 298-299), карту Российской империи Гюсфельда 1786 г. (с. 308-309) и другие, следующие за обзорными картами Сибири, составленными для Атласа.

Младшая редакция содержит около 65 процентов статей старшей, в основном сокращению подвергся дореволюционный материал, правда материал сокращался не механически: например, статья старшей редакции «Мангазея – пушная столица» в младшей редакции сокращена

до врезки в статье «Сибирский город в XVII веке» (с. 296). Хотя есть и безусловные потери – например, статья «Русская Америка», никак не возмещённая в младшей редакции. Можно также указать на явный пробел сокращения материалов – из младшей редакции были исключена статья «Русские в Китае», но зато осталась по сути брошенной врезка «Судьба русской эмиграции» в статье «Разгром Японии» (с. 356-357).

Подраздел «Народы Сибири» имеет в старшей редакции аналог в виде раздела «Культура» в составе «Коренных народов Сибири», «Русских в Сибири», «Духовной и материальной культуры». Эта структура изложения сохраняется и в младшей редакции Атласа без выделения каких-либо разделов. Подлинной опорой не только раздела, но и всего Атласа, наряду с описанием регионов, является описание аборигенных народов Сибири. Этот блок статей достался от старшей редакции практически целиком – потери не превышают пяти процентов (правда, с потерей объёма самих статей), а вот описание традиционных занятий аборигенов и описание жизни русских в Сибири для младшей редакции Атласа было урезано наполовину, духовной и материальной культуры – на две трети. Тем не менее, общий баланс раздела сохраняется – сокращения составляют чуть менее трети количества статей старшей редакции.

Описание коренных народов Сибири разворачивается по принципу от общего к частному: общая группировка народов (Западной Сибири, Восточной Сибири, Дальнего Востока) уступает место характеристике общих черт хозяйства, типов хозяйственной деятельности: охоты, промыслов (морского зверя и рыбного), скотоводства, оленеводства, земледелия (последние два только в старшей редакции), что сменяется описанием черт каждого из десятков сибирских народов. Историко-этнографическое описание, как правило, включает такие смысловые блоки, как история, демография, материальная культура, занятия, элементы религиозных воззрений и этнической психологии. Подраздел открывается подробной картой «Народы Сибири» (с. 364-365), сопровождаемой цитатой из Атласа Азиатской России 1914 года – «Этнографической картой Азиатской России» (с. 366-377).

Характеристика русских в Сибири начинается с обзора формирования русского населения и этапов колонизации, выделяются хронологические (старожилы и переселенцы), сословно-территориальные (казаки войск, от Уральского до Уссурийского), конфессиональные (старообрядцы, с учётом локальных различий). Русские поучаствовали в формировании народов, относимых к группе аборигенных: камчадалов, долган, или это всё же этнолокальные группы русских, как указано на стр. 438?

Содержательная часть Атласа замыкается группой статей, связанных с духовной культурой сибиряков – религиями сибирских народов. В младшей редакции даны очерки всех основных религий: традиционных, связанных с шаманизмом, буддизма, ислама, христианства. Статья «Религии Азиатской России» (с. 440-441), сопровождаемая подробной картой, характеризует конфессиональную ситуацию в Сибири и приводит данные обо всех религиях, приходах, сектах и т. п. Исключённые из младшей редакции статьи связаны не только с религией, но также с архитектурой в Сибири, прикладным творчеством, фольклором.

Атлас снабжён указателем географических названий с инструкцией для использования, а также легендой для всех карт, подготовленных специально для данного издания. В целом картографическая часть Атласа может быть оценена очень высоко, все карты соответствуют контексту материала, крайне насыщены информацией, выполнены в общем стиле, что облегчает восприятие.

Кроме достоинств Атлас обладает рядом недостатков, как на уровне организации материала, так и на уровне фактов. В тексте порой встре-

чаются удивительные неточности, которые, я думаю, скорее следует отнести на счёт невнимательности, чем неосведомлённости составителей. Так, в статье «Азиатская Россия. Сибирь», где дана характеристика географического положения Сибири, читаем следующее: «Берингов пролив, шириной 86 км, разделяет Чукотский полуостров (РФ) и полуостров Аляску (США)» (с. 34)! Или же в статье «Земельные угодья»: «Земледелие в Азиатскую Россию пришло вместе с русским населением в XVI в.» (с. 64), и это при том, что в старшей редакции Атласа имеется целая статья по земледелию аборигенов Сибири. Туманно выражается автор статьи «Китай и Сибирь. Демографические контрасты», в контексте сибирско-китайских отношений относя к пограничным провинциям Ляонин (с. 18), при том, что Ляонин с Россией не граничит и даёт считанные проценты выезжающих в Россию. Несколько неясных моментов сгустились в статье «Переселенцы» (с. 430-431): во-первых, из текста можно подумать, что Крестьянская реформа распространялась преимущественно на крестьян южнорусских губерний, поскольку именно они составили основную массу пореформенных переселенцев, во-вторых, крайне нечётко заявлено, что Амурская линия появляется в 50-е годы XIX в.: «С XVIII в. в долине Амура имелось несколько постов (допустим... – Я, Б.), была проложена Амурская казачья линия» (с. 430). Если вовремя не вспомнить, что статья посвящена, судя по всему, второй половине XIX в., то в самом деле можно подумать, будто бы Амурская линия возникла в XVIII веке! В третьих, в подразделе, связанном с опытом устройства русских в Сибири, сталкиваюсь с материалом о немецких переселенцах (с. 431); жаль, что даже в старшей редакции Атласа не нашлось места для рассказа о немецком и польском присутствии в Сибири (а ведь были ещё финны, белочехи, наконец!).

Ошибки в картографическом материале встречаются не реже, чем в тексте, хотя некоторые из них имеют явно технический, а не содержательный характер. К таким, например, относится карта «Пространство Евразии в Российской империи» (с. 9), на которой из территорий, присоединённых к России, выпало Приамурье, хотя города и коммуникации указаны; собственно, проблема в том, что эта карта с тем же недостатком была до этого помещена в издании «Атлас Тартарии. Евразия на старинных картах» [3] и в таком же виде воспроизводится в трёх редакциях Атласа. Подобного рода недостаток свойствен карте «Монастыри в Сибири» (с. 455) – все приамурские монастыри «съехали» на юго-запад, многие оказались на китайской территории. Огрехи содержания встречаются на карте «Российские экспедиции в Сибири в XVIII веке» (с. 12-13, также можно посмотреть с. 15 старшей редакции на «Гугл Книги» [5]): на карте указаны анахронистичные объекты, такие как уже не существовавший в то время Албазин и ещё не существовавший Владивосток (с. 13). Карта «Сибирь в конце XVII в.» (с. 297): город Шэньян помещён в междуречье Луанхэ и Ляохэ, хотя в реальности находится на сотни километров северо-восточнее, на левом берегу Ляохэ.

Относительно организации материала можно сделать следующие наблюдения. В старшей и младшей редакциях Атласа присутствуют артефакты подготовки издания, цитирую текст со стр. 296 мл. редакции: «Однако до середины XVI в. русские промышленники в погоне за ценным пушным зверем добирались только до Югры (494)». Номер в скобках есть номер страницы старшей редакции издания, на которой изложена информация, связанная со словом-ссылкой (в данном случае это «Югра», ссылка на стр. 494 ст. редакции, статья «Княжества обских угров»). Такие случаи можно наблюдать и в материалах старшей редакции на «Гугл Книгах» [5] – на стр. 9 можно видеть выделенные красным ключевые слова со ссылками на страницы статей. Эта прекрасная

идея внутренних перекрёстных ссылок не была реализована и осталась в виде указанных фантомов (ещё один известный мне случай – стр. 280 младшей редакции). Перекрёстные ссылки могли прекрасно дополнить комплексный подход: исторические, этнографические, географические, экономические и иные сведения завязаны на страницах Атласа порою в очень тугие узлы и их было бы гораздо проще распутать, имея под рукой для справки информацию с соседних страниц Атласа. Кроме того, ссылки позволили бы сделать материал более организованным: не хватает во вводной части информации о Берингии, хотя в книге она есть, не хватает в материалах по русской колонизации Сибири информации о русских путешественниках, хотя в книге она есть, не хватает в статье «На переломе эпох» (с. 360-361) материалов о социальных, экономических процессах 90 х годов, хотя в книге они есть!

Итак, перед нами многоцветное, многогранное прошлое, настоящее и даже будущее Сибири – Азиатской России. Пожалуй, самый сильный козырь Атласа после его оформления – комплексный подход и последовательное стремление авторов к сочетанию данных о регионе из разных областей знания. Атлас является ценным источником знаний о Сибири, хотя научной эту книгу называть ещё рано, несмотря на намёк одного из издателей [4]. Тем не менее, авторский коллектив сделал гигантский шаг навстречу научному воплощению Атласа Азиатской России, я надеюсь, такое издание ещё увидит свет.

Литература

1. Азиатская Россия / Изд. под общ. рук. Г.В. Глинки; [Текст ред. И.И. Тхоржевским]. В 3 х т. Санкт-Петербург: Переселенч. упр. Гл. упр. землеустройства и земледелия, 1914.
2. Атлас Азиатской России / Издано под рук. Г.В. Глинки. Текст редактирован И.И. Тхоржевским. Общая редакция карт М.А. Цветков. Санкт-Петербург: Переселенческое управление, 1914.
3. Атлас Тартарии. Евразия на старинных картах / И.К. Фоменко. М. Казань: Дизайн. Информация. Картография, 2006. 480 с.
4. Атлас Тартарии. Евразия на старинных картах / Издательско-продюсерский центр «Дизайн. Информация. Картография». [Электронный ресурс]. URL: http://www.dik-maps.ru/ru/index.php?content=proj/Menu_01/09/Tartaria [Дата обращения: 20 июля 2012 г.].
5. Сибирь: атлас Азиатской России / Google Книги [Электронный ресурс]. URL: <http://books.google.ru/books?id=z-OXb2iTDmUC&printsec=frontcover&hl=r> и [Дата обращения 18 июля 2012 г.].
6. Сибирь. Атлас Азиатской России / Издательство «Феория». [Электронный ресурс]. URL: <http://feoria.net/sibir-atlas-aziatskoj-rossii.htm> [Дата обращения 10 июля 2012 г.].
7. Сибирь. Атлас Азиатской России / Н.Н. Аблажей, Ц.Б.Б. Бадмажапов и др. Науч. рук. проекта акад. А.П. Деревянко. М.: Топ-книга, Феория, Дизайн. Информация. Картография, 2007. 864 с.
8. Сибирь. Атлас Азиатской России / Н.Н. Аблажей, Ц.Б.Б. Бадмажапов и др. Науч. рук. проекта акад. А.П. Деревянко. М.: Топ-книга, Феория, Дизайн. Информация. Картография, 2007. 664 с.

9. Сибирь. Атлас Азиатской России / Н.Н. Аблажей, Ц.Б.Б. Бадмажапов и др. Науч. рук. проекта академ. А.П. Деревянко. М.: Топ-книга, Феория, Дизайн. Информация. Картография, 2008. 480 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Aziatskaya Rossiya / Izd. pod obshh. ruk. G.V. Glinki; [Tekst red. I.I. Tkhorzhevskim]. V 3 kh t. Sankt-Peterburg: Pereselench. upr. Gl. upr. zemleustrojstva i zemledeliya, 1914.

2. Atlas Aziatskoj Rossii / Izdano pod ruk. G.V. Glinki. Tekst redaktirovan I.I. Tkhorzhevskim. Obshhaya redaktsiya kart M.A. TSvetkov. Sankt-Peterburg: Pereselencheskoe upravlenie, 1914.

3. Atlas Tartarii. Evraziya na starinnykh kartakh / I.K. Fomenko. M. Kazan': Dizajn. Informatsiya. Kartografiya, 2006. 480 s.

4. Atlas Tartarii. Evraziya na starinnykh kartakh / Izdatel'sko-prodyusserskij tsentr «Dizajn. Informatsiya. Kartografiya». [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.dik-maps.ru/ru/index.php?content=proj/Menu_01/09/Tartaria [Data obrashheniya: 20 iyulya 2012 g.].

5. Sibir': atlas Aziatskoj Rossii / Google Knigi [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://books.google.ru/books?id=z-OXb2iTDmUC&printsec=frontcover&hl=ru> [Data obrashheniya 18 iyulya 2012 g.].

6. Sibir'. Atlas Aziatskoj Rossii / Izdatel'stvo «Feoriya». [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://feoria.net/sibir-atlas-aziatskoj-rossii.htm> [Data obrashheniya 10 iyulya 2012 g.].

7. Sibir'. Atlas Aziatskoj Rossii / N.N. Ablazhej, TS.B.B. Badmazhapov i dr. Nauch. ruk. proekta akad. A.P. Derevyanko. M.: Top-kniga, Feoriya, Dizajn. Informatsiya. Kartografiya, 2007. 864 s.

8. Sibir'. Atlas Aziatskoj Rossii / N.N. Ablazhej, TS.B.B. Badmazhapov i dr. Nauch. ruk. proekta akad. A.P. Derevyanko. M.: Top-kniga, Feoriya, Dizajn. Informatsiya. Kartografiya, 2007. 664 s.

9. Sibir'. Atlas Aziatskoj Rossii / N.N. Ablazhej, TS.B.B. Badmazhapov i dr. Nauch. ruk. proekta akad. A.P. Derevyanko. M.: Top-kniga, Feoriya, Dizajn. Informatsiya. Kartografiya, 2008. 480 s.

Сокращения

АМ ПУ ФСБ ПК	Архив музея Пограничного управления ФСБ России по Приморскому краю
РГИА ДВ	Российский государственный исторический архив Дальнего Востока
РГАВМФ	Российский государственный архив Военно-Морского Флота
ГАИО	Государственный архив Иркутской области
ГАХК	Государственный архив Хабаровского края
НАРБ	Национальный архив Республики Бурятия
ПГОМ	Приморский государственный объединённый музей им. В.К. Арсеньева

Сведения о членах редакционной коллегии

- Римская Татьяна Григорьевна** (*главный редактор*) – кандидат исторических наук, доцент, директор филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка
- Бурлаков Виктор Алексеевич** – кандидат политических наук, доцент кафедры всеобщей истории, политологии и социологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)
- Ганопольский Михаил Григорьевич** – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института проблем освоения Севера СО РАН (*г. Тюмень*)
- Демьяненко Александр Николаевич** – доктор географических наук, профессор, заведующий сектором экономического районирования Института экономических исследований ДВО РАН (*г. Хабаровск*)
- Журбей Евгений Викторович** (*ответственный редактор*) – кандидат исторических наук, доцент филиала Дальневосточного федерального университета в г. Находка
- Золотухин Иван Николаевич** – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Калугина Марина Альбертовна** – кандидат политических наук, заместитель директора по науке филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка
- Караман Вадим Николаевич** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Приморского государственного объединенного музея им. В.К. Арсеньева (*г. Владивосток*)
- Киреев Антон Александрович** – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Кирсанова Лидия Игнатьевна** – доктор философских наук, профессор кафедры философии и психологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)
- Кожевников Владимир Васильевич** – кандидат исторических наук, профессор кафедры страноведения Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Кузнецов Анатолий Михайлович** – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Латушко Юрий Викторович** – кандидат исторических наук, научный сотрудник центра политической антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (*г. Владивосток*)
- Лукин Артем Леонидович** – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Литошенко Денис Александрович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)
- Наумов Юрий Анатольевич** – кандидат геолого-минералогических наук, доктор географических наук, член-корреспондент Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, доцент филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка
- Севастьянов Сергей Витальевич** – доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Чой Нак Джун** – Ph.D., приватный доцент кафедры русского языка и литературы института литературы и лингвистики университета Санг Мёнг (*г. Чхонан, Республика Корея*)
- Шестак Ольга Игоревна** – кандидат исторических наук, заведующая лабораторией социологических исследований Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)
- Ячин Сергей Евгеньевич** – доктор философских наук, профессор кафедры философии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)

К читателям

Редакция извещает читателей о возможности подписки на журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования".

Подписка принимается во всех почтовых отделениях.

Информацию о стоимости и условиях подписки Вы можете найти в Объединенном каталоге "Пресса России" (том 1. Газеты и журналы).

Подписной индекс журнала – **42354**.

Кроме того, подписка на журнал может быть оформлена в сети Интернет. Для того чтобы оформить подписку через Интернет, Вы можете зайти на начальную страницу сайта "Ойкумены" (www.oikum.ru) и воспользоваться ссылкой в разделе "Новости".

Уважаемые авторы!

С декабря 2006 года выходит в свет научно-теоретический журнал «Ойкумена. Регионоведческие исследования». Редколлегия журнала приглашает преподавателей вузов, сотрудников академических учреждений Приморского края и дальневосточного региона, а также заинтересованных исследователей опубликовать свои статьи, материалы и методические разработки на страницах нашего издания.

Журнал будет включать в себя следующие тематические рубрики:

- ◆ Теория и методология регионоведческих исследований
- ◆ Регион в ракурсе предметного анализа : структуры и процессы
- ◆ Мировая система и межрегиональные отношения
- ◆ Междисциплинарные и системные исследования региона
- ◆ Эмпирика
- ◆ Аналитика
- ◆ Прагматика
- ◆ Науковедение
- ◆ Регион в документах и свидетельствах
- ◆ Научная жизнь
- ◆ Рецензии и обзоры
- ◆ Программы учебных курсов
- ◆ Методические разработки

Тематика статей, принимаемых к публикации в журнале «Ойкумена. Регионоведческие исследования», соответствует следующим разделам рубрикатора ГРНТИ:

00.00.00	Общественные науки в целом
03.00.00	История. Исторические науки
04.00.00	Социология
11.00.00	Политика. Политические науки
13.00.00	Культура. Культурология
23.00.00	Комплексное изучение отдельных стран и регионов

Требования к объему и оформлению предоставляемых в редакцию материалов

1. Формат файла txt, MS Word, OO Writer.
2. Файл не должен содержать сложных стилей и форматирования. В заголовках не изменять ПРОПИСНЫЕ символы, простановка буквы ё обязательна.
3. Шрифт Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
4. Поля : верхнее и нижнее – 2 см., правое – 1,5 см., левое – 2,5 см.
5. Порядок оформления статьи : УДК, Ф. И. О. автора (авторов), название статьи, аннотация, ключевые слова (не менее 5-ти на русском и английском языках), текст статьи, список литературы.
6. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведенной цитаты. Например: [2, с. 5]. Ссылка на неопубликованный архивный документ помещается только в тексте самой статьи в круглых скобках. Например : (ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4-5).
7. Расшифровка сокращений и аббревиатур (кроме общепринятых) обязательна. Например : ГАПК -Государственный архив Приморского края.
8. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учета соавторов и хронологии. В списке сначала указывается литература на кириллице, затем на латинице, и после на других системах письма. Библиографическое описание должно включать полное наименование книги или статьи, место издания, издательство, год, общее количество страниц (для статьи – страницы, на которых она помещена). Ссылка на Интернет в списке литературы оформляется следующим образом : Название материала, [Электронный ресурс]. URL : <http://www.ojkum.ru/> [Дата обращения : 01.01.2010 г.].
9. Объем – 0,5 п. л. (20 тыс. зн. с пробелами).
10. Рисунки, карты, графики и т.п. принимаются в наиболее распространенных (cdr, eps, ai, jpeg, bmp, tif) форматах отдельными файлами. К графикам обязательно прилагать таблицу на основании которой этот график сделан.
11. Ввиду черно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. по возможности не должна содержать более трех цветов (черный, белый, серый 50%).
12. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации. **E-mail : oikomene@rambler. ru; ojkum@rambler. ru**
13. Название (не более 2-х строк), текст статьи, сведения об авторе (Ф. И. О., ученая степень, ученое звание, место работы и должность, рабочий (домашний) телефон, e-mail), аннотацию (6 – 8 строк) на русском и английском языках, а также название статьи на английском языке и написание своей фамилии латиницей присылать в одном файле.
14. Присылаемому файлу следует присваивать только имя (фамилию) автора.
15. К публикации в журнале принимаются, как правило, работы, ранее не публиковавшиеся в русскоязычных изданиях.

Статьи проходят обязательное рецензирование.

Редакция оставляет за собой право отбора публикаций.

Файлы, подготовленные с нарушением требований, не рассматриваются.

Плата за публикацию не взимается.

Ойкумена. Регионоведческие исследования:
научно-теоретический журнал

2012 № 3 (22)

Изд. лиц. ИД № 05497 от 01. 08. 2001 г.
Подписано к печати 31. 08. 2012 г. формат 70x108/16
Усл. п. л. 16,98. Уч. -изд. л. 15,46. Тираж 200 экз. Заказ 93
Цена свободная
Отпечатано в типографии ФГУП Издательство
"Дальнаука" ДВО РАН
690041, г. Владивосток, ул. Радио, 7

